Анатолий Побаченко

Осенний хмель

АНАТОЛИЙ ПОБАЧЕНКО

О С Е Н Н И Й

Х М Е Л Ь

И З Б Р А Н Н О Е

НОВОСИБИРСК
2014

УДК 82-1
ББК 84-5
П 41

Побаченко А. Н.
П41 Осенний хмель. Избранное.
Новосибирск: РИЦ НПО СП России, 2014. – стр.

ISBN

В «Осенний хмель» Анатолия Побаченко вошли избранные стихи из шести поэтических сборников (с 1992 по 2013г), а также стихи и заметки последнего времени. Кроме Новосибирска, многие стихи публикуются в Москве («Поэтоград», «Литературные известия»), в Санкт-Петербурге («Зинзивер»). Член Союза писателей России, Союза журналистов России, Союза писателей XX1 века.

© Побаченко А. Н., тексты, 2014

Из сборника «Взгляни в глаза грозе», 1992г.

***

Вот когда отцвету,
вот когда отгорю, отпою
в тихом поле родимой страны,

пусть любимой всегда –

незабвенные песни весны,
в голубом далеко
лёгкой дымкой плывут облака,
на зелёных ветрах
пусть полощется светом строка.

***

Имейте мужество смотреть
в глаза грозе,
в миг чёрной скорби – не реветь,
не рвать друзей.

Подняться по лучу б наверх,
из-за плеча –
взглянуть: живут ли гордый стерх,
ковыль, типчак.

Уйти к истерзанной душе,
себя ей – в дань,
но и тогда – в дожди расшей
любовь и рань!

***

Мы к свету
осокой пробились
из горькой военной поры,
с живыми навек породнились,
спасибо отцам: помогли.

Гордились морозом, болотом,
берёзкой невзрачной, кривой,
и выросли с женским народом
под залпы второй мировой.

И гнёт лагерей и указов
о страшных ржаных колосках
мы жалкою кожею таза
познали тогда на века.

Но пропасть открытых полянок,
убитых прикладом идей
бросает нас, трезвых и пьяных,
к нетленным останкам людей.

Ничто затупить нас не сможет,
не всех задавило ярмо.
Несметные силы умножит
зелёный бессмертный гормон.

Осокой
мы к свету пробились
из горькой военной земли,
водой родниковой умылись
и в тысячелетье вошли.

***

Метрополия духа –
в метрополии слова.
Кулаком рвётся в ухо
золотая полова.

Диктатуры компрессор
из бумаги холодной,
как бездумную массу,
всех давил принародно.

Откровенно и нагло
утверждалось надолго,
что всего лишь мы – пакля
или винтик. Что толку?

Для мгновенной растопки
брошен в чёрную печку
я – затычка из пробки,
ты – потухшая спичка.

Не могу жить спокойно,
когда душу молотят,
невиновных на бойню
под конвоем выводят…

Ночью слышу тот выстрел
незабытых тридцатых,
звук отчаянный, быстрый
и какой-то надсадный…

Удаляется глухо,
появляется снова…
Укрепление духа
в очищении слова.

Дед

Был у деда
дом и невод,
золотые поплавки,
слово красное для девок
и для драки казанки.

Правду людям
гнал в другой раз,
словно совести наказ.
Но ему сказали, горбясь:
«Поостынь-ка, дед, у нас…»

***

Сирень цвела.
Но Бия билась
свинцовой влагою о брег.
Роса во тьме едва светилась.
Но кто-то тяжко двигал век:
тайком тянул из сквера монстра.
Тяжёл. Но справились к заре.
И туша Сталина, как контра,
упала в воды…
И харэ.

***

Не волны Чанов
качали
меня среди планет,

не травы степи
питали
соком военных лет,

не полоскал меня
ветер

на солнце золотом,

а мама моя
всё это
делала.
И ладом.

Два конца

Помню лето на покосе,
солнце красное – огонь
и табурку, с острым носом,
рядом жёсткую супонь.
От меня лесное шило
не могло никак отстать.
Где меня с Гнедком носило
там – табурка, нам под стать.
Обойдём копну с верёвкой,
мать ли, тётка – подойдёт,
подкопнит, табурку строго
в петлю вденет – и в полёт!
Мётчик Мишка Колотыгин
вилами укажет – где
мне копну поставить мигом,
а потом – к другой лететь!..
Знал ли я в тот век железный,
чем жила страна моя?
Нет, мой спутник, друг полезный,
зря летали. Помню я,
как отец и мать сводили
два конца – у трудодня,
к бригадиру как ходили
взять коня на день, на два.
Как слезою мать давилась
по итогам года, дня,
потихоньку всё молилась:
прожит день, жива родня.
Живы ли? Жива ли совесть?
Не потеряна – тогда.
И сейчас та жизнь, как повесть –
не прочитаны года.
Не пройти покосом прежним,
о табурке – вспоминай!
Был и Сталин, был и Брежнев,
много было. Но ты знай.

в том полёте есть надежда,
что незлое правит бал.
Мы, как Русь, подъемлем вежды:
крепок тот,
кто не пропал.

Русское поле

1

Небо такое,
как лемеха сталь.
Поле большое,
но я не устал:
надо мне, братцы,
с машиной глухой
солнца дождаться
за сонной рекой,
доброго поля найти окоём,
вычерпать долю сегодня вдвоём.
Но до восхода ещё далеко,
стелется дымка,
как шерсть у волков.

2

Идти,
чуть обгоняя друга,
и свет нести чуть впереди,
и остаются пусть за плугом
рабочей совести следы.

3

Всегда жить под властью
родного неба,
да было бы гостю
кусочек хлеба.
Желанье насытить
простором, волей
и честным бы выйти
к русскому полю.

Зерно пшеницы помнит
земь былинную
и свой рубец –
как весть:
за Русь единую!

***

Разбуди меня,
утро погожее,
подними,
позови,
поведи
вон туда,
где синеет Хорошее,
озерцо в Кулундинской степи.

Я пойду за густыми туманами
с верой в светлую долю свою,
над лесами, полями, баданами
задушевную песню спою.

Понесу по рассвету широкому
молодую запевку тому,
кто мне тайну откроет глубокую –
до конца верным быть одному.

Никогда не забудутся трубные
голоса журавлей высоко,
что идут на задания трудные,
не мечтают, что будет легко.

Разбуди меня, утро погожее,
и в родные луга отведи,
чтобы помнил я утро хорошее
в Кулундинской солёной степи.

***

Прости, мой край,
где рос и плакал,
где я встречал свою печаль,
где, сон забыв, зарю аукал,

рассветы тёплые встречал.

С мечтой ушёл в степные дали,
дорогу ветры мне мели,
советы добрые давали
друзья, озёра, ковыли.
1963

***

Когда грохочут грязные колёса
по колее, разбитой и пустой,
когда колдуют над копною осы
и виден диск, блестящий, золотой,

когда уплыли в вечность утром росы,
печаль забыта в ярый миг густой,
наполненный заботами покосов,
жарою полдня, песенкой простой, –

тогда живут мечтой глаза мальчишки
и есть опора для его судьбы.
Он обрисует всё в страницах книжки,

что видит здесь: озёра, степь, столбы.
Судьба надёжно, словно ось в колёсах,
ведёт вперёд, как дома взятый посох.

***

Не высказать, как вынесла одна
величие прекрасных дней, улыбок,
не помнит памятных другим ошибок,
воспоминаний – масса, кутерьма.

Но впрок живут добротные дома,
растут в глубинах вод икринки рыбок,
ей мил ребёнок; кажется, так хлипок,
что мать боится: ведь вопросов тьма.

Врачует дух любимая строка,
и в сладкое упёрся нос курносый…
Забыто всё: и полночь, юность, росы.

Весь мир в руках, как небо в облаках.
Надёжно сверху светит Млечный путь,
и нежит счастье молодая грудь.

Прачки

На проводе сидят
ласточки-прачки
и крепко держат
лапками-прищепками
мою душу.

Выстиранную в небе,
прополощенную в степи.

Непонятная радость,
как барабинский ветер,
толкнула меня в спину –
сними!

Рысь

Мыс.
Мель.
Ель.
Рысь.

«Кис»
пел
перл –
ввысь!

Страх
брал

птах:

гнев
рвал
зев!

Гори, зелёный огонь!

1

На подстилке
прошлогоднего лета
лежу.
По соломинке, по монорельсу,
пошла медленно гусеница,
перекатывая в себе
клубок нечеловеческой тоски
по скорой встрече.

Убить – будет гореть
где-то во Вселенной
зелёный огонь…

2

Веслом поднял усталую стрекозу
с глади озера,
крылышки расправил,
чуть-чуть подбодрил.
И только тронул её пальцем –
взметнулась,
полетела к ракитам
с возгласом:
– Здравствуй, Земля!

***

Родина – это бездонные дали,
тяга равнины в полёт.
Родина – это слезинки проталин,
первых подснежников ход.

Родина – « льна Божьей матери» пламя,
дух солеросов и трав,
это отечества зарево-знамя,
добрых родителей нрав.

***

Январь – про́синец
заглотнул глубоко
стального цвета
новенький крючок –

и лето тянет
леску понемногу,
и солнце держит
голубой сачок.

***

Крепкий морозец, мой спутник лихой,
топчется рядом порою глухой.

Тихо снежочек на стылом дворе
песню поёт одинокой заре.

Медленно движется звёздная дверь
тайных желаний, встреч и потерь.

Бьётся о сердце такая волна:
будет ли жизнь до предела полна?

Будет ли в памяти песней жива
поступь любимой да мята-трава?

С ней ли поверю в своё ремесло,
в первую строчку – святое крыло?

***

О зимний вензель утра!
Своею тайною меня не мучь:
загадочен твой бог золотокудрый
и след его на окнах – тонкий луч.

Светило медленно подъемлет очи –
и тайны нет, и зова нет к себе.
Лишь я – уйду в дела
и даже к ночи
не вспомню об иной,
неизбранной судьбе.

Добрый бог зимы

Не спеша, не слышно
снег идёт, идёт,
у берёзы пышной
малость отдохнёт.

Молодой послушник,
добрый бог зимы,
подобьёт подушки –
белые холмы.

Он готов народам,
солнышку весны
снаряжать подводы,
полные казны.

Не оставит лаской
в поле рожь, спасёт,
справив людям Пасху,
с миром отойдёт.

С ним под серым небом
чувствую себя
зябкой веткой вербы
и молчу любя…

Печка

Что-то печка моя
задымила,
надо золу ещё отгрести.
Чья-то песня меня истомила,
не могу от души отвести.

В ней – струится вода ключевая
(родники, слава богу, живут!),
занялася заря золотая,
без ума птицы глотку дерут.

Словно лебеди, в белом берёзы,
сны зелёные видят луга,
чу! в тулупах сибирских
морозы
величаво ступают века.

А печали искать мне не ново,
верный ветер поможет в трубе
вспомнить песню мотива иного
в чуть притихшей
от стужи
избе.

Не торопится солнце к закату,
не спешу оборвать я строку,
но подходит вдруг
горькая дата,

грусть какая-то…
Петь не могу.

Что ж ты, печка моя,
надымила?
Или золу ещё отгрести?
Знать, душа в ней
немножко остыла,
то ли я растерялся.
Прости.

Черёмуха пишет стихи

Посмотрите,
мои дорогие,
как черёмуха пишет стихи.
Она белые пишет,
другие
для весенней погоды плохи.

И читает их вслух
тёплый ветер,
шепелявя порой языком,
и притих,
с пузырьком,
мальчик Витя,
он сюда подошёл босиком.
Им забыты весёлые игры,
и грибок,
и заборчик худой,
где слоняются жёлтые тигры
по песочку в полыни густой.

Если есть на земле
миг свершенья
всех желаний,
любви торжество
и высокое предназначенье
для меня, для тебя, для всего, –
то готов я дарить

на дороге
строчки белые – знак землякам,
что живут на земле ещё боги –
наши дети, цветы, облака.

Посмотрите,
мои дорогие,
почитайте,
уверен: стихи
в вас разбудят желанья святые,
будет меньше
сердчишек глухих.

***

Подари мне камешек с Алтая,
в белопенной речке подбери,
чтоб была прожилка золотая,
как у первой алости зари.

Соберусь я с ним, как по тревоге,
всё пройти, пусть даже с батогом!
Молодые верные дороги
уведут нас в горы высоко.

Но душа забудет ненадолго
над равниной стелющийся дым –
вновь меня берёзовые колки
позовут к рассветам дорогим.

Подари мне камешек с Алтая,
в белопенной речке подбери,
чтоб была прожилка золотая,
как у первой алости зари…

Золотое озеро

Горы надвинули шапки
на лоб свой – и нет полнеба.
Бросили снега охапку
в спины идущих… Идти бы…

В белом и кедры, и ели,
мы – наподобие снега –
тянемся цепочкой еле,
падая в тёплую негу.

Хочется вместе с тобою
лечь, распластаться в юдоли.
Сколько собою мы стоим? –
спросим у волн Алтын-Кёля.

***

Я в молочном тумане
над рекою Иня
затонул утром ранним,
затонул без тебя.

Не найти мне причала
в этой милой реке,
ни конца, ни начала
не видать вдалеке.

Не поможет в дороге
мне седой козодой,
поводырь мой в порогах –
луч зари золотой.

И не верится вроде,
что прибудет закат,
где-то солнышко бродит,
день стихами богат.

В том молочном тумане
отдохнула б душа,
да куда-то бог манит
нас отмеривать шаг…

***

Алеют вечерние тёплые зори,
прощается с облаком ласковый день.
Рыбацкие лодки мечтают о море,
баюкает речку полночная звень.
В воде отдыхают усталые ноги:
вошли они сочно в коричневый ил.
И льются в меня, словно томные строки
волнения мерного, думы Ини.
Немного ещё постою на распутье –
дорог ли? времён ли? Отважусь потом
я к вам обратиться, любимые люди,
и вами прощённым вернуться в свой дом.
Пойду по дороге к далёкому сердцу,
что ждёт испокон… И дождётся ль меня?
Но только б идти, никуда бы не деться,
в душе акварели земные храня…

***

Ласточка моя,
весточка,
весенняя веточка,
быстрокрылая вещунья,
ласковая щебетунья,
принеси мне весть
от любимой,
от сторонки родимой.
Как живут
полынь горькая,
гривы мои
да колки?
Как живут Бекаревы,
Денисовы, Беловы?
Остались там пекари,
печники да плотнички?
Хороши ли работнички?

Сколько сажи –
потом скажешь.

***

Пандоры ящик страшен в темноте.
Звезда дрожит: упасть боится

на землю нашу
к смертной той черте,
где есть обугленные лица.
В лучах опалевых не видна зла.
И птицы рады ветру с поля –
принес им весточку:
заря взошла!

А ты всё тот же –
с прежней болью
за мир зелёный,
свежий и хмельной,
за хлебный дух
из русской печки,
за звон комариков,
за дол родной,
за лепет-плеск
равнинной речки…

Поэзия всему оплата

1

Кухно читает добрые стихи.
В них – рукавички, как ребята,
смеются, плачут…
В зале нет глухих:
поэзия – всему оплата.

В душе моей
оставил он строку
о сокровенном – тайной птахе,
и не забуду
на своём веку
ранимость сердца,
жизнь без страха.

Кухно читает добрые стихи…

2

Флобера строгая строка
урок суровый всем дала:

писать правдиво, на века,
не ёрзать местом у стола.

как вол, работать,
не жалеть
крутые гулкие бока.

И зло
поможет одолеть
Флобера строгая строка.

Берегиня

Берегиня, моя берегиня,
ты – молитва моя и богиня.

Научи-ка меня чудо-слову,
отмети-ка от зёрен полову.

Не тянусь я за призраком-нимбом,
золотые слова сохранить бы.

Умоляю свою берегиню:
не гони на меня холодину…

Берегиня моя, берегиня…

***

Моё имя в вечерней заре не забудь,
отыщи среди тысячи разных вещей.
Пусть оно, как ребёнок, потычется в грудь
и заснёт на руках под стенанья грачей.

Моё имя – прошу – не забудь, помяни,
когда будешь в купели ночной засыпать.

Пусть же звёзды побудут с тобою одни
и не знают, что мне без тебя – зарыдать…

***

Вот и к нам подошли холода.
Обь накрылась сухим одеялом,
что из снежного пуха и льда.
В нём иголкой слова позастряли.
Они брошены здесь летним днём –
до сих пор меня мучают боли.
Вот опять подошли… Подо льдом
они просят ответа и воли.
Обь родная, скажи, не томи,
чем вину искуплю перед нею?
Как живёт она там, на Оми?
А я здесь – всё болею,
немею…

***

Уйдёшь, – и одиноко в сердце,
и сад оглох от тишины.
Замолкли лук, грушовка, перцы,
не солнца ярь, а свет луны.

Уйдёшь, – и ветерок затихнет,
со мной присядет на скамью,
за смородою спичкой вспыхнет
капустница, словно «люблю».

***

Тебя узнать –
это так же,
как войти в озеро Чаны
и медленно идти
погружаясь
и постигая его красоту.

Так же.

как прыгнуть в него
с кормы лодки
и дна не достать…

***

Подмигни, улыбнись,
поддержи в час-другой
и легко обними,
поцелуй.
Будь такой.
Счастлив здесь,
на Земле,
быть с тобою – всегда.
Даже если к Луне
полетишь – и тогда
не забудь:
подмигни,
улыбнись,
поддержи…

***

Нет, никогда
не буду одиноким
в краю родном
с моей клубникой,
с тополем высоким,
с дождливым днём,
с листочком волглым,
с жёсткой камышинкой,
с тобой, Чаны,
с одной росинкой
на паутинке
моей страны.

Дожди полевые

Нет события в мире важнее:
дождь прошёл, стало легче дышать.
И пошли мои всходы дружнее,
и полей зеленеет душа.

Каждый встречный тебя только спросит:
Был-то дождь? – и уже всё поймёт:
кто давно травы добрые косит,
кто ещё понадеется, ждёт.

Вот что значит – дожди полевые!
А другого значения нет.
Дождь прошёл! – говорят вестовые,
словно куплен в дорогу билет.

Словно ждёт тебя новая встреча,
и отрадой наполнится грудь,
что билет тот – простая предтеча
светлых дней, открывающих путь.

* * *

Без осин и берез,
ветра в ставнях,
голубых сновидений
в стогу,
без веселого трепета
в плавнях
я представить себя
не могу.
Без родителей
добрых и строгих
не запало б в судьбу
навсегда
и камыш, и озёра,
отноги
и крестьянская в поле
страда.
Без жестоких морозов
в дороге,
без тягучего скрипа
саней

и без верной звезды
над порогом
было б в жизни намного
трудней.

ЗЕМНОЙ БОГ

Венок сонетов

Ребёнок – непризнанный гений
средь буднично-серых людей.
М. Волошин

1

Твои уста от рода несравненны.
И не найти подобия глазам.
Изменчив мир, младенчество, гроза,
Но истины извечные нетленны.

Ребёнка замыслы – благословенны,
И ласковое слово, как бальзам,
Облегчит душу грешную друзьям.
Следы его да будут незабвенны.

Пройдут сквозь детство боль и огорченье.
Тебе добро, как первый луч весны,
Откроет высшее предназначенье.

И свет берёз, и терпкий дух сосны,
И времени тяжёлое теченье
В единое однажды сведены.

2

Твои уста от рода несравненны,
Наитьем воли вплетены в тела.
Любовь земное в вечность возвела,
Обожествив родительские стены.

Спасут они от гибели и скверны
Простое слово, добрые дела,
И, постоянством детство наделя,
С тобой навек останутся невинны.

В урочный час лишь только егоза
Затихнет вдруг и головой поникнет,
В твою судьбу отчаянье проникнет

И содрогнёшься… вот уже… слеза…
И мимо не пройти. Боль не утихнет.
И не найти подобия глазам.

3

И не найти подобия глазам
Восторженным, тревожным, бескорыстным,
Живущим в мире бесконечно присно,
В родном всему по крови, по азам.

Но если вспыхнет средь детей буза
И людям станет в одночасье тесно,
То вновь – как жить нам, бедным? – неизвестно.
Безумствует сомнений, чувств базар.

Мы – все из детства. И дерзать должны,
Как мать учила. Быть правдивым в слове.
Кнуты жестокой воли не страшны:

Нам жизнь одна, и вечно будем за –
Добро, любовь и свет. В такой основе
Изменчив мир, младенчество, гроза.

4

Изменчив мир, младенчество, гроза.
В Аиде злобно парки торжествуют,
Они надеются, что нить живую
Порвёт рука безумного туза.

В ответах срочных ногти изгрызал,
Но находил я: век идёт впустую,
Когда не ищут истину простую,
Когда ослабли жизни тормоза.

Но как, откуда злое началось?
Кто будет знать: последним или первым
Погибну на земле, живя авось,

А во Вселенной вечны мы, мгновенны?
Натружено гудят, как струны, нервы,
Но истины извечные нетленны.

5

Но истины извечные нетленны,
И нашим песням не проходит срок,
И каждый миг – контрольный нам урок,
Где выводы, итоги несомненны.

Бывает час: родители презренны,
Судьба новорождённого – им рок
Гнетущий, гибельный, дают зарок,
Что будут только без него блаженны.

В признаньях поздних яд судьбы испит.
Заплатит должный мне за все измены,
За ложный слог в любви, за меткость бит,

За плод земной, за истины бесценны.
Душа бесспорное всегда хранит:
Ребёнка замыслы благословенны.

6

Ребёнка замыслы благословенны.
Любовь, как истина, ему верна.
А жизнь свою! – не вычерпать до дна,
Она мечтой полна обыкновенно.

Но чтобы разом не исчезли гены

В пожаре атомном, в разгаре дня,
Чтобы росла и множилась родня,
Огнём не рвались жилы, вены,

Хочу я верить сердцу одному
(И мир спасти от ядерного тола,
От лазерного смертного укола) –

Живому богу, детству моему.
И верю: будет чистою роса
И ласковое слово как бальзам.

7

И ласковое слово как бальзам,
И тёплый взгляд, напутствие в дорогу,
Прими душою доброю в подмогу,
Когда ничем помочь тебе нельзя.

Стрелой пронзит нас горькая слеза…
И детство вновь, к единственному богу,
Судьбой одетого в земную тогу,
Вошедшего в святые образа.

Мечтать – подвижникам суровой правды!
По зову сердца веру вознеся
Над ложью, смертью – одолеть преграды!

Удачи Вам! Рассвету лица рады!
Пусть дальний вестник, светлая стезя,
Облегчит душу грешную друзьям.

8

Облегчит душу грешную друзьям
Не только слово, но и наше дело.
Встречай заблудших твёрдым духом смело
И честно говори своим гостям:

На детство мы обречены не зря,
Внутри не всё у нас дотла сгорело,

Быть может, что-нибудь уже созрело,
О том ещё поведает заря.

Но можно ль знать истоки бытия
И будущее звать, не помня корни?
Забыть, как дышат у планеты горны,

Как светоносная идёт струя?
Во всём – пути ребёнка беспредельны,
Следы его да будут незабвенны.

9

Следы его да будут незабвенны
В судьбе людей, в судьбе иных миров,
Зовут дитя далёкий светлый кров
И дали – совершенством откровенны.

Стремленьем к звёздам дети вдохновенны!
Как хочется и там пасти коров
Или лечить того, кто нездоров,
Вверяя другу мысли сокровенны!

По кормчим звёздам – жди! – придёт назад
Он, преисполненный великой веры
В траву и рожь, в залитый светом сад,

В большой хорал – предутреннее пенье.
Дополнив жизнь страданьем, жёсткой мерой,
Пройдут сквозь детство боль и огорченье.

10

Пройдут сквозь детство боль и огорченье,
Но будет жить росток твоей души:
Взрастят его достойные мужи,
могущие рассеять подозренье.

И мать отвергнет горькое сомненье
И прошлое не будет ворошить.
Ребёнку своему достойно жить –

Вот истины высокое стремленье.

Мы спаяны любовью в страстном беге,
И в нашем коротком громовом веке,
Сжигая жизнь, прекрасному верны.

Так оры, открывая створы неба,
Даруют людям свет, посланье Феба,
Тебе добро, как первый луч весны.

11

Тебе добро, как первый луч весны,
Укажет цель и к сердцу мило склонит,
Как Старший, мысли тёмные прогонит
И тихо молвит: « Не было б войны…»

Дороги крови на Земле видны:
Во мне солдата голос глухо стонет,
Далёкой тучкой в небе светлом тонет,
Как выдох малый ясной глубины.

Здесь всё едино: доброе и злое,
Твоё желанье – не было бы войн,
К планетам дальним вечное стремленье.

Живи, учись, расти судьбу в делах,
Дитя в себе – он словно бог, аллах –
Откроет высшее предназначенье.

12

Откроет высшее предназначенье
Тебе в пути заветная звезда.
Иди за ней и гибни без следа,
Не укоряй себя за отреченье!

Не дай, мой бог, герою облегченье!
Настанет день – поверит он тогда
Тому, кто знает красоту труда,

Тому, кто верит в правду, в очищенье.

Неумолима тяга к неземному,
Но корни в нас. И отроку родному
Орбиты космоса в глуби видны.

Возврата нет. О чём тревоги сына?
Печалит душу родины картина,
И свет берёз, и терпкий дух сосны.

13

И свет берёз, и терпкий дух сосны
Запомни, сын! и где-то на чужбине
Ты вспомни гроздья красные рябины
И свист осенний ветровой страны.

Но, раздвигая чёрный полог тьмы,
Корабль изучит звёздные лавины
И чёрных дыр невидимые тины,
Которые не познаны людьми.

Кто гений тот? Когда придёт? Где тайна?
Иль мы давно открыты в мессах Гайдна?
Терзает душу дерзкую смятенье.

Она себя узнает в сонме звёзд,
Услышит зов глухих раскатов гроз
И времени тяжёлое теченье.

14

И времени тяжёлое теченье,
И божий дар родного сорванца,
И тихий свет любимого лица
Откроет в людях новое свеченье.

И это будет сердца обретенье.

Связуя в узел заповедь отца,
Оно тревожит думы удальца,
В потоке дней сильно своим ученьем:

Побольше света, в слове больше дела,
Чтобы душа легонечко запела,
Не ощущая за собой вины.

Чтобы остыли в мире детства нервы,
Где жизнь, любовь и древний глас Минервы
В единое однажды сведены.

15

В единое однажды сведены
Добро и зло. Но мирозданье прочно,
И наши души в мире денно-нощно
Небесной кровлей объединены.

Углы родного дома век красны,
Окно раскрыто, солнце льётся мощно,
И взрослому не надо ставок очных:
Ребёнка замыслы всегда честны.

Поверь: его признает мир земной,
Коленопреклонённо внемлет чуду,
Как будто сбросит с плеч каменьев груду

И скажет в буднях: «Милый мой, родной,
Твоим глазам не ведомы измены,
Твои уста от рода несравненны.
1980

***

Мне не надо креста.
Поминальных речей мне не надо,
вечен жизни поток,

переменчивы формы его.
Мне бы только с тобой
ту прожить
и пройти часть монады,
что стрекочет, свистит
и поёт и грустит от всего.
Мы с тобой не одни
в этом мире грустим друг о друге,
не одни расстаёмся,
уходим, пространство порвав.
Нас мильоны таких,
кто уходит в молчанье дороги,
в неизбежную тень
равнодушных,
безжалостных трав.
Но хочу одного:
ты ведь знаешь,
о чём мои просьбы –
будь смелее меня
и решительно дальше иди!
… по дороге пустой
подорожник пройти тоже мог бы,
только может ли он
за тебя обо мне – загрустить?

В дороге с тобой

1

А первая песня
как шаг от порога,
а верные вести
как посох в дорогу,

где трудные вёрсты
упорным сдаются,
где добрые звёзды
нас ждут не дождутся.

2

Стать вестником мне бы
пушистым берёзкам,
родимому небу,
кукушкиным слёзкам.
И к дальнему другу

идти – обжигаясь –
сквозь зной и сквозь вьюгу,
себя забывая.

3

Вечный стук в ворота: выходи!
А. Блок

Ворота открою
и выйду я в мир просветлённый,
весь полон надежды,
что он не обманет меня.
В счастливую долю
безмерно с рожденья влюблённый,
пойду по дороге,
разбуженной песнями дня.

Шагну я без страха.
И золото сердца растрачу,
рассыплю любовно его
по заветным местам.

На зорьке вечерней
сегодня усталым наплачусь,
а завтра себя
без остатка дороге отдам.

Холодные ночи,
колючие белые звёзды,
но доброе дело, как стог,
не устану вершить.
Стелились бы мне
постоянно раскосые вёрсты,
пылало бы в сердце
желание прежнее – жить.

Чуклайда

Было время –
к деревеньке Чуклайда
речка-Омка
приласкалась навсегда,
и остались они вместе
обживать
степь широкую,
земную благодать.
Здесь тревожная

татарская душа,
видно, слово
обронила в камышах.
И живёт с людьми,
летает Чук – лай – да.
Ты попробуй
догони его,
айда!

Кровохлёбка

Вишнёвый,
тёмно-красный цветок
растёт в Барабе –
пролито кровушки в ней
татарами, джунгарами,
калмыками, русскими.
Вижу далеко:
вышел человек на поляну,
лёг на травку отдохнуть,
глубоко вздохнул…

Нет,
не забыты безымянные герои,
помнит о них вишнёвый,
тёмно-красный цветок.

Всадник

Рыжей лисою
стелется степь Барабы под копытом.
Катится солнце
к белому царству, спину гонцов обжигая.
Чёрному всаднику ветер свистит о счастье разбитом,
о землях Сибир, о власти былой Кучума и Кучугая.
Много ли дум передумал? –
ворон не скажет, не знает,
мрачно поодаль летит он,
тенью своей чужих провожая.
Бешено дума
силу былую в кулак собирает:
только уйти!
не в жадную топь, следы за собой обрывая.
Степь, словно небо над полем,
дышит, свободой рыдая,
к солнцу торопятся травы,

сроду ему покоряясь.
Вечно добры вы, ковыль, типчак и ты, полынь родная,
дикою степью мчится сегодня он, злобой зверя пугая.
Было ведь всё.
Верится: в руки опять голь вернётся!
Гвардия рядом, славна земля.
Жалко: нет Маметкула…
Тем же шакалам, кто предал нас, смертью бег обернётся.
Слабо горят ночью огни, меркнут под стоны в аулах.
Правда одной, правда другой стороны –
кто вас рассудит?
Кто под казан подсунет камыша
в дымок пустой, оскуделый?
Кто табуны под свист бичей
темью поднимет, разбудит?
Кто нам с тобой поделит Бараб,
враг мой, царь Московии белой?
Ночь водою Каргата напиталась, кто её выпьет?
Звёзды стоят над головой,
словно голодная волчья стая.
Всадник оставил коня и слушает жалобы выпи,
а жизнь бездорожьем гонит коней,
вечность устало вдыхая…

КУЧУМ
Венок сонетов

Мы – два коня, чьи держит удела
Одна рука, – одна язвит их шпора.
В.И. Иванов

1

Кучум, монгольский царь Сибири,
Несметной властью дорожа,
И от измены – сон круша,
Луне святой надежду вверил:

-О, Цаган-сульде! В чёрном мире
Судьбу кочевников верша,
Избавь от тайного ножа,
Спаси бессмертные кумиры.

А кто пойдет против Аллаха,
Того постигнет участь праха:
Велик Сиин – ислама раб.

Но, вспомнив сабель жадных взмахи,
Тиран, как трус, дрожит от страха,
Сбирая летописцев скарб.

2

Сбирая летописцев скарб
И шейбанидов песни века,
Салтан запомнил слово бека,
Хотя сам памятью ослаб.

Учил его под конский сап –
Беречь чингиса-человека,
Молить пророка – меньше б снега:
Коней изрежет снега храп.

Лечить лишь кровью слуг шайтана,
Забывших руку Бату-хана
И коготь мягких львиных лап.

Ему не страшны немощь, раны!
Кучум, по-видимому, рано
Вошёл в историю, как раб.

3

Вошёл в историю, как раб,
Коварный хан на землях чуждых.
Ибака ветвь, исламу нужный,
Он был завистлив, сиволап.

К тайге его послал сатрап –
Эмир коварный, родом южный.
Уж десять лет он верен службе,
Грозя язычникам с утра:

-Ясырь, молись, твой род пропал!
Однако, идол, как шакал,
Ему ли даст покоя, мира?

Вновь требует – извечный странник –
Тебя на суд, о зверь-посланник
Страстей чужих и злобной лиры.

4

Страстей чужих и злобной лиры
Он не забыл в тот дикий час,
Когда ему князь Карача
Шептал о западном вампире:

-Гирей ломал в столице двери,
Москва горела, как свеча.
И всё погибло от меча,
Но не убил он корень веры.

Мой хан, улусы береги,
Воспрянет Белая Орда,
Алей прославит мощь руки.

Наступит царствие батыров.
О том – нам весть о городах:
В них слышен звон мечей, секиры.

5

В них слышен звон мечей, секиры,
Там с каждого бы взять ясак.
(Печалит только Асманак,
Иваном взятый на квартиру…)

Сеин-Бахта вел счёт в цифирях:
Даруг справлялся кое-как
Со сбором шкур или медка
Царю, и князю, и визирю.

Но чернь – «корения едяху» –
Молилась деревам со страху
И редко чтило слово «грабь».

Она познала длань врага:
Не первый раз ей рвал бока

Кашлык, жестокий жалкий штаб.

6

Кашлык – жестокий жалкий штаб.
Кучум отдался воле ветра,
Но потерял он крепость кедра,
Да конницу замучил сап.

В ушах стоит казацкий залп:
И вновь рванулся к чатам, в недра
Калмыков белых, чтобы ядра
Ему готовили всегда б.

Иметь бы пушки, силу молний!
Потряс бы град Иванов стольный,
Паршивым псам сломал бы храп.

Со стоном гонит он коня.
Но хана знает Бараб-земля:
Готов пройти болотов хлябь.

7

Готов пройти болотов хлябь
Бездомный дух. Он волком воет:
Его Ишим лишь упокоит
Или Чанов седая рябь.

А степь – извечный эскулап –
Чуть снимет боль, в ночи укроет,
Косым дождём казан умоет,
Заглушит стана тяжкий храп.

Судьба татар – ковыль, борьба.
Скрипи от времени, арба,
Вези усталых слуг эмира!

И только в тишине намаза

Имам поднимет дух наказом:
Отвоевать себе полмира.

8

Отвоевать себе полмира,
Чтоб царствовал в нём богдыхан
И людям был закон – коран
Взамен любого эликсира.

Еще до северной Пальмиры
Москву одел глухой урман
В меха собольи. Но кафтан
Имел особенные дыры!

Сибирь, ты скажешь своё слово!
Таган поставлен будет снова,
Пройдёт над степью злой самум,

Народам высветит основу:
Над Иртышом стоят сурово
Два образа: Ермак, Кучум.

9

Два образа: Ермак, Кучум –
Вершат судьбу Сибири саблей.
А степь – всё помнит крови капли:
Где кровохлёбка – битву чуй!

Не одному был карачун.
Орда обрюзгла и ослабла,
Зато дружине дух Осляби
Увидеть даст свою Ичу,

Узреть коломенки святые
На берегах времён Батыя,
Зажечь священную свечу,

Внести её в сей мир враждебный,
Где есть дитя и запах вербный,
Землянка черная и чум.

10

Землянка черная и чум,
Вас помнить будут долги годы,
Пока живы Умары воды…
А где Сузге? – я знать хочу.

Её средь жен твоих ищу,
Но стар гарем и слабы всходы.
А та – держала неба своды,
Любить… об этом умолчу.

Она – огонь зари Востока,
Одна стенает данью рока,
Красавица родного края.

Сквозь даль гляжу: в безмолвье мук
Её любовь и верный лук
В той схватке бешеной сгорают.

11

В той схватке бешеной сгорают
Кучума радость и дела.
Но жизнь поводья не сдала:
Победа будет на Вагае.

Мышкует лис вороньим гаем,
В суземье потянул мула –
И немощь хитростью взяла:
Ермак убит был Кутугаем.

Та ночь прошла, но степь осталась.
Она по долгу чертыхалась,

Предвидя новые напасти…

Над нею горы облака,
И два из них – издалека
Как два коня различной масти.

12

Как два коня различной масти –
Герои горестной земли,
Два ярых ястреба в пыли,
Терзающих друг друга в страсти!

Как два клыка в рычащей пасти
Попробуй с корнем удали!
Как два ночных огня вдали,
Как два конца рыбацкой снасти!

В болотных топях Васюганья
Судьба – оленем для закланья!
Руби её мечом на части!

Но в ней бессмертными стоят
И в будущее – к нам! – глядят
Два пленника у трона власти.

13

Два пленника у трона власти
Молчат. Что скажет суд людей?
Кто ближе им и кто родней?
Какую рухлядь дать на платье?

Что пожелать вам при несчастье?
Зачем вы бились столько дней,
И каждый что оставил ей?
Кто молвит людям: «Вы не плачьте,

Суровым был Господен день:

И Грозный царь ушел под тень,
Кто Абдулах? – по книгам знают».

И царь, и хан жесток, ретив.
Лишь Норны северный мотив
На струнах времени играют…

14

На струнах времени играют
И вьюга, и сухой самум
Земную быль печальных дум.
И сказы люди повторяют

И тайно вновь себе гадают:
Родился где столь острый ум?
О чем Обского моря шум?
И как погиб?… Канай узнает…

Но помнит битвы – солончак,
Свист стрел и конский топ – типчак.
Отвергла степь чужих кумиров –

Над ней прошел косматой тучей
Последний хан в кровавой буче –
Кучум, монгольский царь Сибири.

15

Кучум, монгольский царь Сибири,
Сбирая летописцев скарб,
Вошёл в историю, как раб
Страстей чужих и злобной лиры.

В них слышен звон мечей, секиры.
Кашлык, жестокий жалкий штаб,
Готов пройти болотов хлябь,
Отвоевать себе полмира.

Два образа: Ермак, Кучум,
Землянка черная и чум,
В той схватке бешеной сгорают.

Как два коня различной масти,
Два пленника у трона власти
На струнах времени играют.
1990г.

Из сборника «Чингисхан, или Заря над степью», 1997г.

***
Голубыми сугробами
радостна Русь,
в её шали серебряной
прячется грусть.

Полушубками серыми
скрыт окоём,
неразбуженным селезнем
спит водоём.

В новогоднюю ноченьку,
в дикую стынь,
полуголеньких деточек

нянчат клесты.

Обогреет дыханием
просини рек,
мир тревожный, оснеженный
и – человек.

Деревце

По колено в снегу,
средь болота,
стынет деревце,
богом забытое,
но спасёт оно, верю, кого-то,
душу малую, долей избитую.
В стужу вынесет дикую замять,
отвернётся от ветра холодного,
приголубит снежинку –
на память
и зайчонка накормит голодного.
Но не просит взаймы
и не клянчит,
перед кочками днём
не торгуется,
чуть поскрипывая,
лялечку нянчит
да всё личиком белым
любуется.
1990

***

Ах, как много на свете кошек…
С.Есенин

Перед божьей коровкой
затихну тревожно
и боюсь шевельнуть её
грешной рукой.
Так внушили давно,
ещё в детстве, возможно,
мне родные мои,
с тем живу я, благой.

И куда же идёт
эта крошка в панамке,

и куда полетит
благородная тварь?
Мы с тобою одни
в белом светоче-рамке,
и одна нам горит наверху киноварь.

Мы повязаны воздухом,
небом горбатым,
и не скрыться от бед,
равнодушья людей.
От сосновой доски,
от железной лопаты
не спасёт нас трудяга, лесной муравей.

Пред созданием божьим стою на коленях,
пусть на палец родной залезает скорей…
Ах, как много на свете
чудесных творений:
коровёнок, стрекоз, ребятни, пескарей!
1989

«Под окном черёмуха колышется…»

Как будто бы
калитку приоткрою,
войду во двор,
и мама – вот! спешит,
так эту песню
завожу порою
и с братьями пою
от всей души.
Сердца поплыли,
а куда – не знаю,
ведь каждый тянет

что-то о своём,
небось, тоскует
по степному краю,
о чём-то просит
бледный окоём.
Но все – туда:
где родина святая
и нету слёз,
и мягкая – трава,
где ласточки
вокруг домов летают
и живы лебеди,
остры слова.
Где отроду
не помню я такого,
чтоб людям
не подали бы воды,
где встречного
приветствуют: «Здорово!»
и речь ведут на разные лады.
Где в колках грузди
мигом подрастают,
где дягиль мой –
космический радар,
где под окном
черёмуха листает
стихи свои,
земли родимой дар.
27.07.1992

***

Среди берёз
я вырос тихо,
среди осин
не стал угрюмым,
люблю полынь
и облепиху,
люблю снега:
они как дюны.

В глухую осень,

в стужу злую
не буду гибнуть
в колках редких:
спасут берёзки
плоть живую,
укроют душу
пряди-ветки.

И чтобы сердце
тайно млело,
не заросло б
густым бурьяном , –
пускай лепечут
в люльках Лели
и пахнут травы
утром пряно.

Когда никто
помочь не сможет,
созреет
доброе словечко,
и жить мне с ним
на свете Божьем,
идти и помнить
дом,
крылечко…
1992

***

Что ж не спит по ночам коростель?
Н. Рубцов

О чём ты плачешь, коростель,
о чём горюешь одиноко?
Вот разберу свою постель,
достану с полки томик Блока.

И углублюсь – в туман ночной,

в ковыльные седые космы,
всплакну над жалкою мошной,
над собственною жизнью постной.

«… фонарь, аптека…» Мэтр хмельной
плетётся к дому тенью бледной…
Не коростель тому виной,
а мир скупой, нелепый, бренный.

Но свет слезой не испугать.
Есть Гамлет! Требуя отмщенья,
идёт он в русские луга
искать слезам исток свеченья.

Холодной шпагой отражать
удары ненависти лютой,
коварству честью угрожать
и не искать себе уюта…

Не плачь, родимый коростель,
лечись со мной строкою Блока.
Полна, густа ещё кудель
у парки медленной, жестокой.
1980

***

Надо вычерпать слово до дна.
В. Шаламов

Найти заветные слова –
такое чудо!
Откроется души словарь,
и ты – оттуда.

Строку волшебную найдёшь
и в ней витаешь…
Сожмётся сердце, и пойдёшь
и долго шаешь:

чужая боль, её беда,
но так знакомо!
Что сам захочешь передать –
свернётся комом.

Найти бы верные слова,
и в них отраду –
как дышат свежие дрова
среди ограды…

Живёт в крупице вещества
частичка-жалость,
её, как тайну божества,
понять осталось…
1980

***

Пронзит внезапно боль в боку,
и вздрогнешь, рот открыв, как окунь.
Убудет миру. Одиноко
покажется в сыром логу.

Но кто меня найдёт, помилуй.
Ему тогда я помогу,
когда надежда не под силу.
23.09.1996

***

Бросать слова на ветер – волен
не только я – и клён, и дождь.
Спроси нас каждого: чем болен
в сырую пагубную ночь?

Кто болен сладкою истомой
о птице жаркой – по утру,

кто силой тайною влекомый
скулит протяжно на юру…

Кто, завернув себя в плащишко,
идёт простуженный, немой,
к тебе идёт пустою фишкой,
но знает точно, что домой.

И дождь, как друг осиротелый,
ему капелью прозвенит,
а клён останется без дела,
уже не спросит, что болит…

***

Я дожди никогда не ругаю.
Я озёра душой понимаю.
Заколотится сердце в груди –
ты его не студи.

На ходулях – с дождями – блуждаю.
Вот уже на востоке светает.
Я ещё потолкусь у воды,
ты меня не суди.

Позовут – если – в дальнюю стаю,
не отстану, поверь, наверстаю,
но забыть миг ненастной красы –
ты меня не проси.
1994

***

Видишь, за околицей стынет чей-то след,
не цветной, малиновый, а полынный свет.

Тягостно прощается с деревами он,
медленно снижается на деревню сон.

Вытянусь травиною – перехватит дух,
лишь под утро выскажу что-нибудь я вслух.
29.06.96

***

В кепке рыжей,
султаном махая,
побежал мимо нас
мальчуган.

Это август.

За ним, спотыкаясь,
брёл устало июль-великан.

Флоксы сдвинули шапочки набок,
фиги марьины зреют в саду,
и цветёт возле стареньких тяпок
моложавый укроп на виду.

Протирают глазёнки спросонок
мои братики, чудо-цветы,
потянулся, как сонный ребёнок,
хмель кудрявый
и цап – за кусты.

А дицентра – разбитое сердце –
не завидна уже красотой,
но умом ещё помнит:
не дверца,
а подсолнух ей пел молодой.
1994

***

В углу незаметном, где птице на ветку не сесть,
калина цветёт, и розетки чисты и просты.
Я верю тебе, моя долгожданная весть,
и в то, что придёт и проложит к другому мосты.

Что будет со мною, узнаю по свисту синиц,
по белому цвету, что стелется, тает вдали…
Как трудно начало в подъёме встревоженных птиц,
так мне моё сердце надеждой одной утолить.
15.05.95

***

На берегу Оби –
объять просторы взглядом,
вобрать в себя дыхание равнин,
почуять, как в церквах
курится пряно ладан,
поёт слуга и плачет херувим.
Взглянуть:
олень рогами шар подъемлет рано,
и день, наш белый бык, здоров, ядрён.
Ведут ветра своё, как в опере сопрано,
а там, в тайге, зверь кровью опьянён.
Идти сквозь сеть дождя
в порыве властном к звёздам,
к любимым и надёжным, как земля,
и на берёзах поправлять умело гнёзда,
и жизнь путёвую начать с нуля.
Узнать с трудом
цветок окаменелый в угле,
его в тумане прошлом полюбить,
в родимом колке услыхать пчелиный улей,
моторок рокот ровный по Оби.
Пастушьей сумкой покормить свою скотину.
собачке дать солодки пожевать…
Пусть весь мой скарб
в одну войдёт корзину,
пусть я умру,
вот вам бы поживать.
1990

***

Я опрокинусь в тишину
и выльюсь в росы.
Я полюбил тебя одну,
как эти розы,
и этот стол,
и этот дол,

в окне стоящий,
и свет немеркнущий за то,
что настоящий.

Я опрокинусь в тишину –
в глаза любимой.
Быть может,
вновь живым вернусь
из дней ранимых,
быть может,
там меня поймёшь –
в стране молчанья,
по капле душу соберёшь
для опознанья.

Я опрокинусь в тишину
с одной мольбою,
тебя нисколько не виню,
Господь с тобою,
молю: оставь меня таким,
непреходящим,
и, если можешь,
помоги
лучам палящим.
1980

***

Я не заметил, когда
выросла
рябины розовая ветвь,

цветок на тропку робко вынесла:
не погрустить – так пореветь.

А в этом дне –
весеннем, гоночном,
как было с нею хорошо,
так славно в лодке,
ходкой, солнечной,
лететь хотелось бы ещё!

И не заметил, когда
выгнулась
та ветвь,
на памяти – ожог,
нечаянно собою выдалась
её любовь,
а я
прошёл.
1983

***

Может статься, тобой заболею
и в проулок пойду горевать,
возле горьких осин околею,
они скажут: «Душой староват…»

Может статься, поднимутся птицы
и меня за собой уведут,
там, в преддверии вечного, лица
удивлённых святых опадут:

потому что я больше не нужен
ни тебе, ни земле, ни зиме…
Без любви жизнь становиться хуже,
а зачем мне – такую – иметь?

***

И мне бы жить, как этой вот сосне,
как этому заросшему болоту:
мечтать о мачте и слагать сонет
о птице верной позднему отлёту.

С тобою жить бы мне, мой милый свет,
и падать в озеро на дно Мочища.
В осенний день не потерять бы след,
в котором ты и снег алмаза чище.

Душе помочь не знаю чем ещё –
сосна скрипит и птица просит хлеба.
Укрою стареньким себя плащом,
любовь уходит… Догонять нелепо.
1993

***

Кто выбрал в мучениях долю
искать, заблуждаться, любить,
кто бросил отчаянно волю
на выбор чужим – загубить,

кто ночью склонился к тетради
усвоить потери свои,
кто слова единого ради
ввергается часто в бои, –

тому не завидуй огромно,
не требуй своё наверстать,
поверь: и счастливому стрёмно,
он хочет один поболтать.

***

Если б меня любили,
как эту картошку,

стал бы я,
на её месте,
таким вкусным,
рассыпчатым,
розовым?

Когда из земли выдернут,
корни оборвут,
срежут кожу,
сварят в кипятке
и радостно подадут на стол!
1981

***

Памяти Лорки

У бледных стен рассвета
в Гренаде пал Гарсиа,
но август, старец лета,
его строкой засеян.

Источник Слёз, Гарсиа,
не высох на планете.
В степях моей России
ковыль поёт сонеты.

И где б ни рвали струны
гитары той, певучей,
стихи порою лунной
придут, развеют тучи.

Полюбит ночь цыгана,
Пресьоса – посвист дикий.
Заря, как будто рана,
горит в душе великой…

У бледных стен рассвета
в Гренаде пал Гарсиа…
Поэта славит ветер,
и плачет всё Россия.
1970

Переводы из польской поэзии

Збигнев Ручинский

***
а время идёт быстрее под кручу
а в руках ты несёшь чудесные птицы
а мои слова всё ближе к плачу

мои уста
умирают каждой ночью
в еле заметной
робости

Урок лирики

Что рядом ты довольно для меня
встаёт солнце так у белого дня

себя узнать поможет резкий звон
войдёшь в любовь словно в голодный сон

и стены все замкнутся за тобой
как зрелый плод поделишь боль с судьбой

глазам закрываться будет вечно лень
а руки бросят по тревоге тень

Боттичелли

Могуче пахнут твои волосы в ночи
в часы молитв неистовых когда небо
становится багровым бьются звёзды
и земля открывается во тьму

Могуче пахнут твои волосы в тиши
когда отходит день под пальчиками тени
сны наши тонут под ласками дыхания

Могуче пахнут твои волосы когда
померкнут цветы в позолоте деревья
когда бродит свет на столетних дубах
и передаёшь мне кровь из уст в уста
как розы

Уршула Козел

***

Ты очень близок
поразительно близок
чтобы могла увидеть повторно
вот лист один прибыл
в нашем дереве
а не знаю который
чем ближе к себе
тем дальше всё
от свидания
в ясных открытых лицах
ведь что-то осталось
от тайны
если уедешь
ко мне возвращайся
если духом близки
блажен и отъезд и возврат

именно так с тобою
знакомлю себя
шагая назад

Яцек Лукасевич

Лес

Лесная глубь предельна утончённа.
Смола что кровь, она темна, солёна,
и в каждой ветке трепетанье губ.
Сдаётся лес под нашими шагами
и вязкий мох с белыми корнями.
Болотный перепев подошве люб.
Понятно мне, что нет затишья лучше,
где качку сонную дубов услышат уши,
где чуткий бор – тебе родная связь.
Что только ты и ты в том лесе,
что рядом иволга мечтою грезит,
расцветкой перьев в зелени светясь.
Два дерева в бору известны.
Там телу под одним сыскалось место,
ему постелен тёмный властный мох.
Одно кружевом, листвою, снами,
другое острыми углами
зовёт последний вдох.

ЧИНГИСХАН,

или Заря над степью

…родился он,
сжимая в правой руке своей
запекшийся сгусток крови (§ 59).
У твоего сынка взгляд – что огонь,
А лицо – что заря (§ 62).
Сокровенное сказание 1240 г.

1

Раскосый демон ходит по земле
и жёлтым оком степь свою обводит:
зловещей тучей племя рядом бродит,
сверкают грозно молнии во мгле.

С ним Белый конь. Подобен он стреле!
Копытом, словно молотом, колотит
сухую твердь, огонь таится в плоти.
Ему не время под Луною млеть.

Витийствует безумие одно!
В жестокой схватке каждому дано
узнать свой род, живуче ли колено…

От юрт – бело, идёт заря, светло…
И демона лучом во тьму смело –
на берегах Онона, Керулена.

2

На берегах Онона, Керулена
зрел дикий гений – властный Тэмуджин.
Среди монголов – это был один,
кто мог очистить кровью века вены.

Ему знакомы хитрости гиены.
В цепях раба три года чужанин
молол, рубил, ковал. Как исполин,
разбив ярмо, бежал к одноплеменным.

Отсюда в смертный бросился он круг,
где нукеры надёжнее, чем лук.
Убитым слыть почётней, но не пленным.

Пусть мать не плачет, волосы не рвёт.
А сердцу – не прикажешь, сына ждёт…
Напрасно ищет – степь покрыта тленом!

3

Напрасно ищет – степь покрыта тленом! –
орда ту явь, где вой, стрелы полёт,
где воин рвётся бешено вперёд,
круша неверных духом дерзновенным.

Чингис, однако, – наконец-то смена! –
на белом войлоке! Тяжёлый гнёт.
Его глаза, ножей жестоких лёд,
налиты злобой, подлостью измены.

Не скрыть в них ярость: «До чего мы слабы!
С судьбой смирились под враждебной лапой…
Потомку Волка быть ли в кабале?

Пока могилы предков не разрыты,
пока я жив, о Небо, укрепи ты
огонь в душе и в тлеющей золе».

4

Огонь в душе и в тлеющей золе –
подъемлет дух. Он, словно знак сигнальный,
на тех курганах, тёмных и печальных,
что издавна кочевнику милей.

О свет Луны! Не ты ли на скале
призывно реешь в сонмище астральном,
твои дракона девять лент сакральных
витают над судьбой чужих полей?

Не здесь ли юным красовался нукер,
во славу рода бился цепкоруко
наперекор объявленной хуле?

Улус родной – его татары грызли –
ковыль седой, таинственные мысли
завязаны бедой в одном узле.

5

Завязаны бедой в одном узле
мечты. Рубить – не этому ль кагану,
который мощным вихрем-ураганом
пройдёт с туменом к светлой Шамбале?

Уйгур научит что сказать пчеле.
Монголы сварят мясо на тагане,
залечат раны песней на кургане,
Семь Кузнецов укроют их ночлег.

А завтра – будет знати курултай,
и титул высший вечно почитай
любой батыр и отрок ойкумены.

Но в памяти останутся навек
меч гнева острый, вестник-человек,
страданье, кровь, позор и ужас плена.

6

Страданье, кровь, позор и ужас плена
пройдёт народ… Но слышится в тиши
святая вера в силу камышин –
упругих стрел, окрашенных мареной.

Вновь мир – в огне! И коршуну на смену
над городом пустынным пепл кружит,
и чрево черни порвано – не сшить:
там ветры воют, словно бы сирены.

У ведьмы старой не рука – клюка,
и грудь сочится, лижет пёс бока…
И голод, падаль – нощно, денно.

А люди – в них свирепствует блоха! –
на части рвут верблюжьи потроха…
Не сон ли там, где ядом дышит пена?

7

Не сон ли там, где ядом дышит пена,
где с вестью скорбной падает гонец:
бессмертие проверит, наконец,
удар меча – продуманно и верно.

Но время знает добрый вкус вербены.
Род продолжает Тэмуджин-отец:
вот младший сын Кюлькан – всему венец,
и старший Джучи, богатырь отменный.

…Один погибнет от стрелы урусов.
И долго будет плач стоять в улусах,
напоминать о сваренных в смоле…

Хребет другому сломлен по указу.
Хохочет Эрлик, множа всем заразу,
а головы вождей кипят в котле…

8

А головы вождей кипят в котле…
Но слаб дух зла: с враждой пора покончить.
Хан-тенгри светом заменяет ночи
и жить даёт земле, воде, ветле.

Какой монгол не любит журавлей,
в вечерней дымке спрятанные кочи,
орла огнём блистающие очи,
разлитый степью сладостный елей?

Барханом старость тяжко наступает,
и богдыхан настой травы вдыхает,
идут, как тени, прошлого года.

О Найман, конь мой, пей озёра-блюда,
живыми вынеси из схватки лютой…
Как жаден бог войны – ему всё дай!

9

Как жаден бог войны – ему всё дай!
Дороги стали чёрными от крови…
И опустились долу хана брови –
нелёгкий жребий вынесет Сарай!

Ему опора – голубой Алтай.
К высотам снежным взмыть, подняться вровень
хотел бы каждый, что – увы! не ново.
Гони коней, мой верный Субудай!

В пути взбодрит нас кисловатый дуг,
зальётся звоном солнценосный туг,
к Онону мир вернётся вожделенный!

Вздохнёт тогда, наверное, монгол,
когда привяжет за Полярный кол
аулы, веси, города Вселенной.

10

Аулы, веси, города Вселенной
ничтожнее любимых глаз Кулан,
и сын её, прекраснейший Кюлькан,
всего дороже в этот час мгновенный.

А ты, народ, забудь свой век презренный,
воспрянь, иди, зовёт тебя каган,
и с шеи – в рабстве нажитый аркан
сорви! И поклонись Луне блаженной.

Пусть удивляются в вечерних странах:
откуда Божий бич на поле бранном,
что привело его в христовый рай?

Могучей конницей, искусством боя,
кровавым следом также за собою

увековечит хан свой бедный край!

11

Увековечит хан свой бедный край:
«Погибнет тело, государство вечно».
Жив Каракорум в мире быстротечном
и чудо рук искусных – малахай.

Век двадцать первый… И сосед Китай,
что был казнён за сытую беспечность,
читает повесть в летописи Млечной
и новый собирает курултай.

Живи, род Волка! Корни – вот они! –
идут издревле от святой Луны –
судьбы одной, великой, вдохновенной.

Не сгинет дух твой, степью он рождён,
в Ясы канонах прочно утверждён
мечом и славой необыкновенной!

12

Мечом и славой необыкновенной
вошли в сознанье твёрдо имена.
И, может быть, не их во всём вина,
а кто-то Высший правит миром бренным?

Но разговор ведётся откровенный.
Вот Искандер, Наполеон… Длина
имён безмерна, как сама война,
и Чингисхан – в ряду том неизменно!

В курень сплотиться, в праведный дастан,
чтоб племена при возгласе «Восстань!» –
пройти могли бы всё! Не верь юдоли –

вот чтобы он возвёл на пьедестал…
Но если кто в походах зароптал –
взгляни на Белый стяг в открытом поле!

13

Взгляни на Белый стяг в открытом поле,
и вспомнится тебе Джелаладдин,
как он сражался до конца один
и не смирился жить душой в неволе.

Был предан сын его ужасной доле:
сломав пинком ребро, слуга-кретин
когтями вырвал сердце из груди
и подал хану… Тот собаке вволю…

Горит в степи не с тех ли пор закат?..
Но пламя-память не погасит дат,
соседи это помнят поневоле:

где в чаше есть целительный кумыс,
где горький тмин и огненная высь,
там бьётся конь на Золотом приколе!

14

Там бьётся конь на Золотом приколе,
священный Сэтэр, белый бог монгол.
Он вышел из веков и свой раскол
принёс тому, кто царствовал дотоле.

А вёснам счёта нет! Но мир всё болен!
И где лекарство для того, кто зол,
кто обнищал и сам настолько гол,
что тянется к другому на застолье?

Не найдено его покоя место.
И не найти. Однако же без лести
кто припадёт когда-нибудь к поле –

уроки прошлого пусть не забудет
и вспомнит быль по праздникам, средь будней:

раскосый демон ходит по земле…

15

Раскосый демон ходит по земле,
на берегах Онона, Керулена,
и тщетно ищет – степь покрыта тленом! –
огонь в душе и в тлеющей золе.

Завязаны бедой в одном узле
страданье, кровь, позор и ужас плена.
Не сон ли там, где ядом дышит пена,
а головы вождей кипят в котле?

Как жаден бог войны – ему всё дай:
аулы, веси, города Вселенной.
Увековечит хан свой бедный край
мечом и славой необыкновенной.

Взгляни на Белый стяг в открытом поле –
там бьётся конь на Золотом приколе!

1985

Из сборника «Анютины глазки», 1998г.

***

Сибирь –
и посвист, синь, имбирь,
земля,
усыпанная звёздами.
В пучине топкой
пьёт упырь
гнилую хлябь,
а слышно – вёрстами.

Снега упали
и молчат.
Ветра ненастье
гонят далее.
Гудит урман – готов колчан,
и тучи тянутся к баталии.

***

Высоко над Обью
лебеди плывут,
неизбывной новью
нас к себе зовут.

Провожает север
птиц своих на юг,
вот и осень-дева
выстудила луг.

Приближая сроки
будущих угроз,

к воробьям, сорокам
ластится мороз.
1985

***

Не ты ли, моя снежница,
содержишь в своей светлице
талую душу мою?

Тонкую наледь-границу,
прожитых дней вереницу –
не задержи на краю.

Солнцу немного осталось –
снять вековую усталость,
землю лучами пролить,

чтобы родную белицу,
жизнь мою, мира частицу,
к новой снежнице продлить.

***

Не глаза твои, а малахит
дымными ресницами укрыт.

Сосны корабельные стоят,
небо держат сотни лет подряд.

Вечер, удивительный такой,
движет время медленной рекой.

Обливаясь тенью от ракит,
я целую чудо-малахит.
1997

***

То взлёт бровей,
то всплеск руками,
то мимолётный взгляд – до дна,
то вновь беседуешь с богами
и в ореоле не видна.
То брызнешь смехом искромётным,
то удивишься тишине,
возьмёшь за руку неприметно,
пробудешь доброе во мне.
И я молю, чтоб это длилось
до бесконечности земной,
твои глаза, как Божья милость,
всегда б светились надо мной.

Зелёный рассвет (диптих)

1

Тку свой парус,
парус любви и надежды,
из нитей –
дуновения ветра,
веточек вербы,
коротких «да» или «нет»,
нежной тайны ночной.

Поставлю его
на слепо идущий на Землю
астероид:
пусть отойдёт в сторону.

Подниму его,
когда заштормит
и небо крылом коснётся тебя.

2

Срубили тополь.

Но забыли разогнать птичек,
в кроне сидящих –
на ветках воображения.

А у пня молча сидел кузнечик
и плакал о зелёном рассвете.
1997

***

Я пришёл к тебе – любить
нежно,
бережно,
озёрно.

Я пришёл к тебе – испить
свежесть утра,
зорьку взора…

***

Моих поэм – дождись.
Они соткутся поздно
из родников и льдин,
из трав июльских, росных.
Из тёплых камышин
Оби, Чанов, Сартлана,
из веточек крушин
и песенок жулана.

***

Когда ты, я не знаю,
о чём говорить,
когда ты,
не умею лукавить…
Может быть, эту ночь
засмолить, закурить
и в дыму распуститься руками.

Когда ты,
я не знаю, о чём говорить.
Острый ноготь сосны – ухо колет.

Что бы мне для тебя
на земле сотворить
из цветов, и коры, и заколок?

Я не знаю о чём? О тебе говорить?
Слов не хватит – занять у растений?
И дорогу б назад
серебром заварить
и не видеть могучие тени…

Когда ты, я не знаю, о чём говорить…

***

В зелёной истоме Катунь неустанно бежит
в мою неизвестность, в мою светлоокую дальность.
Луна – на часах – неусыпно друзей сторожит,
разлив по округе какую-то божью тональность.

Я в ней потону, не один, за собою возьму
цветную дорожку, и песни, и угли кострища.
И вместе с зарёю уйду в необъятную тьму,
мечта-наважденье мне будет подолгу мерещить.

Не страшно стоять над могучим потоком реки,
светлеет под утро тайги неразбуженной морок.
Небесный художник набросит движеньем руки
на плечи твои осторожно сиреневый полог.

Телецкое. Гора Лысая

Когда верховка волны гонит
и рвёт сырое полотно,
когда тайга от ветра стонет,
слезой просвечивая дно,

когда воркует голубица
под запоздалою зарёй
и объяснится дню жар-птица
готова, – стану я горой,

стерплю и тьму, дождей неделю,
поток воды, что льёт в рюкзак,
в душе неистовость метели,
укол звезды, судьбы зигзаг.

Но и тогда, сухая глина
и щебня жёсткая скула,
услышу стон сосновых линий,
где вместо славы – гнёт, хула.

И, сдвинув набок снега шапку,
хлебнув глоток воды – от гор,
мир человека – хрупкий, шаткий –
скреплю лучами древних Ор.

***

Тишина. И сгущаются вечера краски.
На другом берегу еле виден костёр.
Камни в зарослях тьмы, бархат – синяя ряска.
До чего же обманчив гранит и остёр!
Но к себе не зови, мир прохлады и тайны.
Звёзды рядом со мной. Панорама горит!
Над хребтами плывут звуки чудного Гайдна,
на вершинах седых я учусь говорить.

ЛУНА
Фантасмагория, венок сонетов

Луна возникла из роя
астероидов, отрыва от Земли,
путем захвата; создана инопланетянами;
обиталище душ, призраков, клонов.
Теории, гипотезы

1

Холодный взгляд небесного светила…
Не знаю, что он выскажет в мольбе,
какую цель поставит голытьбе,
живущей данью Сириуса, Нила.

Немую зернь вынянчивая в иле,
ущерб найдя в убогой городьбе,
он, человек, вновь выразит тебе
свою любовь к единственной и милой.

Химер послушник, низменного лона,
раб нудно тащит тяжкий горб по склону
коротких дней… Не будем порицать

его за плохо выращенный колос,
несёт ему обещанное голос,
манящий зов спокойного лица!

2

Манящий зов спокойного лица
сомненьем полн. Колышущийся сумрак –
простор для краж, лунатиков и урок,
для сыска душ в обугленных лесах.

Подходит время ведьмам прорицать!
И мыслить смерду, выбросить окурок
и потолкаться в очереди турок
в песке Дождей – на поисках живца!

Взгляни: не Каин ли опять корёжит
создание клонов и злобно гложет
край жжёных стен, изделья из сырца!

И там, где шпат, остывшее кипенье
железа, серы, вспомнится мгновенье:
безумен шаг от красного крыльца.

3

Безумен шаг от красного крыльца
к тебе, Гиппарх, столица селенинов,
где тени взрывом брошены в теснины,
где влага стынет в кремнии дворца.

Здесь обретает родину пыльца,
но чаще гибнет в солнечных каминах,
и след её проявится на льдине,
на чёрных нитях сланца и свинца.

Внутри – Геката ловит равновес
двойной планеты. Вытянулся весь
окружный мир: терпения б хватило,

когда пойдешь на поиски себя,
безмолвно камни белые любя,
в пучину звёзд, в утробу крокодила.

4

В пучину звёзд, в утробу крокодила,
дракону в пасть, открытую всегда!
Где ты, о животворная вода,
что смертному надеждою светила?

Здесь пыль когда-то вихрями крутилась,
пьёт томно свет древнейшая слюда…
Не эта ли обманная среда
навеки лик к Земле поворотила?

В отрогах гор лунарии густы,
причудливы соцветия-кресты,
по впадинам – размазаны белила.

О призрак, плыть доколе одному,
пугать землян гримасой? Но – ему
уста от злобы яростью сводило.

5

Уста от злобы яростью сводило,
когда сгорали в пламени звезды
мечты – постигнуть странные следы,
полнощные плетения сивиллы.

Но в небе неопознанные силы

вернут себе незримые бразды,
и на орбитах, до сих пор пустых,
они воздвигнут первые стропила.

Поставят дом из лёгкого металла
на глади Бурь!.. Но алчное осталось
в расчётах астероида-мальца.

В алмазную, завьюжестую стужу
войти пора – напористому мужу.
Безбрежен путь летящего бойца.

6

Безбрежен путь летящего бойца
в просторе необъятном океана –
во чреве чёрном, в тяге неустанной,
опасной для любого пришлеца.

Но жизнь упорно бьётся до конца!
Вон Тихий, тьмой зализанная рана:
твой след, Луна, в отчаянии рьяном!
Была то воля грозного Творца.

А что мерцает вечно у Сатурна?
Зародыш нови, движущийся бурно?
Им – воображение потрясать!

А нам, землянам, немощным и жалким,
роднее сани, кони, полушалки…
Глаза ослепли пустошь созерцать.

7

Глаза ослепли пустошь созерцать,
морщины видеть, темные долины,
в базальте жилы, серые вершины…
Жди, человек, тернового венца.

Свершатся ль планы бедного жильца?

Судить отрадней ль схватку исполинов,
иль слушать скрежет жести у павлинов,
иль не по нраву утречком трусца?

Пока раба безудержная страсть
свою в степи обдумывала власть,
где гуннов рёв и рыканье Аттилы

и затуманен будущего зрак, –
Луна застыла в судорогах зла,
лишь тень по ней безжалостно ходила.

8

Лишь тень по ней безжалостно ходила,
выискивая душу послабей.
Чирикнет в лунках робко воробей,
и зыркнет оком гневная горилла.

Раскосой деве рысь напрасно льстила.
Увидев, Каин выдохнул: «Убей!»
Дракон пустил зловонье по губе,
в глубинах мрака вечность загостилась.

Но мать-земля не рада тишине,
коль вновь подводят грешных к крутизне
и смерть манит податься за собою.

И, чтобы своды горние узреть,
от морды солнца-тигра не сгореть,
подъяты лбы к вселенскому приволью.

9

Подъяты лбы к вселенскому приволью,
льёт серебро очистившийся взор
той девы с коромыслом средь озёр…
И слышно звуки плача, стона, воя.

Где орды те, молящиеся бою?
Где он, пустыню режущий костёр,
вновь перенесший тягостный разор
родных людей, воинствующих строем?

Их Белый цвет врачует испокон,
огонь священный гонит на поклон
к Луне, а копья – кровушкой омоет!

Убудет свет, живые семена
развеет ветр, и сгинут племена…
Но мы надёжно спаяны припоем.

10

Но мы надёжно спаяны припоем
в горниле остывающих морей –
с родной водой, с цепями якорей,
с родной медункой, тёмно-голубою.

Способен нитью, крепостью любою,
держать потомок – тысячу угрей,
умолкших в вихрях, в бороздах полей,
еще едва светящихся под зноем.

Лунарии придавлены покоем.
Их изучить бы надо. Мир устроен
для добрых дел, и тем живёт народ.

Прощенье просит кающийся в казнях.
«Во тьме, изгнанник, чудом не увязни», –
взывает к травам высушенный рот!

11

Взывает к травам высушенный рот,
несущий на себе печать страданья,

а хохот – скрыт измученною дланью…
Судьбе немыслим новый поворот

с приходом тьмы. И человек в ней крот:
забыв о тёплой хляби Васюганья,
осознанно идёт он на закланье…
Так время всех подвинуло вперёд!

Пусть там, в азийской жёлтой стороне,
убитый горем плачет о коне,
себя почуяв волком на отстреле.

На иссечённом смерчами пути
узлы развяжет, вспомнит про Путивль
влекомый тягой к Высшему пределу.

12

Влекомый тягой к Высшему пределу
не знает он, чем видится во мгле –
икринкой малой, отроком земель
или песчинкой в яростной метели…

Поля любви нам – звёздные постели.
Даны глаза, чтоб высмотреть и млеть,
как льётся наземь солнечный елей,
вихрящийся в голубенькой купели.

Не нас ли кто настойчиво призвал
сдержать зелёной веточкой обвал
мечтаний, слёз и крест нести за дело?

Сквозь них иной раз видятся дома!
Живёт душа бессмертием ума
и жаждою неистового тела.

13

И жаждою неистового тела –
лететь к тебе! – прославлены века.
Всей жизнью краткой стоит увлекать

в мечту, в любовь! Ты этого хотела!

Вешай, Луна! неясная новелла,
о планах наших, скрытых в облаках,
о Белом стяге, бьющемся в руках
монгола. Им степняк пленён всецело.

Но верю: за финифтью океана,
где Оры створы приоткроют рано
лучом живительным, твой день взойдёт!

Скитаться по Галактике намаясь,
в просторах бездны цели не меняя,
земное счастья смертный изберёт.

14

Земное счастья смертный изберёт.
Ему реликтовые чужды гулы,
милей, когда гудит от мёда улей,
хозяин лоб в задумчивости трёт.

Когда юнцу предвидится полёт,
он, радуясь готовности баулов,
нырнет, меж строчек, в узкий переулок
и в небо, следом Армстронга, вперёд!

Где ночи бредень брошен на залив
и в гору тянет каторжник Сизиф
валун, комету в кратер вколотило, –

один есть! Им питается Парнас,
крепит извечно мужество у нас –
холодный взгляд небесного светила!

15

Холодный взгляд небесного светила,
манящий зов спокойного лица!
Безумен шаг от красного крыльца

в пучину звёзд, в утробу крокодила.

Уста от злобы яростью сводило:
безбрежен путь летящего бойца.
Глаза ослепли пустошь созерцать,
лишь тень по ней безжалостно ходила.

Подъяты лбы к вселенскому приволью,
но мы надёжно спаяны припоем:
взывает к травам высушенный рот.

Влекомый тягой к высшему пределу
и жаждою неистового тела,
земное счастье смертный изберёт.

1998

***

Я – из старого покроя,
я по жизни динозавр.
Не даёт душе покоя
кайнозойский гордый лавр.

Мне бы зелени поболе
да водицы ледника,
мне бы топать летним полем
да нести через века –

туповатую улыбку,
хвост, обточенный травой,
и печаль качать, как зыбку
огромадной головой.

И зайти б к врагам заклятым,
плюнуть им в глаза слюной –
горьковатой, но богатой,
степью пахнущей родной.

Выбить зубы звуком звонким,

если справлюсь – научу
слушать время ухом тонко,
беды складывать к плечу.

Верю я: сквозь толщу жира
не пробьётся к сердцу клюв,
доброту свою транжирю,
жду от солнца новых плюх.
1993

***

Молодым я – не умер,
а теперь – ни к чему!
Мне звезда, словно зуммер,
что поёт, не пойму.
Потянусь следом смело
и на росном пути
встречу дверь, вход в отделы
преисподней… Войти?
В гардеробе вещички
чьи-то в кучке лежат:
табачишко да спички,
посох, старый кушак.
На пороге, чуть грустный,
меня встретит святой,
поворчит, в мир отпустит –
за звездою за той…
Молодым ведь – не помер,
а теперь? – ни к чему,
и котомку, как номер,
мне нести одному…
1994

В музее-квартире Блока

На столе, как войдёшь,
не увидишь ни ручки, ни книги.
В пол надёжно врастёшь
и стоишь, словно лошадь у риги.
Справа, рядом, диван –
облегченье кому-то земное,
только в этот обман
и не верило сердце больное.

Зелен стол, и растут
на сукне невидимки-деревья.
Страшен Господа суд
да любовь
затаённая, девья.

На столе – ни гроша.
Занавеска качнулась от ветра,
и притихла душа
в ожидании голоса мэтра.
1992

Из цикла «Заметы»

Анна Ахматова

Где даль небес лазурна и чиста,
где в соснах звон услышишь бесконечный,
там есть притин, таинственный и вечный,
и светом облечённые уста.

Строка державна. Кажется, проста.
Но в жизни одержимой, скоротечной,
не позабудь о щедрости сердечной,
о силе слов и тяжести Креста.

За правду – продолжается борьба.
К летейским водам выведет тропа
нелюбящих, безропотных, унылых,

но не таких, чей ярый слог звенит,
сквозь негу смертную к живым летит,
огонь в душе рождая легкокрылый.
19.09.96

Зинаида Гиппиус

Поэт однажды в гости к ней пришёл:
салон, лорнет, изысканные взгляды,
за словом лести – язвы, яства, яды…
Но путь на этом не был завершен.

Что Мережковский в Зиночке нашёл?
Зачем ей снились белые отряды?
Не лучше ль море, синие наяды
и всем ветрам открытый капюшон?

Железом скована стихов волшба,
куда-то рваться – вот её судьба,
но не отнять любви – она от Бога!

Шептала слава: «Кайся и остынь!»
Но душу рвут – разбитые мосты,
огнём дотла сожжённая дорога.
06.12.97

Елизавета Стюарт

Плывёт ли лодка одиноко
по глади озера – в века,
способно ль сердце извлекать
из глуби духа – зоркость ока,

ты знай, запомнится нам строгость
пера, та твёрдая рука,
что не устала мир строгать
и править молодость немного.

Расти останется полынь –
на островах, где жар и стынь,
где тишиной живёт предместье.

Под шум кипящих берегов
поёт о вечности лугов
её строка, и ей поверьте.
21.12.95

Марина Цветаева

Звенят натужно провода
в душе, измотанной дождями
и в кровь исхлёстанной вестями.
Весь мир – сиротство и нужда.

Как туча грозная – беда
надвинется, гремя костями,
и демон злобными устами
вопьётся в душу навсегда.

Одна двурогая луна
ей, слава Господу, верна.
Но кто спаситель твой, Марина?

Он – горний дух, неистов слог! –
тебя пленил и в скорбный срок
втянул под звёздную лавину.
25.01.96

ЗОЛОТАЯ БАБА
Венок сонетов

Плыла утка по воде. Нырнула, достала кусочек земли…
Из мифов народов Севера
Ту бо у них молбище болшое богыне древней…
Кунгурская летопись

1

Найти тебя, гагара, мудрено.
Летать, нырять и плавать ты способна,
так всемогуща, страстью бесподобна,
что каждой твари – это не надо.

С одною целью ринулась на дно –
мир принести на клюве преподобном,
создать народ единожды и пробно
на Севере, где снежно и вольно.

Кружась среди величественных тел,
Белбог наметил нового задел:
начать творить под облаком шафранным

той Женщине, что душу сберегла.
Ведь жизнь возникнуть только и могла

в просторах голубого океана.

2

В просторах голубого океана
цветёт земля – гармонии игра,
солодкой пахнет дерева кора…
Но кратко лето, север ждёт бурана.

А в тундре – синь, мох-ягель и моряна.
Так найденная птицей ком-гора
превращена в немыслимое, в рай,
в обитель уграм, тюркам и долганам.

Не счесть речей! Но где же пранарод,
проложивший по свету первый ход?
Найдешь ли ты его, старатель рьяный?

Вникая в мерзлоту и толщу льда,
пойми себя, и станет навсегда
твоя судьба – небесным осияна.

3

Твоя судьба – небесным осияна,
о дивный род, могучий клан сэбэр!
Потомки вспомнят дивную Сибирь
и хохот орлий умного шамана.

Безумно в бубен бил он, без обмана
вопил о наводнениях? Упырь
и тот – поник, отвесив синь губы
и челядь отогнав от истукана.

Невыносимы людям тучи гнуса.
Спасалось племя от его укусов
в норе, в воде… И звери заодно.

Но в битве с нечистью и с злобой ночи
был создан чум, скажу без проволочек –
в легендах мира прочное звено.

4

В легендах мира прочное звено

то имя, что окутано туманом.
Узнать его – для редкого талана,
одна отрада – вспомнить за вином!

Века походкой мамонта давно –
идут… И кто-то в челюстях капкана
дрожит за жизнь детёныша-пузана.
В тисках тьмы-света горечи полно.

Но держит мир всевышний бог Корс-Торум,
народы шлёт по ветреным просторам
с крылатой Кальмой, вестницей чудной.

Лебяжьим пухом стойбища покрыты.
Пока же лики в камне не замыты,
сказать, однако, надобно одно.

5

Сказать, однако, надобно одно:
когда б давалась с лёгкостью добыча
и Куль-отыр о смерти б ни талдычил,
кому бы петь о береге родном?

Стянув на воду красное бревно,
исполнив дружно дедовский обычай
и норов свой раздразнивая бычий,
мужи – туда, где пагубно темно.

Там крепок Пояс каменных вершин
и всех дороже глиняный кувшин,
стеной стоят прибрежные урманы.

В утробе мира – будущий колосс.
Плывет судьба, комочек, выдры нос,
ниспослано Душе – нырять в туманы.

6

Ниспослано душе – нырять в туманы,

удачу черпать ивовым сачком
и в Верхнем небе полнить сноп пучков –
из стрел изящных – щедрого брюхана.

О белый Свет, пролитый из кармана,
поток живой для листиков, стручков,
для жиденьких сосёнок и сморчков!
Как вниз стремишься, радуя орланов!

Припали дети северного дня
к святой берёзе, силой не отнять!
Грохочет кость, тоскуя по шалману!

Достались чуди сытные луга,
Полярный кол, роскошная куга,
землицы ком по некоему плану.

7

Землицы ком по некоему плану
растёт – разъят немотствующий клюв.
А в тесноте подземной, листья сдув,
правитель тьмы любуется сараной.

«Кто волос чёрной шубы тронет спьяну?
Кто, ноги шкурой прочною обув,
собьёт их об заиндевевший туф
и с вороном – присядет на поляне?»

Ему не знать мать кровную, земную,
родню семьи, помощницу прямую –
очаг держать и править полотно!

Войдя в Подлунный царствующей долей,
богиня Калтащ выяснила, что ей –
достать из тёмной глуби суждено.

8

Достать из тёмной глуби суждено
кому-то слово «солнечная баба».
Тайга набита таинствами, дабы
Душе светило малое окно.

Вожди несут ей – редкое сукно,
клыки зверей, отрубленные лапы,
и чтоб чужой, позарясь, их не сцапал,
хранит склады глазастое Оно.

Вот где царит дарёное добро!
Сюда по тропам движется народ,
но не рабы, униженные смерды.

Лишь только молча вытоптали гарь,
луч солнца им расцвечивает хмарь,
гордится птица радужною твердью.

9

Гордится птица радужною твердью.
То гусь ли серый? Сойка ли – краса?
Вон котик, создание Мудреца,
у берега охотится за сельдью?

Властитель рыб Вит-кан короткой плетью
в водовороты выплеснул гольца –
шнырять, икру метать для образца
и стать медведю лакомою снедью.

Нам благодать далёких лет близка.
Старухи Калтащ сильной будь рука,
как у ловцов над поднятою сетью!

А зорька среди нитяных дорог
найдёт опору – розовый полок,
плывя в лучах расплавленною медью.

10

Плывя в лучах расплавленною медью,
дышал день Божий воздухом смолы,
и уводили древние стволы
его назад, в тысячелетье третье.

Тогда змеились вороны над Бердью,
барс шёл к Оби, скрывала след полынь,
и львов, достойных всяческой хвалы,
вода пугала дьявольскою смертью.

Умерив гнев, надменная ж старуха
в кедровнике, где пасмурно и глухо,
ждёт угров бедных – с жертвами в руках.

Меха куниц и бронзовые блюда
задобрят Бабу. Выйдя из-под спуда,
она ждала: Творца – не упрекать…

11

Она ждала: Творца – не упрекать,
ему воздать за ливни и за громы,
за чудом возведённые хоромы
из связок – в глине тёплых – тростника.

Сынам же, дочкам – кровью истекать
на бойком месте в буйные погромы.
А будущие Проклы и Ерёмы
не ведают, чем старость опекать.

Рогам оленя вынести пора
огонь живой! – и смолкнет мошкара,
живая тварь пасть жадную ощерит:

где менквы – дымом ямы обкурить,
чужую плоть зубами усмирить,
а силу духа мужеством измерить.

12

А силу духа мужеством измерить,
подняться Вверх по лестнице крутой –
отырам знак и Бабе золотой
о долге и о тягостных потерях.

Враждой вспоён хор менквов-лицемеров.
Но прежний облик лиственницы той,
Нум-Торум что со всею прямотой
тесал молоньей, быстренько похерен.

Обмазав глиной остов из талы,
Бог дунул внутрь – и берегом вдали
бегут девчушки, наши свиристели.

Пытаясь миф до донышка испить,
хочу огонь раскосых глаз любить
и заповедать – доле женской верить.

13

И заповедать – доле женской верить,
хранить тоску зелёную – в очах,
качать сынка на солнечных лучах…
Ей открывать таинственные двери!

Даётся волос молодцу по вере.
А чтобы плод-то часом не зачах,
плескалась рыба в ласковых ручьях –
быть на чеку нам, избранным тетерям!

Но коль живёт мир сказочный и мшистый
в краю болот и в кедраче ершистом –
играй, бурли, чистейший дух Вит-кан!

Где есть Дитя и Женщина святая,
там торжествует истина простая:
её любить мучительно века!

14

Её любить мучительно века,
молиться Бабе, мягко шелестящей
листвой берёз, осин, в угрюмой чаще
умеющей скрываться от врага.

Пускай гудит подземная река
и слуги Кызы гложут шар звенящий,
нам дорог плат, под солнышком блестящий,
упругий лук и белая пурга!

И тем скажу, вернувшимся из странствий:
ищите сквозь холодное пространство –
в стихии водной чёрное пятно.

Но только, в голос вслушиваясь бабий,
среди болотной высветленной хляби
найти тебя, гагара, мудрено.

15

Найти тебя, гагара, мудрено
в просторах голубого океана.
Твоя судьба – небесным осияна,
в легендах мира прочное звено.

Сказать, однако, надобно одно:
ниспослано Душе – нырять в туманы,
землицы ком по некоему плану
достать из тёмной глуби суждено.

Гордится птица радужною твердью.
Плывя в лучах расплавленною медью,
она ждала: Творца – не упрекать,

а силу духа мужеством измерить
и заповедать – доле женской верить,

её любить мучительно века.

1997

Из сборника «Ностальгия», 2004г.

***

Бросаю семена чернильные фасоли
на белые страницы завтрашнего дня…
Их, может быть, дожди кислотные посолят
или сотрёт на нет мышиная возня.

Когда теплынью и влагой отягощённой
поднимутся ростки, птенцы моих стихов,
тогда почувствую себя вновь возвращённым
к тебе, земля моя, любимица богов.

И тайное моё – откроется в начале
пути короткого и к свету, и к добру,

нальются зёрна одинокими ночами,
не пропадёт по светлости и скромный труд.

***

Павлином визжат тормоза электричек зелёных…
Разрезано утро, начавшее медленно петь.
Висят на столбах, как на нервах моих оголённых,
лоскутья грозы и дождя золотистая сеть.

Умчатся вагоны в пустыню холодного света.
Я буду стоять на причале высокого дня,
глядеть на перила моста и на воду в кювете
и думать о вас, чем живу я, наверно, не зря.

***

Не думать о тебе, о той поре,
где был ребёнком я весёлым,
о той обманчивой заре,
о хлебной корочке, о соли.

Не думать – о пути назад,
о поезде, зовущем в небыль…
Не думать, что твои глаза
и мне бы…

***

Читать стихи и падать навзничь
в раздолье трав…
Знакомы жизнь, и только за ночь
понять, кто прав.

В слезах уснуть. Рассвет поднимет,
пойти назад?
Но росы вышли, и под ними
пониклый сад.

Верлен оставил в тёплом ложе
любви слова…
Нам остаётся – перемножить
тот сон на два.

***

Есть душа, что вбирает полночные звёзды
и осины листок, яблонь розовый цвет,
и плоды октября, перезрелые гроздья
у рябины моей, обнимающей свет.

Есть одна, что даёт незабвенные миги,
они светят во мгле утомлённой ночи.
К изголовью придут позабытые лики
и уснуть не дают, не помогут врачи.

Но попробуй узнать! и всей жизни не хватит
души эти найти, эти струны любить,
и, когда замолчишь, что-то к сердцу подкатит,
и боишься его в суете погубить.

***

Поговори со мной во сне,
пусть тихим будет он,
как ночью падающий снег,
как у реки затон.

Найдутся, может быть, слова
и о душе моей.
За ночку подрастёт трава,
под снегом ей теплей.

***

Вяло день настаёт.
Розовеет гранит побережья.
Тишь в округе стоит,
над планетой плывут паруса.
Рано утром встаю, мне не спится,
в окошко чуть брезжит,
а, росою умытый, уже свеж и бодр палисад.

Но куда день плывёт,
всем открытый душою, о Боже,
в толчее суеты, в мощном свете потока огня,
если нету тебя

в наступающей силе погожей,
если сердце рассветом нельзя успокоить, унять?

Закурить бы с тобой
одинокую трубку сомнений,
выбить искру под вечер
зигзагом кинжальной брови.
Не хотелось бы жить
в паутине чужих обвинений,
пусть кипит неустанно железо в стихах и в крови.

Перемелется тьма жерновами высокого духа,
выдох чёрной души растворится под шапкой снегов.
И останется мне навсегда
светлый локон над ухом,
огонёк карих глаз и дымок вдалеке облаков.

***

За всё люблю: за тонкий шелест листьев
в твоей одежде, скромной и сухой,
за беспричинность, нрав неистов,
за звук измученный, глухой.

За сумрак вечера, несхожесть линий,
за тёплое течение бедра,
за прядь, в которой затаился иней
и завиток гусиного пера.

***

По любому
случайному поводу
прикоснитесь ко мне,
почувствуйте ток.
Даже буду
оборванным проводом –
не закончится в нём
нежных слов поток.
Суетой измотанный,

издёрганный,
жизнью скрученный
немыслимо в спираль,
я для сердца,
что лучом исстёгано,
не устану слово
снова подбирать.
Чтобы только
таинственно где-нибудь
истомилась в трели
тонкая струна –
оставаться собой,
верить в долгий путь
и надеяться,
что позвонит она.

***

Я думала, что век с тобою буду –
стерплю обиды и каменьев груду,
что собраны ненастьем для меня
у слабого осеннего огня.

Не думала,
что в лодке будет течь,
что ноша дней задавит мою речь,
что оборвётся жизненная нить,
что можно сердце
в Лету обронить.

***

Я позвонить тебе хочу
и говорить века,
по белому шнуру-лучу
взобраться к облакам.

На диске солнца наберу
счастливый номер твой
и только, может быть, к утру
поникну головой.

Наговорюсь на все года,

что будут впереди.
Нельзя оплату угадать
и просто – запретить.

Когда же время выйдет прочь,
с тобой прервётся связь,
я постараюсь превозмочь
земли холодной вязь.

Сквозь толщу одиноких лет
у Леты у реки
тебе скажу, что смерти нет,
есть длинные гудки.

***

Любить – до изможденья, без ума,
уйти без памяти в цунами,
бродить над полем, как туман,
мечтать о звёздах с пацанами.

Кружить, как птица, поутру
над фантастическим решеньем
и в сердце резко рвать струну
и звук безудержный, весенний.

Чтоб снова жить с тобой в раю
берёз, осин и новой сути,
где не находит свой приют
стихом истерзанные люди.

***

Мой предок, зверь в медвежьей шкуре,
не знал имён любимых звук,
не слышал в утренней лазури
калитки скрип, в окошко стук.

Не удивлялся звёздам ярким,
когда светились на пути,
и даже ворон, когда каркал,
его ни разу не смутил.

Однако, также видя поздно

во мраке тонущую тень,
в бессильной ярости и грозной
искал в заре идущий день.

И на меня он непохожий,
как я, смеялся под луной
и, рану чувствуя под кожей,
страдал и плакал об одной.

***

Когда о юге вспомнят птицы
и вдаль потянется кукан,
мне некуда с тоски укрыться,
уйти в какой-нибудь Коканд.

В раздумье лето чуть качнётся,
как плавень, день пойдёт к земле
и медленно дождём прольётся,
грибы лоб сморщат. Бор – в желе.

Что редко радость улыбнётся
тебе и мне – не в этом боль,
а то, что снова колыхнётся
в груди жар-птица; верь, ей-бо.

И не прощаться, не встречаться
замыслю я, открою речь
о том, что птицы снова мчатся
и небо режут, в сердце – течь.

***

И в сердце раструва,
И дождик с утра.
П. Верлен

Сердцу хочется поплакать,
да не знает, как начать…
Разведу словами слякоть,
буду озером молчать.

Мне бы выпросить погоду,
чтобы капало весь день,

чтобы с жидкою породой
расставаться было лень.

Эх, наплакаться бы вволю,
в солеросах замереть,
видя, как идёт по полю,
до костей промокнув, смерть.

Чтобы утром, спозаранку,
не считая дней в году,
поискать в мысу саранку
(с ней-то я не пропаду!),

стебельком своим и цветом
обоймёт меня слегка:
я – единственный на свете,
с кем жива баба-яга.

Расплету сырые косы
у берёзки молодой,
то ль дождинки, то ли росы
упадут на лоб крутой…

Так захочется поплакать,
да не знаю, как начать…
Вот такая в сердце слякоть
музыкального ключа.

Чаны

1

Мыс Казанцевский
светом прошит,
окаймлён золотыми песками…
То ли сердце моё
там кружит –
высоко, в синеве,

да кругами?
Это коршун на крыльях
летит
над Чанами, над малыми нами!
Я с бояркой дружу –
и нудит
старый клён
что-то мне временами.
Не в малиннике,
в джунглях сижу,
греет ягодка сирую душу,
паутину, как сети, сложу –
на язя-недотёпу наброшу.
В камышах раскошелился жук,
изумрудную потчует муху…
Наворожит дорогу паук
ремезиному гнёздышку в ухо.
Не спешу расставаться с тобой,
так бы жил я в мысу, средь народа,
где не молкнет
весёлый прибой,
где любому открыты ворота.
Мыс Казанцевский
примет тебя
как хорошего доброго друга,
поведёт по тропе муравья,
покачает на ветках упругих.
Приходи,
ласков будь,
и, любя,
не порви золотистую нитку,
пусть звенит
меж берёз,
меж опят,
охраняя зверюшку-малютку.

2

Чибис плачет,
чибис плачет
над разбитою мечтой.

Кружит, вьётся

надо мною
и над степью золотой.

Нотой верхнею,
писклявой,
рвёт мне сердце на куски,

улетел бы, брат,
подальше –
к морю, полному тоски.

Там, у мыса,
киснет туча,
ей бы пеляди помочь:

рыщут по морю
две щуки,
что поменьше, верно, дочь.

Вот где стоило б
кружиться,
петли делать,

виражи,
в зубы хищницам,
как в ножны,
песнь истошную вложить.

Перестань, родимый,
плакать,
что мечта – пустой горшок!

Солеросы вспомнят к ночи,
где мой спрятан
посошок.

Не к тому я,
что старею
или выключился ход, –

ты провёл бы нас,
плаксивый,
до открытых дню ворот.

Может, там
одной слезою
красный вымоем порог,

отряхнёт пыль мезозоя
с крыльев
огненный Сварог…

Удержаться
нам бы только
возле края темноты,

сохранить бы,
ради Бога,
людям малость красоты.

***

Белым-бело сегодня в НСО …
А.Денисенко

Снега идут по НСО…
Меня за ними понесло

по колкам, по солончакам,
где дух развеян Колчака.

Где дышит волею типчак,
где стоит заново начать

плести бичи из бычьих кож,
точить о камень старый нож,

готовить в русской печке щи
и ждать, когда придут дожди.

***

Да не свет в нас, а блат.
Л. Губанов

Нами правит не судьба, а блат.
Лихо вьётся по дорогам мат.

Сизый дым из новеньких машин
затмевает слово от души.

Разве кто узнает нас, когда
вычистит история года?

Глубоко на сердце спрятан клад.
Да не свет ищите там, а блат.

***

Околки редки и прозрачны
на гривах древней Барабы.
Здесь много птицы новобрачной
и пахнут грозами грибы.

Гудит, как бубен, в долах ветер,
озёра смутно слышат стон
души кочующей… Иль грейдер
то рвёт и режет века сон?

И, словно ястребы в полёте,
мелькнут скопленья дней чужих,
и в них, в невыносимом гнёте,
таится тать, скуля о ржи.

Чалдон, рукою загорелой
поправив ус, открыв уста,
вдохнёт глубоко воздух зрелый,
помянет предков и Христа.

Отмыта ливнем соль столетий,
под зернь распаханы холмы,
и хлещут солнечные плети
остатки туч, лохмотья тьмы.

Но кажется, на плоских взгорьях,
как марево, плывут вдали
моря невысохшие горя,
стада кучумовой пыли.

***

Отчего на Земле мы бываем однажды?
Отчего на другой – не пожить, не попить?
Вот бы радость опять: задыхаться от жажды
или в пресной воде свою душу топить!

Неужели для нас нету места иного –
искупить прошлый грех, только в этом аду?
И для бренного тела, для духа больного
не найдётся любви в бесконечном ряду?..
1995

***

В степи повстречаешь разливы полыни
и в лужах калужниц желтеющих жёлчь,

подсолнух Гогена, бухарскую дыню
и утром – фламинго, живого ещё.

В пустынных и горьких озёрах не рыщут
зубастые щуки – за мелкой плотвой.
Свинцовой волною в глаза эти хлещут
дожди грозовые и ветрениц вой.

Но слёз – не собрать повиликою белой,
и солнце беспомощно – высушить дно,
лишь светится в колках калиною спелой
далёкое счастье… Да, видно, чудно,

что где-то разлито зелёное море,
и, словно на блюдце, стоит в берегах
рогоз в шоколаде – не рвётся он в город,
не знает о прошлом седая река.

В озёрах настояна горечь полыни.
Издревле под вечер ненастной порой
раскосая дева лавиной нахлынет
и в топи отбросит язычников строй…

***

Помолись за меня, моя добрая мать.
Ждать осталось уже нашей встречи недолго.
Свой скудельный сосуд доведу до ума,
чтобы меньше потом было на людях толку.

На земле хорошо, много белых грибов.
Ты их, помню, всегда поберечь мне велела.
А душа что ладонь. Молчалива любовь.
Помолись, пожалей, как, бывало, жалела.

Под твоею рукой легче жить, горевать.
Мы не просто земные, а божие дети.
Помолись и поплачь, не спеши к себе звать.
мы ещё не прибрались, ещё не одеты.

Мои позывные

Внимание,
проверка связи!
Как меня слышите?

Что нового? Как дышите?
Что там у нас – извержение?
Снова порыв, повреждение?
Замерьте напряжение!
Век на подъёме,
может быть падение!

Алло, не молчите, говорите
ясной свободной речью.
Приставки, предлоги
опустите,
чётче скажите, резче.

Раз, два, три…
На Ваш сигнал – откликнусь,
на беду – сердцем добрым.
От горьких телеграмм, факсов
никну:
россы мы? или – обры?

Друзья,
и уберите помехи.
Что должен – сдам экстерном.
Проверьте истину слов, успехи
злой кислотою серной.
Душу только не травите – больно.
Письма – приходят редко.
Своё послание светом полню!
Ждёт ли его нимфетка?

Для скорости – надо! – индекс ставлю.
«Люблю» – себе для форы.
Закаляюсь вновь
в холоде стали
и в пустых разговорах.

Запомните мои позывные!
Звоните. Пока. Чао!
Диспетчер, подключите:
родные,
Чаус, наверное, Чаус…

Из цикла «Заметы»

Павел Васильев

Иртыш, зима. На всех ветрах секущих
топорщится пожухлый куст репья.
На берегу – озлобленно стоят
два волка. Гривы – в серебре колючем.

О, этот вой, живое все гнетущий!
Не вздрогнет кто? Чья не рванет шлея
через снега в открытые края,
где виден день, спасение несущий?

Зовут кого из тьмы небытия –
глаза? А взоры чьи, вдали виясь,
уходят, словно медленные реки?..

Сибири волк, безумствуй от души!
За это будешь пулею прошит
и не забыт в поэзии вовеки.
24.11.1995

Георгий Вяткин

В горах великого Алтая
песнь родилась хвалить творца,
не изменился лишь с лица
Хан-Бобырган, в тумане тая.

Катунь, горячая, крутая
(найдет ли кто реке ловца?),
рвалась из тайного ларца
в строку, легендой обрастая.

В гортанном клёкоте шамана
нашел он посвист турухтана,
степной России голоса.

И ветвь раскидистого кедра,
песок золотоносный в недрах –
судьбы счастливой полоса.
25.01.1997

Геннадий Карпунин

Придя – по мысленному древу –

к великим подвигам славян,
развеял он седой туман
былин и тайн Обиды-Девы.

В душе знаток значений древних
нес груз преданий, как Боян,
чтил свято «Слово», инь и янь
и в поле колос недозрелый.

А на тунгусском пепелище
готов построить городище,
оставить след заметный свой.

И в русской речи, в тёплых встречах
живёт певец Синильги вечной,
огней сибирских – костровой.
24.06.1997

Казимир Лисовский

Сибирь – планета чудная твоя:
простор равнин, льдов толща вековая,
звезда полярная, собачьи лаи,
свист жестких крыл неистовых – в краях.

Есть добрый знак: воспеть свой «Красный яр»,
снежницу пить, где льдина мировая,
в пургу уйти, пусть юность чумовая
исторгнет стих – его запомню я!

Под звон звезды рванётся Енисей
к тебе, собрат, по синей зимней стуже –
оленей гнать, спасать в снегах друзей,
искать могилу Бегичева-мужа.

Так ты, поэт, где тундры ягель мок,
берёзке милой выдюжить помог.
15.01.1998

Леонид Мартынов

Забродит кровь, и хмель воспоминаний
вернёт его в наивные мечты:
зажечь снега, реветь до хрипоты
о недостатке опыта и знаний.

От дерзких обезумев начинаний
и тяжести межзвездной черноты,
возьмёт и тихо всхлипнет у плиты,
устав от звона звукосочетаний.

Ему взбредёт – никто не остановит! –
и Лету переплыть, чумной в основе –
по мраку тёмно тянущийся сток.

Судьбу свою осилив в многоборье,
он будет, помня берег Лукоморья,
фрегат воздушный править на восток.
30.10.1996

Анатолий Марченко

Земляк, тобою поле грезит,
оно готово воли дать глоток,
чтобы железной камеры пруток
согнуть, сломать. Но в сердце – рези…

Век узнают - в надпилах, в срезах.
Степь Барабы пронизывает ток.
Здесь кровохлёбки крохотный цветок
усвоил ветра полонезы.

Светло в околках: поредели.
Но мир возможно переделать
и в противоборствующем строю.

Твой дух свободою прекрасен:
где жизнь кипит, где неба прасинь,
там ты стоишь у бездны на краю.
12.06.1997

Дмитрий Олерон

Четыре года каторжных работ
и вечное сочувствие Сибири –
вот чем любовь оплачивают в мире
жирующих на подлости господ.

Других поэту не было забот:
ковать сонеты, странные здесь гири, –
в сырой холодной харьковской квартире …
Нелёгок – Эредиа перевод!

Но полюбил увалы и бураны.
В душе строкой залечивая раны,
он песни вьюги выучил в тайге.

Олимп увидел в сопках Верхоленья
и, маясь в них недугом умиленья,
сонеты пел заиндевелой мге.
19.03.1997

Александр Плитченко

Холм земляничный опустел:
ноябрь, морозы скоро грянут,
снега в черновики заглянут,
где след чернильный загустел.

Осталось много добрых дел.
И рожь растёт к весне упрямо,
и лист полынный на поляне
от стужи даже посветлел.

Пусть холод гнёт к земле травинку,
и легкую, как пух, снежинку,
и заржавелый жёсткий хмель,

согреет душу сентябринка,
с ней под осеннюю сурдинку
стрелою в небо рвётся ель.
10.11.1997

Николай Рерих

Жить суждено среди ветров и гор былинных,
усталости не знать от жизни полевой
и темперой, растёртой краской луговой,
лик неба превращать в волшебные картины.

Сгори в святом кольце, мир пошлый и рутинный!
Преодолевая барьер языковой,
художник к людям шел тропою роковой
и радовался тихо трепету светлыни.

Приняв Вселенной взор родной, голубоокий,
он Гималаи перенес на холст широкий,
путь к миру очищая благостным огнём.

А добрый мальчик, вестник будущего века,
за руку брал и вёл большого человека
в Беловодье – легенды складывать о нём.
04.02.1997

Леонид Решетников

Закаливал сибирский резкий климат
не только нас – и танки, камни, злак.
Порою лес дождями так-то вымыт,
что ранам легче, веселее шаг.

Пускай закату мы необходимы,
пусть позади огонь войны и зла,
нам горького досталось много дыма,
и юность пеплом в очерки вошла.

Во сне ли? – бьют орудия надсадно,
как будто сваи завтрашнего дня,
и воробьи взрываются над садом,
и речка взбаламутится до дна …

Наверное, привыкнем к тишине,
но – «не задремлет память!» – не к войне.
19.01.1998

Александр Смердов

Когда горят зелёные огни
в снегах родного Васюганья,
когда сверкает синей гранью
морозом крепко скованные дни,

когда слипаются глаза от книг,
прочтённых брезжущею ранью,
когда на снежном поле брани
одна гуляет смерть, и не усни! –

он, воин, там, в Тригорском, возле Гор
чуме коричневой наперекор
спасает славу русской тверди!

Он там – склонился, где нетленный прах, -
забыв на миг себя, войну и страх,
твой рядовой, Россия, – Смердов.
17.01.1998

Георгий Суворов

Зарылся в землю опалённый взвод.
И тишина. Предчувствие атаки.
И тучи придавили, словно траки,
солдат лежащих – скоро ли вперед?

«Сердца на взлёте». Пусть противник прёт
на днём пристреленные смертью знаки!
Сейчас ножи блеснут в ужасном мраке!
И в горле сушь… И дым его дерёт…

Ракета ночь рванула, и за ней –
скрывается в бушующем огне
бойцов бегущих вал неудержимый.

Взметнётся смерч и кровью изойдёт …
Живой оглянется: рассвет грядёт,
и добрый век стоит несокрушимо.
27.11.1995

Василий Федоров

С тобой подняться б на седьмое небо,
в лугах бродить до третьих петухов,
насобирать штаниной лопухов
и сытым быть от марьевского хлеба.

Когда весна, то не грустила б верба,
что нету рядом рыжих женихов –
подсолнухов. Они для пастухов
незаменимы, солнечные гербы.

Но вот ненастит в окна, и в душе
острее боль от чудо-витражей,
что вставлены в промасленные лужи.

Со всеми радость долгожданных гроз
делил он, слово доброе пронёс
к сердцам людей по салаирской стуже.
21.01.1998

Варлам Шаламов

Когда писатель в лагерной ушанке
на волю вышел, было так светло,
что даже звёзды – вымело метлой! –
горели днём, а солнце плыло шаньгой.

Любил рассвет и рифмы спозаранку.
Бывало, что замызганной ветлой
сор в угол заметал, больным – тепло,
тем самым их закончив перебранку.

Открыта нам колымская тетрадь.
В ней, по привычке, шею лекарь-брат
стянул петлёю белой – полотенцем.

Возненавидев доводы тюрьмы,
он соловьям своим к приходу тьмы
смолой янтарной смазывал коленца.
21.09.1997

Из сборника «Солонец», 2009г.

1. Из цикла «Окольность лет»

***

Смиренна ты, о плоская равнина,
своим простором, воздухом густым,
игрою света, полем золотым
и ровною щетиной кошенины.

Наклонена – отсюда и стремнина
могучих рек на север, где мечты
свершаются у сильных, молодых.
И нет предела нашим палестинам!

Подвинуты безмолвные снега
к ледовым каменистым берегам,
где вечный мрак, коварные щелины.

По воле Бога царствует вода,
и потому – высоких гор гряда
разглажена ладонью исполина.

***

На родине – озёр не сосчитать.
Здесь ветер крылья пробует в размахе,
сжигает быстро солнышко рубаху,
огромна степь, и коршуны – под стать.

По топким долам – травам благодать,
гнездится в колках редкостная птаха.
Едва успел засеять поле пахарь,
как вот уже и новая страда.

Сырую непогодь возможно ль вызнать,
когда волнуется, как жёлтый призрак,
густой камыш? В нём разная пискля…

Есть страны, где, наверно, легче выжить,
жирнее степь, пшеницы колос выше,

но мне милей – просолена земля.

***

Среди озябших трав и зелени пшеницы
в краю морозом крепким выстуженных вод
объявится апрель, волшебник-полевод,
и землю радует духмяной медуницей.

Но мнится скрип саней, и вьюга-кружевница,
и звон сухой земли, снежинок хоровод…
А столько выпадет – крестьянину забот,
что кругом голова и тяжко пояснице.

Отвыкнув от косьбы и вкуса диких лилий,
весною пахарь рад, что руки закалили
ему холодные и сильные ветра,

что малый дар небес, предутренний, чуть синий,
упал, рассеянный, на реденький осинник,
на строки-борозды, на чёрную тетрадь.

***

Под снегом тяжких лет как выдержать бы мне
жестокий холод слов и на душу давленье,
полуденного неба жаркое томленье,
где солнце – что котёл, стоящий на огне?

Частицу радости приму на острие
осеннего листка, избегнувшего тленья,
и сердце защемит от дивного явленья,
когда забрезжит свет в окольной полутьме.

Что может быть милей зелёненькой травинки,
избитой ветрами рябиновой корзинки –
сплетенья редкого земного естества?

Наверное, тобой проторенные стёжки
по саду зимнему и свет в окошке
от восходящего на трон свой божества.

ДНИ БАРАБЫ
Венок сонетов

На полянах сердца – горький дух,
запах милый прелого листа.
Д. Андреев

1

Задумаюсь о сроках, в них намёк,
что день мой короток, а темень ближе,
и что-то постоянно сердце движет –
вперёд идти сквозь непогодь и смог!

Молю: в пути бы выбранном помог
прорваться сквозь тенёту слов. Обижен
не буду я, пусть время камни лижет
и пыль струится бесперечь у ног.

Чем страшен миг, когда и твой черёд,
когда в потоке дней тебя сотрёт
светило утра, розовый обмылок?

Но ранней свежестью легко дышать,
и тем бы душу только не смущать,
что вечность тяжко дышит мне в затылок.

2

Что вечность тяжко дышит мне в затылок,
узнаю ль в смертный час? Как он жесток
и не помилует меня, тебя, браток,
и тьму усилит в мороке остылом.

Зачем же строим планы, как стропила?
Кому поверить вынужденный ток
извечной мысли, знания росток,
где и когда и что со мною было?

Не раз вопросом рвал я синь-канву
и думал: с древа спелый плод сорву,
а жизнь под гору радостно катилась.

В округе мир волнуется большой.
День настаёт, и чувствую душой:
земля под утро чуточку остыла.

3

Земля под утро чуточку остыла
после грозы. И травы подросли.
В тумане – призрак… Кажется, Кашлык…
Покос торопит всех… И не забылось,

как лень вставать, сколь крепок сон мой милый!
Вот кони фыркают, как бы нашли
в соломе мышь… Свернул отец башлык.
Чу! звон литовок, говор легкокрылый…

А дождь бусит… Из памяти не вышло:
предвидится весь день – тоскливо в мыслях –
сушить сенцо, взбивая копнам бок…

В дорогу мне подушечку-конфетку…
Готов и хлеб, чуть теплится загнетка,
как в бездне звёздной малый камелёк.

4

Как в бездне звёздной малый камелёк,
так то мгновенье в памяти – из лета,
в котором сам я выгляжу атлетом,
и мир чудесен: в красках не поблёк.

Капелью неба светит василёк,
открытый ветру, солнцу и поэту!
Среди цветов не выискать ответа,
где есть ещё подобный огонёк.

Не солеросов важную осанку,
не бахрому под шляпкою поганки,
люблю воды колодезной глоток!

Улитой тянет и меня звезда,
чтобы иное в жизни повидать…

Познать миры – мечтою изнемог.

5

Познать миры – мечтою изнемог,
но вывел в детстве: буду звездочётом,
и на земле, зелёном самолёте,
лелеять мирной жизни стебелёк!

Казалось бы, вот выну оселок,
волшебный он. И ждите! Не дождётесь.
Ведь люди обжились на небосводе,
туда их ветер странствия завлёк.

Лежать бы мне подолгу на траве –
пусть облака подходят к голове,
собака на цепи от скуки б выла…

Цветёт картошка – не до корабля!
Начну полоть… Будь чистою земля,
поддерживать её – хватает пыла.

6

Поддерживать её хватает пыла:
подсолнух рядом, компас средь миров,
в мысу – боярышник, ценнее нет даров.
Моя душа его не позабыла.

Богато озеро! В нём столько ила!
Затягивает хрюшек и коров…
Для ребятни, для ветреных голов –
вода что щёлок, моются без мыла.

Невольно память душу холодит:
хотел глоток снежницы проглотить….
Весной простуда многих уносила.

Печальным часто был тому итог,

но вот судьбы разматывать виток –
в руках ещё достаточно есть силы.

7

В руках ещё достаточно есть силы –
поднять навильник, вывести стожок,
берёзки три связать на посошок
вершине дня, чтоб ветром не сносило.

Стоят стога, богатыри-верзилы.
И любо вновь войти вон в тот ложок –
литовкой душу тешить… Хорошо!
И слышит вязель ласковое «сыля»…

Полоской ровною ложится зелень.
А в думы льётся море, лодка, пелядь…
На вёсла бы! и мчаться как чеглок!

Жжёт солнце лог. Опасен запах древний.
Забот полно крестьянину в деревне,
о том шумит родимый тополёк.

8

О том шумит родимый тополёк,
что не забыто, помнится былое,
когда кочевник впился в степь стрелою
и жизни срок неумолимо тёк.

На север тянется Оби холодный ток.
По ней шла Русь неведомое строить,
и сквозь тайгу меч прорывался с боем,
чтобы взошёл в бороздке ржи росток.

Здесь рос народ в земле без окон, стен,
и, озираясь, городил плетень,
ловя вдали в тяжёлых стягах лики.

Под ветра вой и бредень новостей

цвела моя барабинская степь:
незабываем пряный дух клубники!

9

Незабываем пряный дух клубники
среди околков и звериных троп,
где холм под солнцем греет бурый лоб,
а зонтик дягиля – дозорный некий.

Краснеет кустик зрелой костяники.
Чуть улыбнётся мыслям хлебороб,
когда шелушит выращенный боб.
Они на поле убранном возникли.

Кто знал печей Петровых жаркий под,
тот не забудет выстраданный год
и трудодни, свинцовые вериги.

В погоду добрую зари тепло
в степи разлито. Видно, как в стекло,
в озёрах – сети, солнечные блики.

10

В озёрах – сети, солнечные блики.
Под вечер краски неба смягчены
приходом, наконец-то, тишины…
И травы к ночи нежит шар великий.

Душа взметнётся, коль начнут курлыкать
под осень журавли – от чьей вины?
Уймутся даже зайцы-драчуны,
когда падёт на землю голос дикий.

Знать, суждено и мне – в родном краю
любить полоску алую свою,
по солонцам – речушек тихих бег.

Спокойно озеро, не слышно плеска,
и только от заката – перелески
таятся в сумраке открытых век.

11

Таятся в сумраке открытых век
дни Барабы, в них солоно и сухо.
Свист сойки слышен, голубь стонет глухо.
Остановившись, иноземец рек:

«Бар! – воздух сладок, мягок лёгкий снег,
воды полно, камыш ласкает ухо,
сочна трава, звенит коровы брюхо,
босой ордятины приятен смех…»

Поймёт ли он сенца весёлый хруст,
когда день холоден и птицей пуст?
Полынный мир и кровохлёбкой дорог.

К тебе, ковыль, приду я на поклон,
и памятен мне будет испокон
типчак и клевер, маленький пригорок.

12

Типчак и клевер, маленький пригорок,
коней измученных тяжёлый дых…
Живёт во мне – заплесневелый жмых,
на хляби ржавой – выстроенный город…

Отбросив норов свой и глупость вздоров,
ничтожность слов и помыслов худых
и упредив грядущего ходы,
направим родине сухие взоры.

Там пухнет от дождей гнилая топь,
медлительна и величава Обь,

со звоном створы открывают Оры.

Из Васюганья тянется вода.
Теплынь стоит, и с нею, как всегда,
над пашней пар, хлеб в радости и в горе.

13

Над пашней пар, хлеб в радости и в горе…
А память – и не выскоблить ножом,
не вычерпать синь дивную ковшом,
и плёс вдали, и окоём над морем.

Мы плачу журавлиному так вторим,
что маемся подолгу миражом,
великим светоносным рубежом,
и рвёмся с беспредельностью поспорить.

Отсюда в сердце ярость и поныне.
Седы виски. Жаль, и не тает иней.
Ушла романтика таёжных нег.

Но, пажити, ваш день благословенный
и тёплый дух зерна проникновенный
навек запомнит в детстве человек.

14

Навек запомнит в детстве человек
осинника прозрачные куртины,
на огороде – запах спелой дыни,
на озере – по волнам фейерверк.

Берёзу ищет вечно дровосек –
согреть свой дом из камыша и глины,
и тополь стонет, как былинный инок,
вздыхает о свободе грешник-зэк…

Есть многое, о чём я горько плачу,

но сердца жар для будущего трачу,
и тороплюсь: день Божий б не истёк.

Гудит ли ветер над лесным увалом,
или – то рокот рокового вала,
задумаюсь о сроках, в них намёк.

15

Задумаюсь о сроках, в них намёк,
что вечность тяжко дышит мне в затылок.
Земля под утро чуточку остыла,
как в бездне звёздной малый камелёк.

Познать миры – мечтою изнемог,
поддерживать её – хватает пыла,
в руках ещё достаточно есть силы,
о том шумит родимый тополёк.

Незабываем пряный дух клубники!
В озёрах – сети, солнечные блики
таятся в сумраке открытых век.

Типчак и клевер, маленький пригорок,
над пашней пар, хлеб в радости и в горе
навек запомнит в детстве человек.
2003

***

Лишь ночь сойдёт, затеплится восток
и мягко высветит в тумане хату,
и баба примется греметь ухватом,
заставит чугунами весь шесток.

Пойдёт дочурка к речке на мосток,
где стойки шатки, доски слабоваты,
источены волной и мерзким гадом,
где время движет, кажется, поток.

Она ведёрком зачерпнёт водицы
и улыбнётся миру, баловница,
увидев мяч весёлый, золотой…

В печи, в загнетке, зорька догорает,
стряпуха шаньги маслом покрывает,
вдыхая запах рая, дух густой.

***

Ещё туман и зорька в молоке,
ещё ветра в округе не проснулись,
окошки только ж свету улыбнулись –
рыбак уже торопится к реке.

Одет свободно, даже налегке,
два на плече удилища прогнулись,
и червячки в коробочке свернулись,
и месяц вязнет в маленьком сачке.

Но вот ушла коварная наживка
в солёную зелёную волну,
и умилённо молит он – ну, ну…

Ведь дёрнет же какая-то паршивка,
весь поплавок утопит на присловье!
И как тут не порадоваться ловле!

***

Палящий зной. И небо в жёлтой мути.
Июль. Петровки. Силосный разгар.
И степь кипит, в истоме мелюзга,
и шершни вновь безумствуют до жути.

На горизонте, с отблесками ртути,
растёт лениво облачная мга,
темнеет тела бронзовый загар.
Удушье, тишь, не радуются люди.

Подвергло пытке скот – исчадье ада:
рой злобных мух и полчище цикады.
Нет клика бодрого, и язвы дня болят.

Но, чуя сход жестокого титана,
приятный запах дыма от казана,
смягчает гнев иссохшая земля.

***

Жара сошла, и легче под лучами
ослабленного солнца. Голосок
хозяйки старой властен и высок:
её бурёнку чтобы повстречали!

Она блудлива. Тёмными ночами
не оставляет в стаде адресок
и ломится то в поле, то в лесок,
не брезгует соседскими харчами.

Ко сну лишь только люди отошли
и свет запрятался окрай земли,
как слышно: вёдра что ль загромыхали?

Та – у кола Полярного стоит,
Велес спешит скорёхонько доить,
и ночь колышет звёздным опахалом.

***

Неистов бег коней в степи молчащей,
натянутые вожжи – тетива,
на крыльцах куртка держится едва,
как парус бьётся в воздухе звенящем.

И звук земной, напористо летящий,
пронзит пространство, дрогнет синева,
и все заменит резкие слова

из горла стон, надрывно исходящий.

Возница – мал! Но сердцу весело,
когда летит живое естество!
И даль ясна, есть сила молодая!

Неволит к цели твёрдая узда,
вспорхнула к звёздам куропаток стая,
и к вечности проложена верста.

***

Домой с зарёю – и таков закон!
Стога в полях поставлены в охрану.
Готовы лошади простор таранить:
предчувствуют и отдых, и загон.

У баб пока спокоен лексикон,
одна в другую – на коленях длани.
Чтоб никого занозой не поранить,
скрипит помалу старенький фургон.

Но вот: «Пошла!» – колёса покатились,
усталость прочь, и голоса схватились
в одном порыве, в песне о любви!

А вскоре – ночь, восторженные муки,
на шее верной ласковые руки,
поток могучий огненной крови…

***

Заря плеснула крыльями в окно,
легонько прянул ветерок на воду.
На небо тучки выбрались и – ходу,
пошла одна куда-то за одной.

И вот уже на улице родной
раздался свист! Не глядя на погоду,

пастух торопит стадо – всем в угоду –
скорей на травку жидкую весной!

Тряся на шее ожерелье-цепь,
Озирис-бык покатит солнце в степь,
за ним и вся голодная скотина…

А нетель возле колочка идёт
одна и силу тёмную зовёт,
лоснится страстью пегая хребтина.

***

На заводь пал всемилостивый луч
великого светила. Новый странник
уже взошёл – и высветил дощаник.
Камыш вокруг поломан и колюч.

Но в травах – кто-то всё ещё певуч:
открыт невидимый весёлый краник!
И я, земли солончаковой данник,
вновь буду завтра яростен, живуч.

Иду по солеросам и воде,
дивлюсь закату, тихой красоте,
забытый всеми, никому не нужный.

Но рад тому, что нечего искать,
есть что бессмертию мне предлагать –
мой мир огромный, тёплый, безоружный.

***

По глади озера плывёт лениво лодка,
рыбак веслом назад отводит облака,
волна чуть плещется в смолёные бока,
и ветерок затих смиренно, кротко.

Из замыслов моих вечерний воздух соткан:

качнуть султаны камыша, уйти б в века,
где ханы злобствуют, течёт Онон-река
и в шею пленника вгрызается колодка.

Густеют краски запада. Летит ночница.
С небес на заводи упали кружева.
Пора домой, заря, вещунья-истопница:

пусть отдохнёт прибрежная трава.
А завтра с нею буду по свету струиться
и людям добрые отыскивать слова.

***

В глубинах озера развёрнутое знамя
задумало светило тихо потушить,
на птицу тёмную заботы возложить
и берега окутать вымыслом тумана.

В лагунной тишине оно погасит пламя
и жар Петрова дня. И бред моей души.
А солеросы – рады день мой завершить
и свежей зеленью украсить ночью память.

Зачем же в поздний час ты, робкая Евтерпа,
меня склонила петь молчание воды,
богатую свинцом, скупую для вражды?

Но, дух свой затаив, я, малая прилепа,
стараюсь выдержать усилье лунной скрепы,
остаться верным ей до выхода звезды.

***

Над лёгкой рябью вод проносится кулик,
в глухие камыши запрятаться желая, –
и выпь вослед трубит, гольянов вздрогнет стая,
и всякий пропищит, собою невелик.

По камышу пойду и выйду на целик,
намну себе травы, и точка вот жилая!
На ней мне вечерять и, ухо обостряя,
ловить утиный свист, гусей далёких клик.

Не этот ль мой притин, где ночь и бессезонье,
озёрный тихий плеск, цветущая вода?
Стихи припомню вдруг, и бормочу впросонье,
и медленно бреду по выжженным годам.

И, чтобы побороть на сердце круговерть,
сжимаю крепко ствол, бесчувственную твердь.

***

Ты помнишь тот погожий вечерок,
когда закат дымился томной ленью
и с беззаботным птичьим песнопеньем
плескался юркий в заводи чирок?

На перепутье жизненных дорог
найдёт ли кто душе благословенье,
когда для слома выстроенных звеньев
уже взведён безжалостно курок?

Мгновенно всё срабатывает в лад!
Прямолинеен огненный заряд.
Стрелок глядит на вспыхнувшее небо,

и сам тому, наверное, не рад,
что он свидетель горестных утрат,
но такова суровая потреба.

***

Когда закат мне успокоит страсти,
остудит в спорах обострённый нерв,
оставлю затемно чужих венер –

искать самим лекарство от напасти.

Наперекор ночной огромной власти,
земле несущей таинства минерв,
луне останусь верным, как резерв
неистребимой в мирозданье части.

Заря горит неистовым кумиром,
грядёт ко мне по склонам Салаира,
растягивая пологом пожар.

И я, и друг мой, ветер одинокий,
собрав все силы, бросимся под ноги –
держать рассвета тёплый пеньюар.

***

Боготворю равнинные просторы,
в стогах на зиму тёплое добро,
ветрами продуваемый перрон
и дальнее мерцание Авроры.

Когда же мне под ухо тараторишь,
морали нанести моей урон
торопишься, я сам качну свой трон,
открою фортку, марлевую штору.

Вдохнув сырого воздуха чуток,
под ноги брошу ниточек моток,
уйду за ним по ледяному хрусту –

туда, где бор, замёрзшая курья,
где белые раскинулись моря,
поёт юдоль и выстужена пустошь.

***

Долина стихла, песней отзвенела.
Роса упала, тяжек путь в траве.
И время приближается – сове

лететь на ток, где что-то свиристело.

В кошаре овцы словно онемели,
смакуют вечер сонно в голове,
вот горлышко почистил соловей
и – душу нянчит леностью умело.

Усталый ветер – что с него возьмёшь? –
отпел своё, и нот не соберёшь:
разбросаны у полночи на взгорье.

Луна с трудом уложит спать меня,
сама пойдёт огарки заменять
и свечи ставить новые в просторе.

***

Оставив в одиночестве кота
стеречь в саду убогие пожитки,
старик предложит вечеру визитки –
свои галоши, прошлые лета.

А сам по половице вон туда,
где быть должна железная коптилка,
и, разминая с хрустом пальцев жилки,
зажжёт огонь, и схлынет темнота.

Бутыль достанет, сядет у окна,
ему подруга – верная луна,
за тёмным шкафом ржавая берданка.

На окоёме – масло дел ночных –
желтеет облачко… Шумит Чаны,
и на планете лёгкая болтанка.

***

Где Чан великий немощен и сух,

где гибнет остов плоскодонки-лодки,
не вылечусь кореньями солодки
от жажды пить и шторм ловить на слух.

Который век не выветрится дух
солёной летней утренней погодки,
поют уныло высохшие дудки,
цветёт в баркасах розовый лопух.

Кому же эти надобны пески,
на чёрных сетях горе-поплавки,
камыш, развёрнутый зелёным станом?

И неужели, изменив дела,
вздев голубые – к небу – удила,
волна над степью памятником встанет?

***

Не всем литовкой травушку косить,
идти межой, терзать себя виною,
постромки рвать душой своей шальною,
под солнцем жгучим удалью форсить.

На языке сладчайшем, как фарси,
я объясню прохожему под зноем,
ценить как надо каждому земное
и гимны сердцу должно возносить.

Мне дорог свет и песенный зачин.
Ведь он на холст берёзовых лощин
положит краски – бледные, родные,

поправит их чуть небом голубым
и ждать меня оставит у судьбы –
ловить её сигналы позывные.

***

Благодарю, покорная трава,

что отдаёшь себя без колебаний
под острое железо. Прозябанье
не свойственно июлю, ты права.

Упала кровохлёбки голова,
нарушив все каноны икебаны,
и жар плывёт густой, словно из бани,
и просятся хорошие слова.

Сталь вытру зеленью. Наискосок
начнёт литовочку точить брусок…
Ещё одна весёлая запарка!

Со мною в путь отправилась пчела,
она свою работу начала,
толкнув ромашку, солнечную барку.

***

Подняв огромный столп воздушного потока,
понёс его в зенит невидимый батыр
и с благодатно потемневшей высоты
обрушил вниз водой осмысленно, жестоко.

Затмилось небо и всевидящее око.
Разъяты в жадности обугленные рты
безмолвствующих лиц, чьи грубые черты
устали ожидать открытие востока.

Войти ли так и мне в сей мир преображённый,
гореть и сгинуть в нём строфою воспалённой,
растаять облегчённо в струях грозовых?

Или под тяжестью размеренного пенья
душою воспринять безумное стремленье –
узнать на сердце дар ранений ножевых?

***

День уходит во тьму, только ты неизменна –
остаёшься собой и в объятии сна.
В эту ночь, не поверишь, приходит весна,
и себя ощущаю беспомощно пленным.

Локон мягких волос мне напомнит вербену,
запах древней травы… Грудь наполнив сполна
крепью терпкой земли, вновь упьюсь допьяна
тёплой тёмной волной, что ни с чем несравненна.

Не могу разомкнуть круг желанных стремлений.
Но сужается он – утопаю в цеплянье
слов коварных ночных, слов неясных, глухих…

И когда, словно в пропасть, уйду в твои руки,
что влекут утомлённо на новые муки,
не испытывай море, чтоб выйти сухим.

***

Белья закончив стирку, спину разогнув,
земная женщина над речкой замирает,
подол рукою машинально обирает,
увидев чью-то тень, мелькнувшую по дну.

С мостков к траве густой недалеко свернув,
она свою округу строго озирает
и, в малый узелок исподнее сбирая,
вполуха слушает эолову струну.

Ещё один порыв застенчивого тела,
и вот оно – в потоке холода кряхтело,
плескалось, плюхалось, любило как могло.

И, выйдя на берег в серебряном нейлоне
раскрытым к свету бледно-розовым пионом,
взмахнуло крыльями и наземь улеглось.

***

Банально: отцветают розы,
уходит лето в никуда.
И сталью высветилась даль,
близки ненастные угрозы.

В дожди добавлена фруктоза.
По правде слов, одна вода.
И грустно на душе, когда
видны размеренные дозы.

Не жизни пройденной так жаль,
а безучастья как несчастья.
Так заострись! коли и жаль
мне сердце, розан соучастья.

Их для любимой собираю,
изгнанник молодости, рая.

***

Со мною не грусти. Не ожидай признаний.
Я тот прохожий, что тобою восхищён:
ведь дольний путь его случайно освещён
улыбкой нежною, и – не унять стенаний.

Не будет легче мне от вымученных знаний,
полученных от встреч, в них дух мой укрощён
и в русло старое смущённо возвращён,
где высохли года несчитанных изгнаний.

Бед новых не страшись. И разве ты должна
принять их и судьбой тоске обречена?
Тебя увидеть вновь – вот редкая отрада!

Не отвергай – неясного ума дары.
Они в преддверии негаданной поры
не сломят твоего пронзительного взгляда.

***

Тяжёлый взгляд, таинственный и быстрый,
мгновение пытаясь удержать,
сверкнёт, как свет по лезвию ножа, –
металлом твёрд и холодом неистов.

Не выстою – и упаду под выстрел
тугих ресниц, в косой полёт стрижа…
Но ты – пленение не сокрушай! –
опять барьеры розовые выстрой…

Найду, быть может, и свои потери,
вернусь в строку, в которую поверю,
в её призыв, отчаяние, боль.

И голос твой могущественной ночью
сведёт туда, где стоны многоточий
найдут и мне загадочную роль.

***

В озёрах глаз твоих мне утонуть дано.
И, может быть, я счастлив буду в днях глубоких,
когда, плывя в густом пространстве одиноко,
коснусь душой никем не тронутое дно.

Который раз за божий день разлить вино
хочу по чашам, пусть не новым, волооким,
и немо тост поднять за чувств полёт высоких,
тебе взахлёб прочесть хвалу – не всё ль равно?

Но в темени разлитой, в отблесках луны,
надеюсь вновь: ко мне придёт волна большая,
нарушит сроки, что расставила косая,
замоет илом нас, останемся одни.

Песок воспоминаний – ещё месить легко,

как будто миллионы лет с тобой знаком.

***

Такое озеро – не высыхает.
Его стремится каждый переплыть
и удержать натуры глупой прыть
на волнах томных, страстью задыхаясь.

В глубины безрассудства увлекая,
оно молчит: песком бы всех замыть!
Есть чем ему желанное укрыть:
истомой ласк и тенью рыбьей стаи.

Столь непохоже изо всех озёр,
что знаю я: в нём тайна колдовская,
которая назад не отпускает,

чей шёпот – властен, мягок и остёр:
войди в меня, печали пусть растают,
здесь об утопленниках – не рыдают.

***

В ложбину рук твоих упасть, забыться
и навсегда остаться – повели.
Так хочется, чтоб розы зацвели
и свежестью расщедрилась мелисса.

Светлы от близости высокой лица.
А словом потаённым – исцели
и душу вновь весною одели,
чтобы она, родимая жилица,

росла и крепла всем смертям назло:
не каждому с тобою повезло
перенести – мучительные муки,

погибельно влекущие уста…
И светятся – протянутые руки,

как путнику последняя верста.

***

Откроешься, и томный ток волос
падёт на мраморные плечи …
А ночью б – собранную нечисть,
дай бог, забыть, отбросить привелось.

Как мало у нас времени для слёз,
но память держит, словно кречет,
остудит нервы, днём излечит,
тогда почувствуешь что не сбылось.

Рассвет, непреходящей властью
отбросив доводы согласных,
но острых слов, не станет отрицать,

что звёзд поблёкла позолота,
что нет чудесней приворота –
ко мне из тьмы плывущего лица.

***

За то, что снишься в сумраке ночном
и не уходишь гибнуть в подсознанье,
за то, что живо робкое признанье
в железном веке, сорном, сволочном,

за то, что снова небосвод качнём
и выйдем друг за друга для закланья,
за то, что нам назначено изгнанье –
бродить дождём, раствором щелочным,

тебя оставить не могу одну!
В плену желанном радостно согнусь
под ношей слов, испытанного братства,

но сохраню – до смертного венца –

спокойный свет открытого лица,
навек тобою созданного рабства.

***

Останется со мной твоя улыбка,
единственный светящийся фавор,
а взгляд в ночи – таинственный укор
за глупо совершённые ошибки.

Потонут дни в трясине будней зыбкой
до встреч с тобой, негаснущий собор.
Не выдержать – беспамятства напор,
сверкнёт мечта в нём золотою рыбкой.

Броди, душа, измотанной по миру!
Где половинка, милостивый ирий,
чтобы себя в мгновенье утолить?

Найди содом – расхристанное тело,
истерзанное большего хотело:
юдольный путь улыбкою продлить.

***

В степи ночуют вечера минуты,
и с ними зоревать намерен я,
пить трав настой. Добавлю без вранья:
остался бы и после близ закута.

Но не Сократ. И не дождусь цикуты,
не тороплюсь в летейские края,
но дольний рай, как дивная струя,
войдёт в меня, и родиной укутан.

Повеет терпким запахом шалфей.
Полынь сладка. Но где же ты, Орфей?
Что, петь как ветр осенний, зависть гложет?

Коль радость дома в душу западёт,
и в судный час печали изведёт,
пусть память день потерями умножит.

***

Дороги нет назад, как нет возврата –
сожжённым письмам, выплескам тоски,
где облака, отцветшие куски,
закрыли небо скукой синеватой.

И ты – мне недоступною утратой
была и раньше: в тёмные пески
входили дни мои – безумно как легки!
и гибли в них напрасною оплатой.

Растопит на душе тяжёлый лёд
тот непрестанный – в памяти – полёт
среди снежинок, россыпи агатов…

Не в этом ли вся прелесть бытия:
душой открытой, слёзы не тая,
любить в снегах разлитые закаты?

***

Родное озеро, душа большая,
мои вбирает думы и мечты,
а тёплые полынные кусты –
ему и мне нисколько не мешают.

Сказать вернее, с ними завершаю
я трудный день особой красоты:
нам – не до звёзд, их гордой высоты,
где синева не радует чужая.

Плеск тёплых волн, в далёком плачет чибис,
мартын лопатит воздух на отшибе,
на шее вечера – из золота медаль.

Не торопясь, бреду в пути немолчном,
и песней, незатейливой, полночной,
меня к себе затягивает даль.

***

Гигант – в закате, мякотью светящий
на скаты крыш… Меняет цвет трава…
И воздух свеж, на вкус солоноват,
меня настойкой синею поящий.

А ветер, неприкаянно стоящий
у изгороди, видит, как в дрова
упала змейка рыжая сперва,
за нею луч, навеки уходящий.

У озера – конь Водкина… Вода
колышется, готовится отдать
любому ласку, нежность и усладу.

Душа вольна – на призраках теней
и на огнистой трепетной волне
лелеять вечер, дышащий прохладой.

***

Не дай душе, мой мальчик, огрубеть,
узнай своё величие и силу
и, вымахав в неловкого верзилу,
подумай, в чём ты можешь преуспеть.

Мотив старинный выучить бы, спеть –
среди компьютеров и лязга ЗИЛов
и помолиться б сказке, что просила
умнеть и перед смертью не робеть.

Дивись полночным прихотям русалки,
поверь, мой милый, бешеной скакалке:

Ярило в ней, весёлый бог весны!

Гордись, хранитель, словом животворным,
найдя чурбак среди разбитых дровней,
склонись к нему, и Чур расскажет сны.

***

Колодец жизни, чистой, родниковой,
найду ли я, открою ль ход воды,
в которой не теряются следы
речей коротких, яростных, рисковых?

В душе желания хочу такого:
трудов моих склонялись бы плоды
над синим блеском холода-слюды
и выражали б замыслы толково.

Не у поэта ли такие очи,
чей взор манящий неземным пророчит:
войти в него и испытать себя,

покинуть мир задумчивых проталин,
оставить суету во имя дали,
в глубь сердце бросить, немо и любя?

***

Найди меня, ангел, на грустной земле
среди суеты бесконечной и гиблой,
где масса ошибок с особенной силой
усталую душу гнетёт в феврале.

Найди на холодной и серой золе –
мои ослабевшие хилые фибры.
Поверь, на дороге, украшенной зеброй,
придётся под вьюгу и мне околеть.

Открою одну лишь заветную тайну
тебе, как родному, а также бадану,
студёному небу и звёздам на нём:

возьми, уведи за собою далёко,
где вечное солнце и тучи как локон,
где годы земные уже не вернём.

***

Достались нам суровые места.
В них жить – не позавидует и ангел:
то всё бои, измотанные фланги,
то мы готовы чёрта освистать.

Земля – ещё не прибранный верстак.
В свинцовом смоге дыбятся поганки,
и в ряд поставленные в поле танки
устали дни и ночи коротать.

Разлита нефть, и в смертоносном масле
стрекозы, птицы возятся, увязли…
Неукротим ещё зелёный змей.

Но ты живи, ответствуй перед другом
огнём души, невыстраданной мукой
и тосковать не думай на земле.

***

Учусь Россию новую любить:
её киоски, яркие расцветки,
читать на стёклах цены, этикетки,
от них и так уже некуда ступить.

Заморской водки стоит пригубить.
А от сивухи помнятся отметки –
осины кол да под столом объедки,
которых нынче сроду не купить.

Но всё – ништяк! – сказали мы себе.
Ослизлый палец приложив к губе,
нальём до края наши рюмки!

Воще, базар ведь нравился всегда.
И грязь, и семечки нам не беда,
очистим ловко ротозеям сумки!

***

Я вышел из осенней тишины,
из серого заплаканного неба,
болеющего издавна за Глеба
и за Бориса, братьев без вины.

Черно и наше небо от войны.
И верили мы искренне и слепо,
что с каждой зернью выросшего хлеба
добрее день и век родной страны.

Но, наполняясь вымученно светом,
душа окрепла истиной Завета –
любить людей, молиться за тебя.

И, чтобы долг исполнить свой исправно,
встаю до солнца сумеречною ранью –
рыхлить земли просоленную пядь.

***

О как вы злобны, жадные минуты!
Едва сдержать смогу ли на цепи
две-три безумных? Кто мне скажет «спи»,
когда им брошен час душевной смуты?

Бывает в полночь – повороты круто
тебя снесут, и слышится: хрипит
под утро он – на берегу Оби,
терзаемый зверями дико, люто.

Но не откажешь малости – взглянуть,
как бьётся в судорогах плоть нагая,
и сам готовый в бок ей саданут

пером коварным! Вот ведь жизнь какая!

Так, стаю проводив своих минут,
и не заметишь – новые сомнут!..

***

На небосводе – и зимой, и летом –
горит светло поэзии звезда
поклонникам священного труда:
ваятелям, художникам, поэтам.

И не страшит их ни Коцит, ни Лета.
Единственная тяжкая нужда –
продлить земные краткие года
и сохранить достойные сюжеты.

В ночное время, в пору лёта сов,
хочу ускорить ход высоких слов,
забыть на сердце старые обиды,

воспрянуть духом, превозмочь порок
и в наступивший заповедный срок
строфою вспомнить пленников Киприды.
1993 – 2009

2. Из цикла «Заметы»

Даниил Андреев

За решёткой, в темноте и в дрязгах,
не отрёкся от высоких дум
Дан – мечтатель, изощрённый ум,
не оглохший от железа лязга.

Изумрудный цвет болотной ряски
не забыл, но всё-таки угрюм
от того, что грозен леса шум
и бледны разрозненные краски.

Босиком бы в розовую рань!
И найти – мифическую Пра,
«Розу мира» на дороге главной...

«На полянах сердца» новым Ка
возведёт соборы на века
светоносно-льющаяся Навна.
30.09.1996

Константин Бальмонт

Я – кудесник изысканной речи,
я – ключи от весеннего дня!
Никому невозможно отнять
волны моря, сердечные встречи.

Строки словно горящие свечи,
а душа – для других западня.
Кто способен поэта понять,
тот грядущее словом излечит.

Если дали зовут неустанно
и мечта – мироздания данность,
рвите путы из жизненных дрязг!

Утолите тоску непременно
властью вёсел весёлой вселенной,
я – предвестник космических ласк!
17.05.1995

Валерий Брюсов

Воспел поэт чеканный стих
на рубеже тех потрясений,
что выпали нам в день осенний.
России он доселе лих.

Забудь о резкости, прости
его, грядущий отрок мщений,
ведь он, умерив многих рвенье,
помог вдаль избранным грести!

Благословенно это место,
где можно древний мир вдохнуть,
подумать, что поведал Нестор,

себя в Элладу окунуть

и, посох мужеством усилив,
идти туда, где бог – Вергилий.
25.02.1996

Шарль Бодлер

1

Из чаши жизни яд познанья пил,
смакуя скорбь, полночные терзанья.
Наперекор фатальному лобзанью
своей судьбы – он Сабатье любил.

Строкой волшебной вечность подкупил,
легко живётся кошке в подсознанье,
и матери жестокой подаянье
в абсенте терпком медленно топил.

Где старый колокол в себе таит
огонь комет, пылающий Аид,
блик солнца от египетских пилонов,

там альбатрос, как некая мечта,
под грохот волн матросов гнусных чтя,
цветами зла морит морское лоно.
09.11.1996

2

Раздвиньте занавес – и вам открыта
страница тайны гибнущих страстей,
пропитых рож, обглоданных костей,
довольных морд у сального корыта.

Вуаль синюшная дождём промыта.
Актёрам брошен ворох новостей.
И ждут как будто из-за кулис гостей
две птицы странных, заревом облитых.

Рука поэта тянется к шнуру,
чтобы открыть на полотне картины…
Уже сильны волнения сатина,

но держит крепко действие шуруп,
сюжетом круто ввёрнутым в мечту –
оставить залу смрад и красоту.
22.11.1996

3

Когда на камни векового замка
падёт струя небесного огня,
взнуздает рыцарь свежего коня
и лай затеять выдумает шавка,

когда увянет на балу фиалка,
печалью ей уж некого пронять
и лиц пергаментных в тоску вгонять,
им лучше ртом беззубым вяло шамкать,

тогда перо, испытанное чудно,
возьмёт его и унесёт от будней
к Эдгару По, кудеснику ночей!

Пусть о душе, взлелеянной Парижем,
о бренности земной – что сердцу ближе? –
задумается старый книгочей.
11.12.1996

Иван Бунин

Он испытал и славу и забвенье
на родине и средь парижских кущ.
Его стихи пронзил вечерний луч,
оставив след прекрасного мгновенья.

Животворяще строк прикосновенье:
вода журчит иль это майский хрущ?
В них слог – прозрачен, лёгок, всемогущ,
есть свежесть сада, ветра дуновенье.

Чем холодней, тем звонче речь ручья.
Под яблоней рассыпана мульча.
Штамб старый. Мрак. Червяк листочек точит.

Но мне милее – хляби маета,
плач чаек, качка, ночи чернота
и зарожденье звёздных многоточий.
30.01.1997

Максимилиан Волошин

Нет горше на земле трепещущей полыни,
когда её сечёт сухой колючий ветр,
когда скала, рождённая из тёмных недр,
закрыть не может пасть разъятую пустыни.

Гнетёт жар исполина – тонкую тростину.
Чуть дрогнет светлый мир, к нему взметнётся мэтр
(к живому он всегда открытым сердцем щедр)
принять всё на себя – за вечные святыни.

Но помнят о тебе, о пленник Персефоны,
гекзаметры валов, божественные звоны,
кипящий берег, кряж, глухие голоса.

Летит твоя ладья на белый выплеск пены,
уверовав в предначертание вербены,
бесстрашно времени расправив паруса.
04.02.1996

Александр Грин

С тобою я, счастливый пилигрим!
Мечту на реи выброшу живую
и вдаль рванусь сквозь тучу грозовую,
чья молния – письмо твоё, о Грин.

Вонючий трюм, команда – дикари,
пропились все, и в морось чумовую
на бочку взобрались пороховую…
Осталось им желанное «умри!»

На клотике звезда зажглась. Ори!
Услышит кто? А волны-бунтари
ревут, не зная отдыха и плена.

Встань, Капитан, на берегу зари,
открой сундук, волшебные лари:
как воздух чист! нет плесени и тлена.
03.02.1995

Леонид Губанов

В тюрьме сидел, не думал о себе.
В психушках плакал с юностью в обнимку.
Стихами жил, и в шапке-невидимке
с ним на галеры к Музе сослан бес.

Он рад был жить в заброшенной трубе,
в квадрат на 37 всадил бы финку,
да жалко «Грозного». И недоимку
приходиться оплачивать судьбе.

Зол поцелуй холодных губ меча:
видна суровая на нём печать
от КГБ. Но, другари! коснитесь

душой огня, что грудь его порвал,
шаблонов цепь могуче расковал
и петь заставил лёгкую цевницу.
30.09.1997

Вячеслав Иванов

Борением хотел бы превозмочь
земную тяжесть на дороге торной,
раскрыть слова в породе непокорной,
в молчащей клинописи – день и ночь.

По звёздам жизнь сверяя, обволочь
пытался тайной – дух высокогорный
и Дионисия характер вздорный
строкою светоносной истолочь!

Что под крылом несущейся купели?
Вновь мятежи космической метели,

немая плоть отвергнутых потерь?!

В его сонетах, тёплых от зарницы,
спят звуки италийской колесницы
и золотом – отсвечивает ерь.
17.07.1995

Николай Клюев

1

Узнать его на Невском мудрено.
И где она, та самая собака,
что в ноги бросится, однако,
и заскулит протяжно и темно.

Придёшь к нему, сказать бы да смешно, –
полати, мох, иконы, свечи… «На-ка
ломоть ржаного… Не крутись, ломака,
оставишь верно скатерти пятно.

Уважь, присядь». Расскажет о далёком,
где облака похожи на молоки,
где шубу сроду не снимает зверь.

А в русских печках спрятались поэмы…
Кто и когда – вот таинство дилеммы! –
найдёт их средь утерянных потерь?
18.03.1996

2

Не всем рубаху чёрную носить,
чесать затылок гребнем редкозубым
и. выпятив промасленные губы,
под дурачка на улице косить.

До дыр – на крыльцах – есть кому сносить
льняную ткань. И выскажусь я грубо:
гудят уже серебряные трубы,
чекист кожанкой новою форсит.

Поэт, объятый силой ураганной,
под пристальным вниманием нагана,
навечно сгинет средь снегов и льда.

Под Томском где-то, в чёрном чемодане,
растут стихи – сибирские баданы,
им светит ярко Севера звезда.
02.02.1997

Владимир Набоков

Турнир ведёт внимательно судья.
А кони белых зря не точат лясы,
в любую дырку сунутся мордасы:
им по душе манёвры, толчея!

Полна напором бешеным ладья,
умеющая делать выкрутасы
на поле шахматном. Боеприпасы
у всех истощены. Итог: ничья?

Изменит ход лукавая усмешка –
игрок уверенно бросает пешку
ферзю под ноги, словно сала шмат.

Своим слоном давление усилив,
он скоро, хода в два иль три от силы,
поставит королю зеркальный мат.
18.07.1996

Циприан Норвид

Кто плачет над стихией Циприана?
Понять её неведомо и мне,
и в изнурённом от потуг уме
не нахожу желания нирваны.

Страсть к женщине – безумная гитана,
когда она, танцуя при луне,
вдруг замолкает в жуткой тишине,
услышав зов, летящий из гортани.

Бежать! – куда-нибудь, за океан,

отбросить всё и загасить вулкан
в своей душе, мятущейся и нищей!

И, умирая, освятить приют
молчаньем губ, которым не дают
и корки хлеба на чужом огнище.
01.03.1997

Борис Поплавский

Не плачьте о том, что уходит от нас без возврата,
Из рая назад в его тело душа не придёт:
и горцу не дорог, ни сердцу степного арата –
безмолвный стервятник, что тени на землю кладёт.

Эвтерпа мне шепчет: с тех пор бесконечно я рада,
что нить золотую Морелла другая прядёт,
что вечный скиталец, живя под дыханием ада,
не спит и парижскую ноту в потёмках ведёт.

О чём эти звуки, проникшие в странные дали,
где холодно небу, где тайно во тьме бормотали
поэты и ангел – в «измятом костюме весны»?

Ночного Орфея пусть спросят летейские лица:
нашла ли родное гнездо белокрылая птица,
приходит ли русское небо в тревожные сны?
20.02.1997

Александр Пушкин

1

Бессмертно солнце! И душа нетленна
и в новом слове выразится век.
Служением известен человек,
его любовь к Отечеству священна.

Часы, минуты – лирой вдохновенны.
Пером чудесным он героев вверг

в великий продолжительный забег,
и дни и ночи этим дерзновенны.

Жуан и Всадник, Ларина и Ленский –
кипенье страсти, взгляд лукавый, светский.
Для всех – целитель, язва, друг, пророк!

Страницу в книге жизни открывая,
воспримет духом поросль молодая
неодолимость правды светлых строк.
07.05.1998

2

Дымится всё – тот пистолет в снегах.
Лес нем от совершённого злодейства,
но речка там, свидетельница действа,
хранить слова намерена века.

Строг окоём формальностью лекал,
ему нет дел до франтов и семейства.
Томимо памятью адмиралтейство:
след пороха идёт издалека.

Ещё – проспектом скачут дундуки,
ещё – скользят полозья близь реки,
снежок скрипит… Но жизнь судьбой ведома.

Исход узнает вскоре Натали.
Её печаль ничем не утолить,
как и печаль божественного дома.
09.03.1998

3

О Муза, ты сдержаться не могла,
когда в салонах злобствовали сплетни,
когда от звёзд глаза красавиц слепли
и шёпот шёл по царственным углам.

Остра адмиралтейская игла,
и жалят тех завистливые слепни,
кто мир воспел, кто в скорбный час, последний,

измену, ложь и подлость отвергал.

Но навсегда с Россиею остались
высокий слог, избранница – Наталья,
свободы зов, «Зелёной лампы» свет.

Есть, есть пророк в краю моём родимом!
И сердце углем жжёт неизгладимо
его любви немеркнущий завет.
07.04.1998

Артюр Рембо.

В палящем зное, без глотка воды,
идёт упрямо к цели цепь верблюдов,
среди горбов болтается ублюдок –
глаза что ночь да каменный кадык.

Вдали ему виднеются склады,
тюки для барж, слоновой кости груды …
Писать песком здесь просятся этюды
и раем пахнут спелые плоды.

В уме кипящем зреют планы действий.
Тому способствуют пустыни вести:
уж спрос растёт! Не подвела б нога!

Шагать Рембо два месяца осталось …
А жизнь, как персик, пополам распалась,
и давит дольку чёрная рука.
05.02.1995

Николай Рубцов

Растут его зелёные цветы
на Вологодчине, в Москве, в Сибири,
где вечер – в охре, полон тайн эфира,
где ткутся на руках ещё холсты.

Под сосен шум наводятся мосты,
меняются отжившие кумиры,
а люди жнут, залатывают дыры

и современные поют хиты.

Цветы печально могут говорить
и светлым чувством душу – озарить,
как флотскую, сиротскую, шальную,

что настрадалась, рано отошла,
России в дар навечно отнесла
строку простую, добрую, родную.
09.08.1995

Игорь Северянин

1

Испив сирени буйствующей пунш,
остатки выплеснув на дно канавы,
он, не боясь иронии отравы,
бросал себя под лироструйный душ.

Любовь играла вымученно туш.
И умирала публика от «браво»,
когда поэзой он лечил от славы
седых юнцов, молоденьких кликуш.

И, зная, что не пишут не любя,
от сердца пел на побережье Суды,
и навсегда остался неподсуден,
читая веку, собственно, себя.

Но никогда фиалка не завянет
в твоём венке, о Игорь Северянин!
27.10.1995

2

Нашёл не то, о чём мечтал всю жизнь,
перебирая рифмы в ритурнели.
Его дизель, пристроясь на панели,
тянула длань под горькие гроши.

Приемля только в сердце мятежи,
она цвела на бархате фланели,

но, удержав секрет полишинеля,
могла сирень культурно обслужить.

Припудрено известно всё о нём:
ландо, поэзы, грёзы под вино,
иронией пронзённые напевы.

И на его – идти б колокола,
поверив в золотые купола
и в то, что он среди поэтов первый.
21.01.1996

Владислав Ходасевич

Когда растянет слякотью дороги,
отяжелеет влагою песок,
перечеркнёт он лист наискосок
и загрустит, измотанный тревогой.

В колючем слоге – где же вы, эклоги? –
таится голос – правдою высок.
Литературы нищенский кусок
ему пайковой слаще был подмоги.

Напоен воздух южным ароматом,
строкой державной, лестью наркомата,
но не подкупна пишущая сталь.

За двадцать лет труда и унижений,
за годы мук, ошибок, поражений
чужой не стала мартовская таль.
09.02.1997

Вадим Шершеневич.

Когда устанут шоркать ноги тротуар
и заведёт в тупик негаданный дорога,
я оторвусь на день от милого порога,
куплю к тебе билет на жалкий гонорар.

И вот она, та степь, роскошный будуар,
излейся строчками в лист чабреца и дрока!
Под утро шершень чувств споёт и мне немного,
открыв по ритму сердца свой репертуар.

Спасибо за приют, любезнейший Алтай!
Остался денди здесь в истоме вечной тени
расходовать тоску, вести свой курултай!

Развеяв над собой слов вымученных чад,
юнцом паду на мхом поросшие ступени –
в слезах свою мечту лелеять и качать.
24.08.1997

Марина Цветаева

Что может быть привычнее, когда,
впиваясь в ночь витийствующим взглядом,
поэт отправится бродить по Праге –
теченье Влтавы рифмою питать?

Сравнить ли с чем – в издёрганных годах
минуту вдохновенную, как радость,
и крепость юга в зёрнах виноградин,
в ревущих строчках рану-благодать?

Осилить духом тяжкие бега
дано в судьбе, а впереди – века!
Пусть плачет август, чёрная страница.

Умножив свет, дарующий добро,
она – своё железное перо
тебе вернула, русская землица.
07.11.1998

Из сборника «Околок жизни», 2013 год

1. Из цикла «Моё гнездо»

***

Стихи придут к тебе
нежданно,
как телеграмма,
зычный свист,

и ты от них
какой-то странный,
готовый бросить
в белый лист –

полоску озера косую,
из тонких жёрдочек мосток,
костянку – ягоду лесную,
да звёзд безудержный поток,
да крыльев плеск родной синицы,
золотоствольный
тёплый бор,

околок жизни,
что мне снится
с далёких зорь,
с безвестных пор…

***

Моё гнездо – в равнине плоской,
среди приземистых холмов,

где колкам чужды пышность, роскошь,
где сёла – несколько домов.

На солонцы, на гривы в чёрном
весенний гром прольёт слезу,
тогда – и в камышах озёрных
ондатр откроет свой Сузун.

В прогалинах махалок – тыщи,
как воинов былых времён,
а может, в них-то хана ищут
по теням выцветших знамён?

Дым пушек видится в долине…
Или то – выдохнула тьма
до окоёма облак длинный,
седой предутренний туман?

А над заброшенным гнездовьем,
над прошлогоднею мечтой,
летят грачи, как песни вдовьи
о жизни прошлой, золотой.

Они летят над свежей пашней,
что плугом поднята вчера,
о чём молчат, сейчас неважно,
пусть рвут их пёрышки ветра.

Всего дороже мне гнездовье,
где тихо пикает душа,
да ветка тёплая с любовью
растит, качая, голышат.

***

Нам всем пора лечиться первым снегом,

не солью, не песочком, не свинцом,
а бесконечной ширью – синей негой,
над головой светящейся венцом.
И как бы мы не зарывались в землю
и не боялись грозного меча,
я никогда для друга не приемлю
сухую ложь от доброго врача.
Пусть лучше новь отточенною сталью
последних дней – отрубит белый свет,
но будем жить сиреневою далью
и знать, что Обь струится много лет.
Нам никуда не деться от мороза,
от крепкого настоя Кулунды.
А слово есть, его душа елозит
и вымывает из пустой руды.
Оно растёт под тёплою грибницей,
на выселках, где лебединый пух,
сминает тьмы жестокие границы
и утверждает россов дерзкий дух.
Но если вылечусь я первым снегом,
а сердце разом вырубят свинцом,
то знайте: бродит русский alter ego
по лунным волнам с каменным лицом.

2. Пушкинские эпиграфы

1

По звонким скважинам пустого тростника…
«Муза»

Смастери свистульку мне на память,
вырежи из ветки молодой,
тальниковой, пахнущей грибами,
дягилем, осокой и водой.

Чтобы звуки плавали степные
по безбрежной зелени земли,
чтоб клубились запахи смурные,
утопали в лягах и росли.

Пусть особо выльются наружу
из моей обветренной души
кольца дыма сладкого из ружей,
отгремевших в струях камышин.

И чтоб ветер по-над Обью плакал,
зверь лечился доброй тишиной,
я хочу, чтоб степь звенела злаком,
шмель гудел натянутой струной…

Смастери свистульку мне на память,
из талины вырежи весной,
выйду я из колка, как из бани,
с дудкой изумрудною, резной.

2

Отдайте мне метель и вьюгу

И зимний долгий мрак ночей.
«Весна, весна, пора любви…»

Пора в бега! Рога оленьи
поднять готовы серый день!
Снегами вспороты колени,
мечта – увидеть свою тень.

Пурга, открытая страница,
чистовиком летит в глаза…
В ней белой бабочкою мнится
резвушка рифма-егоза.

Под свист закрученного ветра
ездок уверенно ведёт
сквозь падеру и километры
хорея сдержанный полёт.

Как вдохновенное начало,
Звезда Полярная – горит,
хотя ни разу не встречала
на льду танцующих харит.

Лишь только севера кочевник
торит упорно путь в снегах
да Гончих Псов скрипит ошейник
в тех удивительных бегах.

Приди, как дальняя звезда…
«Заклинание»

Свети в пути,
морозная звезда,
оставь,
не упрекай меня
в бесснежье.
Ты всемогуща,
знаешь что отдать
на этом, белом,
или том прибрежье.

Ты не любима.
Новое тая,
вдруг высветишься
необычной гранью:
увидеть светлое на чёрном,
как тала –
поникнуть долу,
выстелиться ланью.

Тепла нет от тебя.
Его не жду.
Но благодарен
свету глаз ионных,
не променяю я свою звезду
на тысячу других
в эфире звонном.

Не потому,
что ярче и теплей
другие есть,
а то, что ты снежинкой –
летишь ко мне, в объятие полей
и осыпаешь
серебром вершинки.

К подножию ль стены далёкого Китая…
«Поедем, я готов…»

Растворись навсегда –
среди песен осенних,
подошедших с дождями
весёлых ветров,
среди шёпота листьев
и гула селений,
среди доброго баса
глухих вечеров.

То вон дятел ударит
многоточьем в берёзу,
чей-то хрустнет
под тяжестью дня позвонок,
то в околке,
почуяв лисицы угрозу,
испугается дó смерти зайчик-пенёк.

Может быть, в этом плаче,
надрывном, последнем,
нужен голос и мой,
еле слышный в бору,
чтобы всласть насвистеться
дудой однолетней
и прибиться листочком
к чужому двору?

Чтобы также влететь
в этот хор незаметно,
как жулану в декабрь! –
захотелось и всё,
чтобы жить
бесконечно, беззлобно, безбедно,
как живёт на руках моих
строчка Басё…

5

Надо мной в лазури ясной
Светит звёздочка одна…
«Незавершенное…»

Полюблю
осеннюю остуду,
хруст стекла под пяткою своей.
Разобью
на озере посуду –
тысячи тарелок серых дней.

Это ли не счастье:
пить истому –
уходящей осени вино,
поклониться
берегу родному
и подумать о судьбе иной.

Может статься –
не видать Парижа,
Рио-де-Жанейро – не по мне,
вот Чаны да гривы как-то ближе,
еле видный колочек – во тьме,

тёплая дорога в чёрной ночи,
мерный бег усталых лошадей
да в заре далёкой –
рыси очи,
звёздочка весёлая
в бадье.
2006-2007

6

Чего тебе надобно, старче?
«Сказка о рыбаке и рыбке»

Брёл старик в лохмотьях серых,
чуть живёхонький, косой,
с удивительною верой
в свет отеческий, большой.

Не устал в пути качаться
на промокших камышах
и лениво возвращаться
к полустиранным вещам.

Вот дрова, ещё сырые,
надо их потормошить,
вымыть ноженьки Марии,
а Ивану – пим подшить.

У деревни – сбрызнуть крыши,
трубы вычистить, чувал,
пошуметь, чтоб внук услышал
и спокойно ночевал...

Брёл старик
в лохмотьях серых,
чуть живёхонький,
косой,
с удивительною верой
в свет отеческий,
большой…
1994, 2012

3. Цветаевские эпиграфы

Под тёмной тяжестью верблюжьих тел –
Мечтать о Ниле, радоваться луже…
«И вот, навьючив на верблюжий горб…»

1(I)

Подходят осенние дни
и свет застилают порою…
А ты – подними воротник,
гуляй под верблюжьей горою.

Пусть давит она, словно гнёт,
но выстоять в ней – постарайся:
замедлится ворона лёт,
неистовый сломится Тайсон.

И в сырости серых свищей
найди улетевшее лето,
где лес – наводненье клещей,
где солнце – на блюде омлетом.

Порадуйся остову слов,
что листья упали на землю,
что несколько светлых голов
набиты желтеющей зернью.

Что столько воды у тебя,
что не было, помнится, сроду,
что вон – у того воробья
так много сырого народа.

(II)

Шерсть верблюжья разбросана в море,
пахнет спиртом высокая даль.
Вновь замедлилась поступь теорий,
где мешок твой, Иван Калита?

Собирай это золото даром
в мешковину желтеющих нив…
Звон есенинской грустной гитары
я услышал и сердцем поник.

От того ль, что погожее лето
утонуло в осенней траве
или жнив золотых эполеты
оборвёт белокурый Равель?

Только посвист родимой синицы
мне напомнит – живём-то не зря,
и горят бесподобные спицы
в колесе моего октября.

2

О летящие в ночь поезда…
«Вы, идущие мимо меня…»

Вы куда, о летящие в ночь поезда?
Где звезда, о пристанище взглядов?
Затаённого сладкого яда
ждут мои онемевшие за день уста…

Догоняет закат танцовщица Дега,
крутит пыль от луны? чёрных лилий?
Рельсов сталь в жарком дне закалили,
но свинцом параллелей в тумане легла.

Неужели и нас унесут голоса
мимо тёмных берёз, вдоль ограды,
в загустевшие краски заката,
в два последних огня – молодые глаза?

Но тверда неустанно железа узда.
Грозный всадник без устали гонит
то зелёные, синие кони
в бесконечно идущие строем стада.

Так и жизнь пролетит, отгремев, отзвенев…
И стою на перроне пустынном,
и мерещится сумрак-суглинок
в многозвёздном холодном игристом вине.

3

Я себя схоронила в небе…
«Свидание»

Позабудь обо мне и поплачь.
Легче будет тебе, может – мне.
Время встреч – одинокий палач,
отрубил мою голову снег.

Как безжалостен холода лёд,
синь-остуда пронзила насквозь:
изнутри к свету тянется крот,
подрывая железную ось.

Где-то там, наверху, ты живёшь,
захоронена пледом беды…
Потому-то и медленно пьёшь
окоём легковесной воды.

Не забудь, одинокий палач,
семимильные наши шаги…
Снег идёт – пожелайте удач
тем, которые стали враги.

4

А в единственном окне –
Снег, снег, снег.
«Я бы хотела жить с Вами…»

Первый снег упал на землю,
закружилась голова…
Неужели не приемлю
эти белые слова?
Вот они лежат и дышат
робко как-то и чуть-чуть
и, возможно, мне напишут
письмецо. И получу –
белый свет в окне открытом,
в белой рамке – белый дом,

белым облаком обвитым
я – со свежим молоком.
А в окне – лицо любимой,
смех немой, но обложной…
Мы с тобой два нежных мима
с неожиданной весной.

5

Пространство, пространство,
Ты нынче – глухая стена.
«Заочность»

Остановиться – не дано,
хотя –
дано одно окно,
в котором
высажено дно
ударом солнца.
Заодно
в нём скрылись
глупые мечты,
что был и я там –
молодым.

Свистит могучее ничто –
о злободневном
и о том,
что нет возврата
в день былой,
что поднят пласт
земли парной,

о тайне горьких слёз ночных,
о вечных «а»
и кратких «хны»,
о гранях жизни
с двух сторон,
где неба звон
и тверди стон.
2008

4. Из цикла «Над солонцами Барабы»

***

Отпусти меня
по́ миру,
по́ миру,
я мечтаю ходить лодкой
по́ морю,

по родным камышам
да по заводям,
чтоб набраться ума
мне бы загодя,

на Черемушкин плыть –
до Медвежьего,
посудачить с карасиком
вежливо.

Не держи взаперти.
Я – без гонора,
далеко не прошусь,
не до Одера,

а к малькам-островкам
да тростиночкам,
где листочки у них,
что косыночки,

где трубят выпи
жалобно
вечером,
людям

вроде уже
делать нечего.

***

Памяти Н.М. Рубцова

Высохла лодчонка
да рассыпалась,
вновь её, попробуй, собери…
Клюквенкою спелой
слово выдалось,
закатилось под ковёр зари.

И алеет
от того-то
утречком
камушек в Катуни золотой…
Добрый Филя
бродит молча с удочкой,
рядом с ним шагает козодой…

***

Ветрено.
День не задался.
Хмурые тучи бредут.
Я же вконец замотался,
жив,
но в каком-то бреду.

Давит на душу и небо,
радости мало вдали.
Слово бы доброго мне бы,
ласки от тёплых талин.

Где ты,
весёлая лодка,
лодка-долблёнка моя?

Немо, отчаянно, ходко
ты уплыла за ноябрь.

Там –
остывают дороги
лета, весны и любви,

там
без тебя, недотрога,
стынет теченье Оби.

Ветер
сырые поводья
хлещет по серым холмам…

Вечер
порядок наводит,
на ночь закрылись дома.

***

Посинели в холоде берёзки,
таловые съёжились кусты.
Февраля остались ополоски:
выплеснул их кто-то на пустырь.
Умоталась, видно, непогода.
Подождём рассвета и тогда –
крыльями воспрянем… А покуда
греются, качаясь, провода.
Узнаю – родимую – по кочкам,
суховей свистит из-под ноги…
Хорошо до колочка пешочком
лёгкие отмеривать шаги...

***

Май развесил сладко уши,
оживает лес,
на пеньке лохмотья сушит
полуночник-бес.

В тальнике свистит пичужка,
ублажая лог.
Озерцо ещё в ночнушке,
розовеет бок.

Осторожно тёплый ветер
разбудил село.
Трактор важно тянет грейдер,
бороздит крыло.

Замесилось утро круто
на живой воде,
видно кудри Переплута
в голубой фате.

Мне клубок размотай

1

Улыбнись – на дорогу,
на погибель мою.
Мало видишь ты проку
в неизвестном краю.

Я собрался солидно,
хлеб в платок завязал,
и, чтоб не было видно
слёз, потупясь, сказал:

свою грусть не солила б,
не скудела б душа,
всем с другими делилась
и была хороша.

Чтоб моя тополина
хуже всех не росла,
посмотри за калиной,
что горька не со зла.

Улыбнись на дорогу,
руку плавно подай,
не надолго, ей-богу,
мне клубок размотай…

А куда? – и не знаю,
рвусь, рубаха трещит,
может, в горы Алтая
или в новый ощип.

2

Хорошо в степи идти,
видно все дороги,
молоти да молоти,
дай бог только ноги.

По звериному стежку
тянешь, что есть мочи,
прямо целишься к стожку,
а придёшь – к полночи.

Не земля гудит в ногах,
а твои заботы.
Свежесть чудная – в логах,
Барабы красоты.

Тальничок стоит, притих,
словно зайчик, дышит,
птицы учат молодых,
как летать повыше.

За прозрачным камышом
серебрятся тёрки:
чебаки все – нагишом,
язь – в цветной обёртке.

Я волне пожму ладонь,
поцелую пташку,
кину кепку в тишь-затон,
вспомню про милашку.

И меня на бережку
пусть найдёт – разутым,
с повиликою в боку,
с запахом мазута.

Упрекнёт, уткнётся в грудь,
чуть всплакнёт в платочек…
Ведь вдвоём продолжить путь –
легче, между прочем.

***

Меж каменных дворов, где хилые деревья,
между жестокими ударами двери
живут влюблённые, ломают ночью перья
и вспоминают иногда про алтари.

Великий Северный всесильно тянет воды
и стайки снегирей – мимо потерь и слёз,
а город в полусне складирует, как оды,
составы тёплого угля, озона гроз.

Вокзал как муравейник. Площадь с беляшами.
Бомжи заквасили, и веселее жизнь.
А вечер бродит потихоньку под дрожжами,
и раззевались что-то сладко гаражи.

Бросает наземь огонёк от сигареты
последний луч. Опустошён уже проспект.
Куплю в киоске я бутылку «амаретто»,
пущусь по голым улицам искать эффект.

И где-то за углом советского объекта,
вблизи аптеки, вдруг проявится фонарь,
стихи о незнакомке мне прошепчет некто,
ударит в колокол впервые мой звонарь.

Но в полночи сырой – под общим ли наркозом? –
я буду радоваться каменным дворам...
Под тяжестью росы молчат мои стрекозы,

и грезит ангелами – сонно детвора.

Метро

1

Гул стоит в метро. И в переходах
каждый день купаюсь в полутьме.
Мороком затягивает своды,
лица холодеют в кутерьме.

Надо бы окурки и бумагу
вымести, вчерашнее собрать…
День проходит медленно, по шагу,
ночь накатит словно бы «ура».

Не могу освоиться с уборкой,
как на лифте – вверх и вниз…
И в совке засушенною коркой
светит кем-то брошенная жизнь.

2

При расставанье – улыбнись,
махни рукою.
Не просто двигаются дни,
текут рекою.

В туннеле полотно метро
едва заметно,
его железное нутро

живёт безбедно.

В нём равнодушия полно,
улыбок мало,
нечеловечное оно,
а деньги – налом.

Но ты всегда мне улыбнись,
пойду – спокоен,
ступени вверх,
ступени вниз,
так мир устроен.

***

Всё время – в далёких разъездах,
всё время в дорожной пыли,
но помню: прощанье в подъезде
и как мы по жизни пошли –
по синим горам ли скитаться,
над чьей-то тетрадкой дремать
и детскую душу стараться
хоть чуточку больше понять.

Идти мне к тебе – бесконечно,
но сбиться в пути – не дано.
И эта дорога навечно
останется, видно, одной.

А если придётся расстаться
с тобою, любимая, мне,
то буду я, милые братцы,
мечтать о том радостном дне,
в котором –
в горах ли скитаться,
над чьей-то тетрадкой дремать
и детскую душу стараться
хоть чуточку больше понять…

***

Несёт ученик бережно
ко мне свой дневник
и ждёт от меня решения.

Что ж, решено:
поставлю тебе
оценку

за эти хмурые тучи,
за этот пасмурный день,
за твой унылый рассказ.

***

По желанью сердца,
тяги ли
в первый колок заверну,
поцелую
дудку дягиля
и засохну на корню.

Продуваемый – под ветрами –
всеми бедами
стою
и сухими своими нервами
хлябь земную
вдоволь пью.

И, когда
наступят проводы
слов прощальных –
в проводах,
пусть споют мне
песню оводы
о растраченных
годах.

***

Обновляют церквушки,
соборы,
позолотою светится крест,
и душе укрепляют опоры,

и виднеются дали окрест.

И заезжие частые гости
в благодарность поставят свечу –
то ли памяти старым погостам,
то ли новому шефу-рвачу.

Только –
будут холодные ветры
ещё долго
протяжно свистеть
в колокольнях,
в обугленных недрах
о страдальце Исусе Христе.

***

Во спасение – осенний
тихо льётся свет…
Это, может быть, Есенин
плачет столько лет?..
Немотою напоённый,
землю красит лист –
то ль с берёзы,
то ли с клёна,
но собою чист.
Высоко плывёт по зорьке
чудотворный Спас,
взор внимательный
и зоркий
высветит и нас.
Ничего-то не убудет
лет через полста,
ничего не бойтесь, люди, –
он просил с Креста.
И душа открыта свету,
как берёза дню,
молча слушает советы,
истину одну.
От того, наверно, мнится
миллионы лет
в тёплом взгляде

серой птицы –
тихий мирный свет…

***

Надежду питает далёкая синь.
И день – не такой ещё хмурый.
Я, твой заблудившийся в осени сын,
по листьям шагаю понуро.

Глубокие, верится, дни впереди.
Их много, наверно, у Бога.
Кто может от стужи меня оградить,
кто выстелет к дому дорогу?

Метёт монотонно уборщик метлой,
тепло загоняя к носилкам…
На них-то раскинется осень светло,
сложив как попало пожитки.

Лишь только приветит тогда нас тепло
в цветастом наряде природном,
когда отгрустит, отволнуется плоть,
как Господу будет угодно.

***

В долине замерли столбы:
подслушивают вечно,
как жизнь идёт,
кто поднял пыль
и что за быстротечность.

По проводам бегут ручьи
забот, желаний, судеб,
и кто уроки не учил,
и что сказали судьи…
Один прощается с другим,
а кто-то плачет тихо –
давно расстался с дорогим,
и неизвестен выход.
Мечты, признанья, страсть кипит,
душа клянётся – верить.
Купец пытается купить
дешевле русский херес.
И только равнодушна сталь
к любому стону горя.
Ан – от креста и до креста
стопа по плоскогорью.

***

Уберите с востока
дождливую тёмную тучу:
она застит рассвет,
мою душу всю ночь холодит.
Отведите её
и столкните скорее под кручу,
пусть на севере, юге
прольются большие дожди.

Не могу я один.
Помогите за Ковш зацепиться,
закрепиться и волю
под утро усилить мою!
В этой сини густой
мне бы снова в рубашке родиться,
камышинкой взойти в безымянном озёрном краю…

Полнолуние

1

Типчак под копытом чужого коня
стонал, солонцом покрываясь,
а ветер неистово хмарь разгонял

и гнал до окраин Курая.
Блистала от жира номада щека
и губы сухие шептали
молитву Луне, и Чингиса река
плескалась в душе и витала.
В походах военных монгол не остыл,
темна по Сибири дорога,
лишь степь Барабы да в болотах кусты
напомнят батыру о многом:
о дали великой, потерянном сне,
о звёздах червонною ночью,
о сочной и сладкой траве по весне,
о снеге, как стае сорочьей…
Летит, как стрела, одинокий тумен,
рвут землю чужие копыта,
и нукер не требует воли взамен:
он предан кагану, испытан.

2

Где рёв раздавался байкальской волны,
где лисьи треухи горели,
вздымалось раскосое око Луны
и жадно глазело на ели.
В темнеющих окнах светилась звезда,
медвяным отливом играя,
в нём русая девка, на цыпки привстав,
тянулась к заре, замирая.
Как ночь, надвигалась в округу орда.
И, красное солнце упрятав,
плеснулась к порогу внезапно беда,
на чёрные доски полатей.
Рванула рука змеевидную плеть…
И степь отшатнулась к обрывам,
не видеть чтоб злобно растущую сеть
в зрачках одичалых, игривых.
Слезою давясь, вновь завоет родня,
и стянутся люди на зовы…
Предутренний холод под всхрапы коня
откроет ночные засовы.
Но правую силу питает роса,
околок, и степь, и отава,
и солнцу поможет зарянка-краса
и тёмную нечисть подавит.

3

Ночь притягательна, колдунья.
Разлито олово вокруг.
Казан кипит, и шапка кунья
топорщится, как чёрный туг.
В одно мгновенье тьма готова
безмерной тучей степь накрыть,
и горький вкус, чужой, пихтовый,
степняк во сне боготворит.
Клубится пыль вблизи курганов,
свинцом блеснёт ворон крыло,
плывёт – безумье – ураганом
на разорённое село.
Земля гудит от свиста, гика,
качнётся мир уже больной,
не видя радостного лика

под равнодушною луной.
Лишь на востоке брезжит. Синька
светлеет, поднимая дух.
Проснётся скот, сверкнёт росинка,
и гребень вскинет вверх петух.

4

Карасук –
чёрная река, старуха, медленно несущая мешки все в дырах – облака и нечто странное, грядущее. Недвижно, строго полотно, не выдаёт проклятий прошлого. Кровь запеклась: чернеет дно, нет крика женского, истошного. Вдали стога, ворон орда, кочкарник, колки, хмарь осенняя… В ложбине греется вода, на гриве рожь к зиме посеяна. Река не сдержится, всплакнёт, ей не уйти в сторонку южную, себя уютней запахнёт в полу зелёную, корёжную…

***

Я умру на рассвете…
А. Прасолов

Я помру на закате.
Может, будет больней
по дороге покатой
уходить при луне.

Вместе с днём успокоюсь,
мирно в ночь уходя,
поклонюсь людям в пояс
камышинкою я,

тихой белой берёзе
и осинке родной…
Мне с талиной терёзвой –
выпить бы по одной.

Постоять у озёрка,
бросить камень в него,
но вечернюю зорьку
целовать не неволь.

Пусть последний мой выдох –
словно тучка вон та,
что, желанное выдав,
будет светлой и там.

***

Чибис над лодкою вьётся,
никнет камыш под кормой.
Озеро – тонкое блюдце
с тёмно-зелёной каймой.

Выпьет ли кто эту воду,
блюдце на пальцы возьмёт?
Плещется небо свободой,
облако пьёт его, пьёт…

5. Из алтайской тетради. Памяти В.М.Шукшина

1
Воскресенье, идём на Пикет!
С каждым шагом – подъём тяжелее.
Сеет дождь, и лесок в молоке,
но дорога – белеет, светлеет.

Я тянусь за друзьями туда,
где легко сбросить горести в реку.
И течёт с поднебесья вода,
и дышать хорошо человеку.

Где-то здесь он сидел в тишине,
расправляя могучие крылья…
Кто бы знал, что Господь в Шукшине
боль вселенскую на люди выльет.
2001

2
Осилю горочку крутую
и – обниму весь белый свет,

пойму здесь истину простую,
которой чище, горше нет:
всё положить за синь родную,
за землю русскую – сполна
и выбрать песню молодую,
уйти туда, где жизнь вольна –
на поиск Правды, слов ядрёных,
на поиск верности, добра,
уйти с Катунью разъярённой
к свинцовым ветрам октября.
И знать всегда,
покуда совесть
свербит мне сердце –
вечны дни,
всё длится сельской жизни повесть,
неиссякаем гор родник.
2001
3
Гора Бекет, гора Манак,
Катунь посередине.
Со мною рядом друг-кунак

в пальтишке из ватина.
Чужой души здесь не бывать,
родные мы издревле,
кукушке долго куковать,
пусть Бабурган не дремлет.
На страже духа век стоят
и горы, и туманы,
они в себе любовь таят,
как сок земли баданы.
И, чтобы родина жила,
стоять нам друг за друга!
Кто из Москвы, кто из села,
мы все – собрались кругом.
Гора Бекет, гора Манак,
Катунь посередине,
и с ними добрый в жизни знак –
шукшинские картины.
2001

4
Ничего не боялся,
жил всегда для души,
никому ведь не клялся,
шёл из дальней глуши.

Там, взаправду, так тихо,
что услышишь порой,
как поёт облепиха
по-над синей горой.
Если кто и разбудит
моську рыжую вдруг,
то – по улочкам бродит
неприкаянный друг.
Он идёт, бесконвойный,
и дивится заре,
песне новой, прикольной,
у костров дикарей.
Нараспашку рубаха
и круты желваки,
и зелёная птаха
не слетает с руки.
1991

5
Хочу воедино связать рукава,
в куртинах таловых мальки-острова,

до первого света туманы собрать,
порадовать лето, подсолнухов рать.

В студёные воды войти, онеметь,
здесь камешки сводят железо и медь.

Подняться к вершине пологой горы,
измерить аршином себя изнутри

и складную басню рассказывать вслух,
где небушко ясно, где родины дух.
2001

6
Отцвела калина по тебе весной.
Галечник да глина за кривой сосной.

Холодна водица у реки Катунь,
обжигает лица горный колотун.

Вызревает в гроздях новый ясный день,

над селеньем Сростки бродит чья-то тень.

И темнеет синька высоко в горах…
Мне б синицей тенькать на семи верстах,

раз бы мне напиться жадно из ведра,
вдоволь нагрузиться горького добра.
2001

7
Идёт с горы Пикет в простой рубахе парень,
несёт в руках букет из васильков и мари
гостям и землякам, родимой облепихе,
что светит далеко – полям овса, гречихи.

Он в праздник, раз в году, приветит всех на свете,
и с ним всегда – Катунь, Алтая тёплый ветер.
Сюда идёт народ подумать о бессмертье,
найти душе оплот в житейской круговерти.

И пусть у школы в ряд цветут извечно флоксы,

поведать каждый рад судьбе звонкоголосой –

о яростных годах и незабытых зорях,
о радости труда и Чёрной речки горя.
1992

8

Шукшин вернулся на Пикет:
подумать
о деревне милой,
как жить среди огня ракет,
не затянуло б
совесть илом.

Подумать
о тебе и мне,
как быть
простому человеку,
коль не становимся умней
для термоядерного века.

И,
душу мыслями свербя,
забыв о сапогах, мундире,
он, видимо,
вобрал в себя
всю черноту
больного мира.
2005

9

Шумит Катунь…
Неудержимо
её движение вперёд…
Клокочет в струях его имя
и вечность
камень мерно трёт.

В разливах –
удаль молодая,
в водоворотах – буйство сил,
дрожит прожилка золотая
на тонкой солнечной оси.

И, надрываясь на порогах,
летя в неведомую даль,
Катунь раскручивает сроки,
как бы у времени спираль.

Ещё дела, ещё заботы
и трудный день – спасибо дню,
ещё несметная работа
расставит жадно западню.

Там бьётся жизни кинолента,
звенит калины спелой гроздь,
а на плечах – наказов центнер
лежит… Его – попробуй сбрось!..

Но в шуме вечном,

неустанном,
я берегу в своей судьбе
Алтайский край, Пикет, баданы
и стоны диких голубей.
2004

6. Из цикла «Длинные гудки»

***

Снегами лет не остуди меня.
Жива трава под ледяною коркой,
и я надеюсь жить с полынью горькой
и родину на мелочь не менять.
Растаю вдруг – тогда-то напеняй
или тому способствуй, чтобы порка
была бы впрок: сопел бы в дудку-норку
и не мечтал о первых зеленя.
В сухом снегу всё будет по науке:
одним лежать, испытывая муки,
и ждать, когда поднимется звезда.
Другим, певица-симпатяга, вьюга

свою предложит временно услугу:
зажечь огнём замёрзшие уста.

***

За то, что снишься в сумраке ночном
и не уходишь сонно в подсознанье,
за то, что живо робкое признанье
в железном веке, сорном, сволочном,
за то, что снова небосвод качнём
и выйдем друг за друга для закланья,
за то, что нам назначено изгнанье –
грех искупить в растворе щёлочном,
тебя оставить не могу одну!
В плену желанном радостно согнусь
от горьких слов, испытанного братства,
но сохраню – до смертного венца –
спокойный свет открытого лица,
навек тобою созданное рабство.

***

Если дождь начнётся и зарядит –
сутки, двое лить не уставая,
кто со мною что-нибудь поладит,
коль душа тихонько убывает?
Кто по капле вытянет наружу
горькие слова мои – признанья?
Только я не выдержу, обрушу
наземь утром вспыхнувшие зданья.

Я их строил для твоей погоды
чёрной ночью, отдыха не зная,
из деревьев – редкостной породы,
листьев тёплых изумрудной стаи.

Если дождь начнётся и зарядит

на неделю, месяцы и годы,
кто поправит золотые пряди,
остановит льющиеся воды?
И, ступая по холодным струям,
унося по ним тоску и волю,
я хотел быть облаком построен
и не знать, к чему себя неволить.

***

Растут из сердца странные цветы,
невинно тянутся к другому солнцу,
спешат со мной к открытому оконцу –
увидеть свет, и в нём твои черты.
Они в мои напросятся мечты,
распустятся на стебли-волоконца,
взгрустнут о том, что спрятались на донце
ростки любви и корни доброты.
А жизнь-садовник примется за дело,
терзать ветрами худенькое тело.
Цветы, однако, рвутся к высоте!
И, позабыв больничные палаты,
они улыбке, силе божьей, рады,
цветут, не удивляйтесь! – в темноте.

***

В колодец тёмного молчанья
душою робко загляну,
увижу в сумраке печальном
свою великую вину.

Она закована ночами,
обидой крепкой и слезой,
большими звёздами-очами,
густою русою косой.

Быть может, ласковое слово
напомнит мне сквозь холод лет,
как хорошо быть верным зову,
нести другому тёплый свет.

***

А в глазах – непонятно откуда? –
отсвет жжёной травы,
несказанность осенних этюдов
или охра халвы?

Иль манящая тёмная пропасть
марсианских глубин,
или ветром истёртая лопасть
у тебя, мой люпин?

Может, тёплая корочка кедра
на тропинке моей –
взгляд издревле тоскующей Федры
в краткой строчке твоей?

***

Надень своё лучшее платье
и медленно мимо пройди…
Глаза, как манящие пади,
пускай не угаснут в пути.

Ты вся как пшеничное поле,
где дышит вселенная всласть,
где дикую чувствую волю
и космоса чёрную пасть.

И ветер заблудится в бусах,
и мне упоительно ждать,
когда твои волосы русы

падут в луговинную падь,

а платье – сгорит на закате,
а песня – растает вдали,
а ночка в карете укатит
по звёздным дорогам пылить…

***

Мой путь к тебе – сквозь тысячу столетий
по серым дням, по угольям, по льду,
сквозь завязи мирские, путы, сети,
с мечтой, что я когда-нибудь приду.
Не розами усеян он, шипами,
едва заметен в суете сует…

Так ищет слово, шевеля губами,
из люльки выползающий поэт:
ещё одно движение навстречу –
порыв души остановить нельзя! –
в сумятице невнятной русской речи
себя он ищет, к звёздам колеся…

***

Есть прелесть тайная в руке,
когда она берёт за горло
и осторожно, как букет,
сжимает дух высокогорный.

И не торопишься уйти,
запнуться о порог железный.
И думаешь: «Уж не взойти
на пьедестал, мой друг любезный…»

***

Ты откровенна, как убийца,
неумолима – острый нож.
Суха, не дрогнула ресница,
и светит равнодушно брошь.

И на прощанье резко ворон
поднимет чёрное крыло…
Нога на газ. Автобус – Воланд.
И вспоминаешь о былом.

***

Забываешь, что и говорила,
или вне сознания была…
Корни так затягивает илом
некогда цветущая елань.

Это время ускоряет ритмы.
А вот сердцу – некуда бежать:
на остывшем поле после битвы
много лет убитому лежать…

***

Отвергнут мир. Иль нам война роднее
кроваво-чёрных уст, небрежных мыслей ход?
Достань копьё своё, мой милый Дон Кихот –
унять огонь безжалостной Вандеи.
Сражаться. Умереть. Воскреснуть? Не лелея
высокое в себе, уйти в последний лёт
и помнить, что назад никто не позовёт.
Живут же без претензий. Так умнее.
Но нет границы в днях коротких, золотых,
где цель ясна, прямолинейны взгляды,
где время бешено летит и бьёт под дых,

не оставляя срока, чтоб уладить
в себе, быть может, миг сближения с тобой,
подаренный неприхотливою судьбой.

***

Испить до дна бокал вина.
Не задохнись глотком последним!
Отскочит день – окалина,
металл остынет, станет бледным.

Не обижаясь на судьбу,
пройди – что выпало – безмолвно.
И божий гром вернёт рабу
железный цеп из лома молний.

Пленённый раз – забудь в себе
свободный лёт порывов сердца:
и, может быть, тот звон цепей
всего милее, слаще перца.

***

Потеряешь друга, не найдёшь.
Сиротеет на глазах – душа.
Чуть затронешь – откровенный ёж,
стужи непредвидимой ушат.

Маешься, как маятник Фуко,
тычешься об стенку – и назад.
Прикоснуться некому рукой,
успокоить – не найдётся сад.

Что-то выпадает в никуда.
Чёрная, наверное, дыра.
Крутится мучительно радар
в поисках родного алтаря.

***

Случайно, у окна свистящего,
в вагоне спальном, просто так
себя откроешь вдруг для спящего,
а он вздохнёт: «Вот простота…»

Спасибо, выслушал. И легче ведь,
светлее стало на душе…
Как хорошо ей быть доверчивой
среди запутанных вещей.

На стыке дней, на стыке личностей
яснеет сумрак бытия,
и мир чуть-чуть поближе к вечности,
где только «мы», не только «я».

***

И чертополох имеет мёд.
А. Одоевский

С тобою быть – не надо неба,
вечерних звёзд и полевых цветов.
Луна – глупа, ночи прилепа,
и роза непонятна для ветров.

Пройти – и океан, и горы,

жестокое волнение в словах,
коль в сердце крепок белый корень
чертополоха, и любовь права.

***

Прощай, сирень!
Я не вернусь сюда,
где кипень света
помнит нас, возможно,
где объясниться
с нею было сложно:
повелевала острая нуда.

Оставить всё…
Без всякого труда?
Такой мне выпал
вывод непреложный.
И пусть любовь
безумствует истошно,
весна не боль, а вечная зуда.

В душе сирень осыпалась, опала.
И я, когда в годах достигнув перевала,
взгляну назад, на вьюгу лепестков,

узнаю ль твой невысказанный холод,
чудесный цвет, что жалами исколот,
свободы дух – без сладостных оков?

***

Блесной золотою забросишь меня в перекаты,
где окунь, наверное, словом обмолвиться рад,
где светлые струи стирают печальные даты
на жёлтом песочке ценою в сто тысяч карат.

Но будет ли время с тобою беседовать долго?
Утащит судьба нас в пучину забот и тревог.
В сознании тёмном блеснёт исполнение долга,

и поздно в глубинах почувствовать дикий рывок.

***

Я виноват перед тобою,
перед судьбою виноват.
Меня когда-нибудь обуют
свинцовой обувью… Не встать.
Идти? И выпросить прощенье,
не расплескать в груди тебя?
Ты – это лучшее леченье,
непотопляемая пядь.
Подняться вверх на три ступени,
хлебнуть свободы второпях,
оставить в прошлом слёзы, пени –
слова в потёмках докипят.
Дождаться света. Брезжит. Утром
светлее станет на земле.
Любовь придумал кто-то мудро,
разлив обманчиво елей…

***

Здравствуй, ласточка моя, щебетунья,
ласковая милая вещунья.
Ясное солнышко моё, да ладно,
радость долгожданная отрадна.
Видится вокруг – лёгкое свеченье,
сердце приготовилось к вечерне.
Грезится мне сквозь горести, напасти
песенка весёлая о счастье.
Вырастит она, улетит на крыльях.
Выплакаюсь голосом – апреля,
но – дождусь тебя, моя щебетунья,
ласковая милая вещунья.

***

Анне и Ире

Где фиалка, мой цветок?
В. Жуковский

Незаметное,
тайное,
нежное
открывается

в листьях твоих.
Что-то тихое,
доброе,
вешнее
нам с тобою дано
на двоих.
Это розовый след –
не заката ли,
тёмно-синий оттенок –
небес?
Не твоим ли дыханьем
загаданный
цветонос просыпается весь?
Трону пальцем
каёмку зелёную,
брызну
тёплой водою слегка,
и желанье своё
затаённое
понесу, как дитя, на руках.

***

Юлии Рубекиной

1

Лялю с лейкой
я лелею,

по аллее – с нею млею.

Жажду пить из лейки.
«Пей-ка!»
Нить – серебряная змейка.

Брызнем слизням –
будет склизко!
Не упасть бы так же низко!

Лист висит,
земля поёт,
человечество – идёт!

2

Люблю тебя, душа моя, девчонка.
Игрушек полон зал, и ты поёшь,
легонько ангел держит за ручонку,
и свет струится, сам чего-то ждёшь.
Как будто я вернулся за покоем,
за волей, предназначенной судьбой,
зелёный от тоски, убитый горем,
чтоб поиграть до вечности с тобой.
Давай чудить, ловить сердца на взлёте,
за бабочкой лететь куда-нибудь
и воздух пить волшебный, в позолоте,
по облакам отыскивать свой путь.
Давай ценить вот этот ветер резкий,
на сердце непогоду, дождь и снег
и белый мир, божественный отрезок,
нам данный Господом на краткий век.

7. Из цикла «Нить синевы»

***

Октябрь – настойка из рябиновой крови,

студёной водицы свинцовый припой.
Октябрь – и нахмурилось небо Покрова,
и велено властное: дитятко, спой!
Так вот оно, время, пришло, не забылось,
и белые простыни нам постели…
И грустное что-то в груди моей сбилось,
и рвётся наружу: давай, поделись!
Начнём, трубадуры осеннего лета,
кромсай мою душу, пронзительный лист,
отслужим последнюю горькую мессу
и тихо вздохнём: эх, прощай, стрелолист!

***

Клён – большое поле вертолётов малых.
Непогода стонет: осень за штурвалом.

Небо хмурым стало от ветров колючих,
птицам в рваных стаях разве будет лучше?

Только вертолётам не подняться выше:
загрузилось лето и – к земле поближе.

***

Под дождями плачут сиротливо гнёзда,
сожалеют: жар-то выгребен и роздан.

Отряхнули птицы лето с крыльев крепких,
поднялись на небо, вспенив наши реки.

В путь далёкий-дольний выбрана свобода,
и поклон равнине наконец-то отдан.

Ветер рвёт на части молодые груди…
Ни за что на свете не вините, люди.

***

Зорьки вечерней тяга
держит меня губя.

Эх, перейти бы лягу,
выпи о том трубят.

Вылилось небо в росы,
в чистое серебро…
Думают ночью осы:
кто его – соберёт?

Где – мои палестины,
чистой воды ключи?
Утро сырым палантином
ловит солнца лучи.

А на коряге хилой
лесовичок сидит
и шепелявит мило:
«Душу не остуди…»

***

Выйдешь в ночь иногда, слышишь плеск трепещущих крыл,
кто-то вновь высоту – для бессмертья других сотворил.
И – поднимешь глаза – в облака, устало замрёшь,
тихо где-то поют, плачет кто-то и нежится рожь.

Птицы подняты вверх, летят в несказанной дали,
разрывают просторы небес, как полотна Дали.
А заря подняла – подкладку синеющей тьмы,
где по кромке рассвета гуляем голодные мы.

Нить синевы

1

Плесну свою грусть
на угли заката.

Пусть звёзды купаются
в ночном аромате земли.

2

Прошла гроза.
И добрый Бог
отдувается,
дразнит детством.

3

Сверкнут глаза
«итальянки» Брюллова
и скроются –
в листве смородины.

4

Тянется по закату
тонкая нить синевы,
вдену её в ушко ночи
и зашью
изодранную днём
душу.

5

Загадочно кто-то
крикнул в траве:
«Оду, Вань, чик!»

7

Узнаю руку
великого Фидия –
в гранях росы.

***

Мы жить ещё не начинали,
уже пора и умирать.

Кому достанутся те дали,
что не осмыслили вчера?

Не годы прожиты – минуты
потерь, находок у судьбы,
её невидимые путы
готовы с детства для любых.

Но мною видится спасенье
в строке обугленных стихов,
в ненастье, в горечи осенней,
в полночном оре петухов.

Пусть развернётся даль чужая,
как настежь – светлое окно,
и душу, песней очищая,
подъемлет, может, высоко.

И горевать бы нам не надо,
а коль предвидится итог,
знай: широка дорога к аду,
как необъятное ничто.

***

Будет жажда и мне
превратиться в цветок полевой,
воздух рвать на куски
безымянным упругим крылом,
в корневища земли
попытаться уйти с головой,
опрокинув дожди
и мечты о земном, о былом.

Нескончаема – песнь
у планет, белых звёзд круговерть,
в беге бешеных лет
не теряется в терниях твердь.
Так и сердце моё
всё торопится к свету лететь,
и любви не страшна
Аполлона жестокая плеть.
1993

***

…И весь в черёмухе овраг.
В. Набоков

Где овраг тот,
и кипень черёмухи,
и зелёный рассвет в пять часов?
До чего ж тяжелы ночью шорохи
и железный советский засов…

Вот бы выкатить пушечку малую,
к ней за крыльца меня б привязать!
Пусть порвёт душу тёплую, талую,
дым отечества, чья-то слеза…

Испугается выстрела пташечка,
косо глянет на скорый расстрел…
Ниспошлёт кто-нибудь, может, пасочку
мне сквозь полымя солнечных стрел.

***

Есть за что поэту гибнуть,
гнать себя на эшафот,
славить век, и ужин рыбный
получать оплатой в рот.

Полоскать зарёю горло,
пропускать мимо ушей
мерзкий шепот, хохот орлий
государственных мужей.

Слово острое не пряча
в тайниках и в сапогах,
он поднимет к жизни клячу
и умрёт в её ногах.

Не Раскольников – не кайся,
но пошёл – возврата нет.
Кто стихами день украсит,
тот живёт сто тысяч лет.

***

Я к вам травою прорасту…
Г. Шпаликов

Как все, наверное, и я.
Травою прорасту, околком.
Окликнет, может быть, Хайям
читать рубаи без умолку.
…за горизонт гигант упал,
ночное небо пахнет спиртом,
и глаз один – чужой опал –
расплавился на свежих скирдах.
Забрезжит свет траве моей:
ты появилась грустной птицей…
И, разбивая лунный свей,
собью слезу клинком ресницы.
Молчу китайскою стеной,
невидимой в огне заката,
за это – в сумрак ледяной
я буду облаком закатан…
Наверно, так. Когда же я
смогу порвать траву забвенья,
неужто
морда рыжая
меня сжуёт в одно мгновенье?

***

В цветной туман закутаться не прочь
моя душа, бродяжная, простая,
и пусть мечта сегодня в нём растает,
я не боюсь, когда наступит ночь.
Она опять пытается помочь
вернуться к тем листам из белой стаи,
что мне хранят печать высоких таинств.
Сорвать бы их! Ах, до чего охоч!
Зачем туман клубится и тревожит,
торопится печаль мою умножить,
увлечь к тому, кто новый день ведёт?
Пускай край неба золотится светом,
зовёт меня неведомое лето,
душа моя – дорогою растёт.

***

Но не стоит обольщаться, люди,
что когда-то прорастём и мы.
Голова жива ещё на блюде,
жив пока воинственный эмир.

Это потому-то, что по буквам
человек изведал прошлый день
и донёс его по ноутбуку
до любого, любящего тень.

Но под слоем двухметровой глины
ближе и теплее ком земли…
Чёрной речки ток какой-то длинный,
знать его Господь нам не велит.

И не стоит обольщаться, люди,
плотно двери заперты в раю.
Было бы в каком-нибудь приюте
корка хлеба, баюшки-баю…

***

Нисколько не щади себя.
Свою истерзанную душу
тряси, как буря воробья,
за горло схваченную грушу.
Взовьётся лист иль упадёт
на опалённую равнину –
он всё равно себе найдёт
сухую жёлтую перину.
А слово, мучимое днём,
затасканное поздней ночью,
в рутину мыслей обернём
или порвём на злые клочья.
Когда вокруг лавина чувств
и нет исхода ясной речи,
срывает стон с кровавых уст
неугомонный дактиль-кречет.

***

Клин журавлиный отравлен печалью,
новой печатью любви и «прости».
Если не ты, то кому же начать бы,
нет ведь начальства в душе маеты.
Падает память в болото безгласно,
ты моя ласка, белая ласка.
В небе стожары – печечки классные.
Чернеть под кляксой, дёрни за лацкан.
Между тобой и мной клин-то немалый,
вечным обманщиком тянет вперёд.
Сердце за воздух держаться устало,
талое место – где ты и народ.
Острой занозой пронзается небо,
где бы ты ни был, найдётся тебе –
память-отребье и корочка хлеба,
полочка в нише тартара – скрипеть.
Только взлететь бы, подняться над пылью,
Пырьев поможет, ему не впервой,
чтобы себя из пространства не вырвать –
клин журавлиный в тоске мировой.

На переходном мосту станции Инская

Забыты росы, перелески,
рабочий день, Оби раскат.
В душе – Норд-ост,
на сцене – пляски,
где смерть стреляет наугад…

…на остановке –
мне знакомый
махнул рукой, он с виду прост.
А рядом мой работник скромный –
грохочет грозно грузный мост.

Летит стрелою поезд длинный,
Инская дышит тяжело:
ведь кто-то тянет ночью «стингер»,
«иглу» нацеливает зло.

И я –
на улице Узорной –
остерегаюсь воздух пить,
спешу, бегу –
как будто в горы,
чтоб человека там убить.

Но ртом ловя густые струи
в две тысяча
своём году,
под пули белые иду я
и в первом
падаю ряду.

И, наконец-то! окрик резкий
пролётной птицы –
я ей рад.
Закрыт Норд-ост.
И север низко
ведёт снега к нам наугад.

***

Снежинок белое добро
свалил январь на кровлю крыши,
надсадно от натуги дышит,
ко мне – безжалостен, суров.
Гоню на озеро коров,
а прорубь паром тёплым пышет.
Мне мысли нет желанней, выше:
их напоить, загнать под кров.
Пеструха смачно воду тянет,
ведро, второе… и не манит:
щекочет ноздри трав настой.
Молчит. Задумалась о чём-то.
Светило – масляно и жёлто,
бог-повелитель – молодой.

***

В предбаннике – начало колдовское.
Размеренно снимаешь верх и низ.
Здесь некому показывать стриптиз,
и тело удивляется нагое.
В парную, в жар! Взыграет ретивое!
Коньяк, дубовый веничек-сюрприз
из кожи тянет изморось и слизь.
На камнях-то готовить бы жаркое.
Вот жварят! Подставляй свои бока,
лупи, что силы! выскочишь наружу –
и хватанёшь кваску два-три глотка!
Скорее в душ, а лучше бы в снежок,
а лучше в прорубь – утонуть по уши,
и поцелуй мороза как ожог!

***

На базаре веников – навалом.
Свеженькие… Ну-ка – налетай!
Чувствуешь: берёзовым отваром
так и прёт… Жарку ещё поддай!

Кто не любит баньку-то к субботе,
кто не рад ей – надо поискать!
Хороша парная, как работа –
копны поднимать на три рожка.

Только ухо режет слог корявый,
сердце лижут выплески огня:
меньше стало беленьких, кудрявых,
больше их, плакучих, у меня.

***

Кошку
били беспощадно,
на глазах рвалось тряпьё.
Били кошку зверски,
складно
за проступочки её.

Кирпичом
простым, калёным,
кто поленом,
всё с руки,
пахло жареным, палёным…
Только
немощны враги.

Позабыв
на дне канавы
смерть, и страх, и свист бичей,
подползла
к плетню расправы
на своих взглянуть зверей.

Сквозь кровавую завесу
видит добрая душа:
льнёт к берёзоньке
повеса –
злое сердце остужать…

***

То там, то здесь заложены фугасы,
не знаешь, где взовьёшься в высоту,
в себе короткое волнение погасишь,
пройдёшь разбитую мечту.
Но где бы ты ни находил взрывчатку,
растяжку-стяжку в тишине,
ты помни: бросит кто-нибудь перчатку,
и вместе с нею снова на войне –
за всё в ответе: за Любовь и Верку,

за Надьку, что беспамятно живёт…
За то, что служишь будущему веку,
который, может, светом обольёт.

***

Уже Эйнштейн
рекламе служит
при относительности дней,
и телек жадно пиво глушит
и гонит чёртовых коней.

Куда? В какую неизвестность
летят они безумно вдаль,
в какую втаптывают бездну
нас, ожидающих Христа?

Там чувств змеятся параллели,
замкнулись провода любви,
забыты позывные Леля
и море пролито крови.

Тела детей в огонь бросая,
слепец-преступник полон лжи.
И жиром сердце обрастает,
готово Молоху служить.

И это всё, впадая в душу,
торопится её убить,
плодя потомству равнодушье
в прямолинейности судьбы.

Уже Эйнштейн мамоне служит,
Эола порвана струна.
Во чреве горя,
в пасти суши
ты не одна,
моя страна.

***

Юным следопытам

Нет, не закончилась война.
Лежат ещё солдаты…
Где зреет рожь, жива копна –
находят их ребята.
Где пролилась густая кровь
за Родину святую –
идёт по следу юность вновь,
несёт им дань простую.
Страна была на всех одна,
как небо для полёта,
и потому всех знать должна
у ржавого расчёта.
И память вечно будет бить
в набат и звать, покуда
нам горечь-чашу не испить,
не вынести остуду.
Нет, не закончилась война,
ещё лежат солдаты,
ещё мы на похоронах,
и нет последней даты.

***

Чтобы моё поколение было последним
поколением фронтовых поэтов…
Ю. Друнина

Прощайте, фронтовые поэты.
Вы сделали дело честно,
поклон до земли за это,
за то, что другим неизвестно.
За то, что, оставив в слове
след сапога и приклада,
связали другим пуловер
из нитей дождя и ада.
Что вы судьбу разделили
с народом своим огромным,
перо в огне закалили

под Сталинградом и Ровно.
Прощайте, мои поэты…
Не знаю: буду ль уверен,
что это – последнее лето,
последние в нём потери.

***

Как проходят года,
пролетают ветра,
по судьбе оставляя позёмку,
так гремит в сорок пятом
над снегом «ура»,
фронтовая кипит киносъёмка.

Каждый год, каждый шаг
нас в бессмертье зовёт
неразгаданная тайна солдата,
и мечты убиенной высокий полёт,
и победы великая дата.

В мае часто грустны
отголоски зимы,
неустойчива речь непогоды,
и качается во поле
новенький мир
на продрогших от холода всходах.

В том параде ночном,
где ни зги не видать,
тишина заковала мальчишек.
Медальоны лежат,
нет в округе следа,
командиры друг друга не слышат.

Пули мягко вошли
в плодородие нив,
в беспробудную тёмную тину,
нас с военной поры
навсегда породнив
с крепким запахом трав, с властью глины.

Золотые года, молодые ветра
не узнать вам, солдаты родные:

вы в атаках ночных,
где не гаснет заря
и сердца шлют домой
позывные.

8. Из цикла «Заметы»

Борис Богатков

Решив судьбу стремительной атакой,
сержант ушёл в объятие огня…
И задохнулась, землю очерняв,
своей слюной фашистская собака.

Пройдут года, строка во имя блага
откроется – не время обвинять,
а боль тупую в сердце приунять,
крепить в солдате мужество, отвагу.

На подвиг песня грозная звала:
в бою раскрыв могучие крыла,
взлетела птицей в солнечные выси!

И вскоре он, познав смертельный риск,
пришёл домой, в родной Новосибирск,
снял каску, замер, воин светлолицый.
15.12.1995

Николай Гоголь

То колесо добраться не смогло бы
до мёртвых душ, когда б ни он, смеясь,
толкал его. О том, на след косясь,
который день судачат остолопы.

Куда? Зачем? И прётся по Европе,
по сторонам разбрасывая грязь,
увидев странное и подивясь,
задумались о чём-то эфиопы.

Один его благословил, призрел,
ступицу смазал, чтобы наш пострел
летел по камешкам столичным.

Чтобы катилось колесо туда,
в неведомое, где живёт беда
и счастье человека феерично.
14.01.1996

Николай Гумилёв

Рассветы дальние, чужие
терзают душу летнею порой –
война опять нахлынула горой:
гроза и ливень, вороны кружили…

Как лавой шли, как родине служили!
Свист пуль казался дьявольской игрой,
и разносили пехотинцев строй
кавалеристов огненные силы.

Но близок час неистовой трубе.
И ввалится грядущее к тебе
кровавым годом, тяжким звёздопадом.

И где-то, над задымленной Двиной,
откроет жизни новой, неземной,
ворота рая! иль дорогу к аду?
01.06.1996

Анатолий Мариенгоф

Выбрасывая тросточку вперёд,
как стих, наполненный мечтою,
сноб, щёголь – лирой золотою
в Анатолеград сманивал народ.

Сергей, Вадим свой редкостный зарод
поэм – зальют водой святою
и звёздный тюк кой-как отмоют:
в нём пятна клюквы, сероводород.

А стол, как прежде, бедностью накрыт.
Развратничая, сдерживая прыть,
сочатся образностью слоги.

Петлёй вкруг шеи руки обвязав,
судьбе взглянув потерянно в глаза,
он в зори – выплеснет прологи.
17.02.1997

Михаил Пришвин

Его любила каждая травинка,
безропотно стелилась под ногой,
когда он шёл, доверчивый такой,
оглядывая малую живинку.

Фужер держала синяя кислинка,
в ней капля неба, силы мастерской.
Волнушка рядом… Дышится легко,
и радуется божия кровинка.

На пень присев, творец, создатель дивный,
мог оживить унылый мир куртинный
словечком тёплым, милостью весны.

Вблизи – махровый столбик медуницы
лелеет леса чудную цевницу
из кладовой, где стражи – колдуны.
12.02.1996

Эдгар Аллан По

Глаза – подобие волны,
душа его – морская качка.
И альбатрос, и чайка-крачка
от рода дней ему верны.

Подкладку жизни заверни
(страницу только не испачкай),
здесь смертному дана задачка:
до гроба тайну сохранить.

И в горне адовом, могучем,
с ним был невероятный случай:

рождался замысел года!

Он в днях безумия метался
и жаждал смерти, ей бы сдался,
но ворон каркнул: «Никогда!».
26.04.1995

9.Из цикла «Лети, мой свет…»

***

Бродягам и скитальцам – мой привет!
Почтение – изношенным ботинкам.
Их затрапезность – яркая картинка
неимоверно вытоптанных лет.
Бывали дни – мальчишка марафет
им наводил, поддерживал починкой…
Лишь бусинка хрустальная, росинка,
напоминала отроку совет,
чтобы дожди их мыли на привале,
рвались о камни бы, не уставали,
хлестало б солнце огненным бичом.
Дорога, как мечта, звала и пела,
рюкзак душа тянула да терпела
и не нуждалась никогда ни в чём.

***

Сердцу снится душистый горошек…
С.Есенин

Желтеет поодаль сурепка
на сложенной в копны траве,
а рядом, от стога правей,
горошек в замызганной кепке.
Но в памяти держится цепко,
как в роще поёт соловей,
России степной корифей!
А лето – всего-то зацепка
для строчки в голубеньком платье,

для шапки-старья на полатях,
для светлых истерзанных глаз.
Летит соловейко по сёлам,
на ветку садится, чуть квёлый,
и песнею радует нас.

***

Памяти С.А.Есенина

Его убийца знал: за что.
И в этом истина,
вся правда.
Откройте –
без идейных шор –
страницу в мир его отрадный:
он пел и тяжко,
и легко…
В его короткой жизни певчей
есть Персия, мечта богов,
она надеется на встречу
и хочет нас –
за что? –
спросить,
и я отвечу без утайки:
за верность верб,
стозвон Руси,
за томный вздох коровы в стайке,
за нашу русскую печаль,
тоску дорог,
собачьи слёзы,
за божию на лбу печать,
за щедрые в Рязани грозы,
за слово вольное полей,
за неуёмную тревогу,
за то, что серый соловей
поёт
и тянет нас в дорогу…

***

Ничего бы не знать, кроме строчки весёлой,
с ней зашёлся взахлёб соловейко-малец!
Где же он понабрался свистулек-колец,
чтобы так раскачать полусонный посёлок?
Ожидая с утра еле тёпленький щёлок,
растянулся под яблоней сладко мокрец,
окатился зарёй молодой огурец,
помидору ж ещё далеко до посола.
Но тебе ли, певец, дан божественный дар
полюбить ярый свет! как бесстрашный Икар –
вознестись к высоте на трепещущих крыльях?
Будь такою всегда, раскалённая высь,
чтобы голос любви упоительно вис
над зелёной землёй и над холодом пыли.

***

И по сей день хожу и славлю,
пою – с угрозою смешной,
ногами спину хворым правлю,
трясу убогою мошной.

Плету весной венок для окон,
с русалкой зырю на луну,
расправлю ей синюшный локон,
качну берёзу и сосну…

Сказать бы, что поёт синица,
о ком грустит ель под окном,
чем вдохновенны в поле лица,

каким объяты птицы сном.

Упал зачем из рук платочек,
на что меняются года?
Неужто так в груди клокочет,
как в чугуне скоту еда?

Едва ль вопросы будут сняты
моим ответом и житьём…
Зимой костры да будут святы,
хотя в душе их чаще жжём.

ЛАДА
Венок сонетов

И сказал Велес: открой короб песен!
Размотай клубок!
Ибо кончалось время молчания
И пришло время слов!
Песни птицы Гамаюн

1
Стоят курганы прошлого в степи,
Волнуя думы золотистой зернью.
В одном из них рассеянною тенью
Сокрыт князь Игорь – беды искупить.

А конь его поблизости храпит,
Придавленный тысячелетней ленью.
И к Святу-Роду – солнечною звенью
Стрибог взывает, злоба в нём кипит.

Слух леденит звон бешеных копыт!
Но знает век, чью ненависть копить
И чьи глаза тревогою налиты.

Вновь быть под властью киевых времён
Хочу! Мне дышит родиною лён,
Скрывая в недрах древние молитвы.

2

Скрывая в недрах древние молитвы,
Поверят миру идолы – любовь,
И душу-свет над сводами столбов,
И бубнов плачи, стонущие ритмы.

Очерчен круг. Откликнись же, счастливый,
Кто рад огню! Душе не прекословь!
Пусть кровь дымится! Высветило вновь
Глаза древлянам. В радости смогли вы

Задобрить небо жертвой? Научись
У врат судьбы отыскивать ключи!
Они вон там, под крадою, зарыты.

Счета последние подведены.
И сани есть – умершему они,
Мечи и стрелы острые для битвы.

3

На вашем пылаю огне,
Дымы поднимаются к небу.
В. Исаянц

Мечи и стрелы острые для битвы
Нужны и там, где царствует Яга,
Где грозен в поле ярый ятаган,
Где змеи лижут чёрные граниты.

Где дышит крада… Пламенем все сбиты
В единый дух. Гудит, как ураган,
Большой костёр! Неистов сам-шаман!
Жене достойной – дверца не закрыта

Войти в тот мир, остаться в нём навечно
Любимой или ношею заплечной…
За что так мужа стоило любить?

Но, стиснув другу хладные запястья,
Она не скажет, что это за счастье…
Умел Сварожич – время усыпить!

4

Умел Сварожич – время усыпить:
В сосуде пепл покоится добротно,
Кощеем властно взятый принародно.
Но мысль иную должно укрепить.

В подземном мире случай не забыть:

Он обнял левой ручкою свободно
Её – открыты кистью виртуозно,
Любовь иначе можно ль утвердить?

Доселе слышно грозного Перуна,
На буйной тризне слаженные струны:
Почали люды радостно кутить

И умощать в борениях отважных
Живую душу весело и бражно.
Юдоль свою – им есть когда испить!

5

Юдоль свою – им есть когда испить
И требу взять: тельцов и овнов с солью.
Но помнить предков надобно и с болью,
Они могли друг друга приструнить.

Мечтал князёк Мал – Игоря сгубить,
Но сам казнён комическою ролью.
Земля деревска – вымочена кровью!
Послам живьём сподобилась уплыть

В лихое царство! прямо во дворе!
А избранных – приветить к той поре
И банькой чёрной… Вытопил им Митрий.

Пожрал огонь их розовую кость!
Так мстила Ольга. И не думал гость
Изведать зверя, плачущего хитро.

6

Изведать зверя, плачущего хитро,
Дано не всем. Здесь смерть тому вина,
Не бурный Днепр, не светлая луна,
Что научились зреть такие игры.

Жива землица, названная Триглой!

Зимцерла – с ней, желанная весна.
Зевана, Позвизд, Сева – цепь красна,
И с ними громы, молнии как иглы.

Вот сонм земных всевидящих богов!
И дальний светоч жизненных кругов
Войдёт сквозь распри в каменные титры.

Их прочитав, пройдите перевал.
Там есть Морена – кто бы только знал:
Страшнее нет подземной водной гидры!

7

Страшнее нет подземной водной гидры
Во тьме веков! Кто вынести бы мог
Оскал звериный?… Разве Чернобог?
Вокруг него гуляют хищно выдры,

Смакуя жертвы, брошенное быдло.
Живых ещё преследует Морок…
Баба-Яга в можжале, словно кок,
Готовит внучкам сладкое повидло.

Там Змей грызет замызганную пакость,
Животную удерживая радость –
В зелёных водах некогда вопить!

Лишь взоры вил загадочны и сини.
Любовь же – не пугают образины!
За Ладу чару – стоит пригубить!

8

За Ладу чару – стоит пригубить
На страве вящей! Капища таятся
В густых дубравах. Им чего бояться? –
На серый камень некому ступить.

Траянов вал хранит всех от гульбы
Злодеев южных. Змеем мог ворваться,
Полянам тугой смертною сказаться
Тот смерч огня – и веси ослепить!

Но Чуром – раз отмерены границы.
Спокойны в поле бронзовые лица:
Орало тянет буйствующий Змей.

Но, где веревец вились вереницы,
Чернигова нетленные страницы
Найдём ли мы, учёные, во тьме?

9

Найдём ли мы, учёные, во тьме
Дажьбога слово, крестное знаменье?
Иль повинуясь рабскому веленью,
Молчать в своей останемся тюрьме?

Но Крест – всевиден! В жуткой кутерьме
Четыре стороны – его значенье.
Деревьев двух в нём тренье, воскресенье,
Окрест цветка – узоры на письме.

О, крина круговая оборона
От злых очей! Ликующая крона!
Над знаком поля вымолвить сумей

Златое слово сеятеля нивы.
Повсюду жизнь! Так обереги-дивы
Удержим ли в злопамятном уме?

10

Удержим ли в злопамятном уме
Обряд русалий, дикие скаканья,
Коварство ведьм, полночные алканья
И смех и дань народной Костроме?

Узнать бы, что находится в суме
Русальщиков – любителей гаданья,
Блудливых игр, повального гулянья?
От шуток их придётся онеметь!

Так доброе, весёлое – живёт,
Из века в век на праздниках цветёт
И не сдаётся нами в кладовую!

Кобенится пусть хитрый мужичок!
Спасём, я верю, чистый родничок –
Частицу жизни, капельку родную.

11

Частицу жизни, капельку родную
Я пронесу сквозь тернии свои,
Росой очистюсь, отблеском зари
И братчине поставлю четвертную.

И встанем в круг, закончив посевную!
Возмолимся Перуну. Не умри:
Прими удар безмолвно. Вот он, зри:
Бичами хлещет тучу коренную!

Рванули разом – дёрнуло земельку!
И оробел взыскующий Емелька:
Телега не наделала бы бед,

Гремя пустой проржавленною бочкой…
Но верят в хлябь берёзовые почки:
«Как жили люди – вынесем на свет!»

12

Как жили люди – вынесем на свет!
О турий рог, окованный орлами

Двуглавыми, блистающий крылами,
Внемли рассудку в скопище побед!

О нём тебе поведает совет
Богини Лады, щедрой за столами,
Где вновь ковши медвяные кругами
Кипят, ликуя, помня о вдове.

Лишь Жля да Карна душу жгут нагую
Жарой томящей, тянут песнь глухую,
Похожую на волчий нудный бред…

Судьбы печальный рог – возненавидишь.
Но, может быть, вервь кровную увидишь
И ты сквозь толщу выстраданных лет!?

13

И ты сквозь толщу выстраданных лет
Найдёшь усладу в бубнах и сопелях,
И благодарно вспомнится неделя
Купальных вил, их синенький букет.

Но злым ветрам готовится запрет,
А голым навьям – чудятся купели.
Так Родомысл потворствует капелям,
Несущим жизни благостный завет:

Пройдут века, и смерд с восходом ржи
Ярило вспомнит в каверзах межи,
Его любовь – безмерную, шальную.

И вспыхнет в жилах русов кровь-руда!
Зане разъяв жестокие года,
Познаешь душу некогда больную.

14

Познаешь душу некогда больную,

Утешишь жён, упавших среди трав
С мольбой о муже, детях. Нощь поправ,
Они в рассвете все ещё кукуют.

Их птицы клюкающие минуют!
А звери рыкающие, устав,
На дерева могучие привстав,
Замолкнут глухо… Волхвы заколдуют

Возле криниц. Послушны им вершины,
Вихрь на дороге, бесы, свист былинный.
Рощалиям молись! Не заступи

Черту резную! Огни негасимы
Горят вокруг, и верь: неутомимо
Стоят курганы прошлого в степи.

15

Стоят курганы прошлого в степи,
Скрывая в недрах древние молитвы,
Мечи и стрелы острые для битвы:
Умел Сварожич время усыпить.

Юдоль свою им есть когда испить,
Изведать зверя, плачущего хитро, –
Страшнее нет подземной водной гидры.
За Ладу чару – стоит пригубить!

Найдём ли мы, учёные, во тьме,
Удержим ли в злопамятном уме
Частицу жизни, капельку родную?

Как жили люди – вынесем на свет!
И ты сквозь толщу выстраданных лет
Познаешь душу некогда больную.

1992

***

Есть души, которые
плачут о нас,
спаси их, Парнас.

Есть думы, которые
зреют в ночи,
в них жизни ключи.

Есть песни, которые
жить не дают
и жилы в нас рвут.

Есть люди, которые
облако пьют,
куда-то зовут…

***

Нараспашку и врастяжку
я живу.
Давит плечи небо тяжко,
я как вьюн.

Упираюсь, умираю,
но тянусь,
нос о травку утираю,
словно гусь.

Далеко тропинку видно,
не моя.
Не показываю вида,
что ноябрь.

Засыхаю в огороде
на плетне,
как бумажка от Мавроди
в прошлом дне.

Нараспашку и врастяжку
тянет рок,
стану тявкать,
прыгать пташкой –
был бы прок.

***

В дороге человеку одиноко.
Молчит о чём-то. Сумрачен и дик.
С воспоминаньем прошлого впритык
сойдётся он, и стекленеет око.
А милое – так кажется далёко,
чуть тронь словечком – и забьётся тик,
и никакой не выдержит вердикт
напора чувств: одна судьба – верёвка.
О том и ты задумался, мой друг,
перебирая мысленно свой круг,
в котором – кочки, ямы и откосы.
Не выйти, знать, с тобою никогда
из этого кольца, где движется вода,
жара стоит и жалуются осы.

***

Остаться бы в этом лесу
надолго, навечно,
где солнце земную красу
лелеет беспечно,
где иволга песню свою
слагает прилежно,
я с нею свою запою
о родине нежной.
И грустный –
себе ли в укор? –
затихну в осинах,
а звуки пойдут далеко
по тропам лосиным…
Их примет мой смешанный лес
душевно, открыто.
Наверно, в околке,
вот здесь,
мне счастье зарыто.

И в трепете лёгких вершин
почудится сказка,
что нет у деревьев морщин
и каждый
обласкан,
что люди –
питомцы земли –
найдут в себе силы
нести свои годы-кули,
беду пересилить.
Остаться надолго б в лесу
и в нём заблудиться:
люблю я лесную красу,
весёлые лица.
1976

***

Я верю вам, зелёные подруги,
в стремлении до солнца долететь,
благодарю – в желании хотеть
и греть теплом высотные округи.
Стволы под ветром стойки и упруги.
А стоит только ими овладеть
и струны тронуть – вмиг осиротеть
придётся нам и вытянуться в струги.
За чистоту и дух необычайный,
за слёзы, что откроются в прощанье,
я вас люблю, вы искренне всегда.
Да и когда песочницы настроят,
лопатками цветными корни вскроют –
вы всё равно вернётесь в города.

***

Разлились по родине озёра,
просолились за века насквозь.
Здесь открылась истина для зёрен,

умереть которым привелось.
На ладони тёплой – божья милость –
выросли тяжёлые хлеба.
Песнею широкою излилась
в душу золотая Бараба.
Это край – избитых и убитых,
родина синиц и косачей,
а землица кровушкой полита,
кровохлёбка – цвет её очей.
По озёрам, по речушкам тёмным
селятся и до сих пор народ,
крыши кроют не болотным дёрном,
зеленью искусственных пород.
Остаётся – вечно молодая –
палестина жить и зоревать,
уголком невспаханного рая
от беды любого укрывать.
Бараба растянута до неба.
Бросишь взгляд – а он летит насквозь!
Господом загаданный нам ребус,
блещущий от слёз – или от рос.

СОБОРЫ РУСИ

Венок сонетов

Вера бо благодатнаа
по всей земли распростреся,
и до нашего языка русскаго дойде…

Илларион

1

Над Русью – плач. И высказаться горько,
Такая немощь в сердце у меня:
Погибли боги в пламени огня,
Упал Перун с днепровского пригорка.
А с ним Стрибог, Макошь. И там не только
Они повержены средь бела дня.
Тяжёлый крест положен, как броня,
На смердов плечи грешные надолго.
Изволь согнуть изодранную спину,
И помолись за новую судьбину,
Конец пришёл поганой ворожбе!
Крестись, о Русь! Пусть православной вере
Послужит всяк… Но видно изуверам:

Слезятся окна в худенькой избе.

2

Слезятся окна в худенькой избе
От странной речи – «ближнего возлюбим»,
Иным – на горло пяткою наступим,
Пощады нет неверному – тебе.
Предались ветры в капищах гульбе,
Гнилое дерево подобно струпьям…
Вот так святыни, стало быть, и губим
С тех пор в хмельной безудержной борьбе.
Где идолы, повергнутые наземь?
И что же цель? – достигнута ли разом,
Дабы облегчить душу голытьбе?
Молчат о том обугленные руны:
В крестьянском сердце слышатся не струны,
А голос свыше – откликом в судьбе!

3

А голос свыше – откликом в судьбе! –
Откроет путь страданий, воскресений.
И только в день, голодный и весенний,
Жива надежда, жить и худобе.
Познаешь свет при медленной ходьбе.
К нему ведут божественные сени,
Под ним скудны невзрачные растенья –
Как видеть их мне жалко при косьбе!
День кроткий, троицын, по праву схож
С той радостью, где сладостная рожь
Цветёт, не зная кровожадных оргий.
Но не спокоен наш иконостас!
Перед бедой призывно-трубный глас
Велит всем миром выступить на зорьке.

4

Велит всем миром выступить на зорьке
Великий князь. Свершится ли поход?

Истерзан край уже который год
Враждой и склокой из-за царской корки.
От Святослава – памяти отрёпки
Остались в письменах, и дней исход
Теперешних – не ясен. Едут напроход
Отряды вон, последние оскрёбки.
Но подрастут головушки, тогда
Засветит ярко русичей звезда,
Врага спасти не смогут отговорки.
Кто пеший, конный – все прославят Русь!
И крепнет дух, и отступает грусть…
Князья спешат, вдаль вглядываясь зорко.

5

Князья спешат, вдаль вглядываясь зорко,
Как некогда учил их Александр.
Идут они сквозь строй ворон-кассандр
Разбить врага на слабеньких задворках.
«Не в силе бог, а в правде». Кривотолки
Здесь не нужны, как нет ещё эскадр
И не рождён свой северный Менандр.
В степях полкают бешеные волки.
Перед опасностью – иметь едино сердце
Мечтал Василь, открыв святые дверцы
В сей мир полян… Но пал в тупой алчбе…
Сгубила плеть лазоревые очи,
А распри дикие – чернее ночи.
Недобро время думать о себе.

6

Недобро время думать о себе.
Святая Русь зовёт подняться слабых.
Послал сам Сергий, свара не дала бы,
Монахов верных к проклятой татьбе.
Взывал игумен Дмитрия к гоньбе.
Быть сече! Богородица могла бы
Остановить кровавый суд, но небу
Нужна се дань. И рог опять запел!
Хоругви видно, стяги мерно дышат,
На них Лик Святый нитью солнца вышит.
Немного ветер, слава богу, ослабел.
Ярило брызжет светом в лица воев.
Они, обняв друг друга, – день как зноен! –
Отдались сердцем огненной трубе.

7

Отдались сердцем огненной трубе
Простые люди – пахари земные.
В день Рождества – по Матери родные! –
Вновь чашу божию попробуй не испей!
Вот сшиблися! Руби и не робей!
Настал час, княже! Льётся кровь из выи.
Не мир, но меч! Здесь гибнут духи злые,
Непрявда, Дон их держат, как в скобе.
Рычал, как пардус, печенег. Базлал.
Рванулся витязь в эту бездну зла…
Пешцы – в ряд ряд! От пота слепнет око!
И отрок русый – вспомнят на Оке! –
Убит стрелой… И не помочь руке,
Зовущей к Спасу светлому высоко…

8

Зовущей к Спасу светлому высоко –
Забвенья нет. Она всему одна,
Та битва Куликова. Днесь видна,
Склоню чело извечному истоку…
Питаться ль вновь России чермным соком?
Так, славу исторически храня,
В иконе образ – за други своя –
Разит меня первоначальным роком.
Где наше время купли неземной?
Испить его, тот искупить собой
Путь горний, жаркий, словно в печах поды!
Прильнём к земле мы, жадные тельцы…
Да не услышат только лишь глупцы:
Клокочут в долах яростные воды.

9

Клокочут в долах яростные воды.
Кружится томно солнца карусель.
Уста пророка вымолвят: «Отсель
Идут в равнины радуги разводы.
Зде! – реки слёз и тяжки скорби своды».
Мужи уже отведали кисель,
И парки тянут новую кудель:
Горька в бою итоговая кода.
Не токмо Сергий, сердце укротив,
На встречу с тёмной силой снарядив
Велику Русь, пел ангельские оды…
Печали песнь спасёт ещё не раз
От кары Господа, возможно, нас…
На горизонте тучи словно орды.

10

На горизонте тучи словно орды.
Но наша «Матерь Божия» – жива!
Её благословенные слова –
Деяниям сынам отчизны гордым.
Поставлен так в пылающие годы
На Нерли храм во имя Покрова,
Где на крови – зелёная трава,
На стенах – звери, ласковые морды.
Святая Дева, красная девица,
Фатою алой скрой любимых лица,
Спаси от зла в любые куражи!
Недвижный камень, лебедь белоснежный,
Стоит над Клязьмой, ведает неспешно:
Крепись рука, дарующая жизнь…

11

Крепись рука, дарующая жизнь!
Но помни сказ: «И володейте нами!»
Та исповедь написана в тумане
Рукой раба. На это положись.
Поверь в звезду, былиною свершись!
Продует душу ветреными днями,
Сибирью мрозной, грозными цунами,
И перед смертью – стой, не гоношись.
Творили предки славу для Христа,
Познали нахлыст резкий вдоль крестца!
Но, как бы ни скрипели поясницы,
Благую весть за истину прими
И сердце оскорблённое уйми –
Стояти вечно колосу пшеницы.

12

Стояти вечно колосу пшеницы,
Когда над ним струящийся хитон,
И облако, и синевы затон,
И воркованье милой голубицы.
О Русь смиренна, бледной плащаницей
Покрыта ты. И множится планктон.
Твоих цветов живительный бутон
Оценит смуглая краса-девица.
Любовь твоя спокойна и тверда!
Степенна ты и обликом горда,
Строга к себе, как верная черница.
Сомнений нет в пути пережитом,
Хотя мешал в нём не один тевтон
Плескаться в соснах солнечных – куницам.

13

Плескаться в соснах солнечных – куницам!
И дух покаяния не хирел,
Второе тысячелетие не сгорел
Огонь любви в светёлке на божнице.
Ищите и обрящите цевницу,
С которой взор бы гаснущий прозрел,
И на открытой всем ветрам горе
Найдём ли свет от божьей багряницы?
В лесах берёзы чудные светлеют,
В полях ручьи волшебные алеют,
Стремительны, как прежде, и тигр, рысь.
Земля во славу Господа добреет,
Мирская речь со временем мудреет,
России – быть: соборы тянут ввысь.

14

России – быть: соборы тянут ввысь!
И радостно от Нового завета.
И полон звоном внутреннего света
Кривой, как сабля, безымянный мыс.
А зверю лютому: «Будь сдержан, не ярись», –
Скажу, изведав горестные лета.
Мы помним искупленье Пересвета,
Да будет чистым млеко и кумыс!
Не «погибоша аки обры» росс,
И крест нательный в славянина врос,
На коромысле – полное ведёрко!
Но нет услады для моей любви.
И сквозь набат услышите и вы
Над Русью – плач! И высказаться горько…

15

Над Русью – плач! И высказаться горько.
Слезятся окна в худенькой избе.
А голос свыше – откликом в судьбе! –
Велит всем миром выступить на зорьке.
Князья спешат, вдаль вглядываясь зорко.
Недобро время думать о себе,
Отдались сердцем огненной трубе,
Зовущей к Спасу светлому высоко…
Клокочут в долах яростные воды,
На горизонте тучи словно орды,
Крепись рука, дарующая жизнь!
Стояти вечно колосу пшеницы,

Плескаться в соснах солнечных – куницам,
России – быть: соборы тянут ввысь!
1991

10. Из цикла «Статьи, заметки»

Гори, сияй, звезда полей (О Николае Рубцове)

Нет такого человека на земле, который жил бы без сердца и души, который бы не впитал в себя живительные соки своей родины. Не здесь ли и поэту «легче дышится, легче пишется, легче ходится по земле»? Там, где холмы по обе стороны неширокой речки Толшмы, где видны на холмах деревеньки, погосты, «а возле сказочной часовни стоит берёза старая, как Русь», где самая ненастная погода никогда не портит настроение – звучит могучая, печальная музыка северного края. В селе Емецке, стоящем у впадения речки Емцы в Северную Двину, 3-го января 1936 года родился замечательный русский поэт Николай Рубцов.

Сухона, Толшма, древняя Тотьма, село Никольское, Вологда – вот до слёз любимые места поэта. Здесь его «Михайловское», здесь трагически оборвалась его жизнь…

Раннее сиротство (смерть матери), детдом, скитания по России с вечной бездомностью: Северный флот, Рига и Ленинград, Москва и Ташкент, Урал и Алтай… И везде душа хранит «всю красоту былых времён», «берёзы, избы по буграм и, отражённый глубиной, как сон столетний, Божий храм».

Неуёмный дух скитальца, доверчивость поэта к людям, несмотря на равнодушие многих к его судьбе, неистребимая, жгучая любовь ко всему живому, светлому и доброму – вот это отразилось в пронзительных стихах поэта:

И вокруг любви непобедимой
К сёлам, к соснам, к ягодам Руси
Жизнь моя вращается незримо,
Как Земля вокруг своей оси.

Истоки лирического чувства его поэзии идут из мира растения, дерева, животного, из мира согласия Человека и Природы, их взаимопроникновения и сопереживания.

Николай Рубцов (друзья, собратья по перу звали его Колей) – удивительно чуткий к родной сторонке, к любой живой душе.

С каждою избою и тучей
С громом, готовым упасть,

Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.

В стихотворениях Рубцова – и воробей, чуть живой, «не становится вредным оттого, что так трудно ему», бедный заяц, горестно вздыхающий о своём защитнике и спасителе – дедушке Мазае, медведь, который «не чувствовал вины», «за что его убить хотели?», ворона «суетится на заборе», «ведь ни зёрнышка нет у вороны и от холода нет обороны»… Мелкий, казалось бы, факт обыденной жизни – «выпал птенец из гнезда» ласточки, и нет для лирического героя, для сердца поэта – маленькой трагедии:

«Ласточка! Что ж ты, родная, плохо смотрела за ним?» И веришь автору: «Перед всем старинным белым светом я клянусь: душа моя чиста. Пусть она останется чиста до конца, до смертного креста!»

Душа поэта впитала в себя безоглядную русскую удаль, неотвратимую трагичность и быстротечность времени, трепетную любовь к родному уголку, не потеряла надежды, не озлобилась. Совестливый и деликатный по натуре, он часто бунтовал из-за постоянной неустроенности и нищеты в жизни. Спасало его бескорыстная природная щедрость, искренность и непосредственность живущего в нём ребенка. Вот он – на рыбалке: «Червяки-то какие хорошие, прямо слюнки текут…»

Снег летит – гляди и слушай!
Так вот – просто и хитро, –
Жизнь порой врачует душу…
Ну и ладно! И – добро.

В своих письмах из Никольского Рубцов признавался: «А ещё есть удовольствие для меня в ожидании первых сильных заморозков, первых сильных метелей, когда особенно уютной и милой кажется бедная избушка и радостно на душе даже от одного сознания, что ты в эту непогодную грустную пору всё-таки не бездомный». «Люблю первый лёд по озёрам и речкам, люблю, когда в воздухе носится первая зимняя свежесть». «Первым делом, как приехал сюда, закинул удочки в холодную воду – ничего не попало. Сходил в лес…» «Ужасно люблю собирать грибы, особенно рыжики!» «Удивительно хорошо в деревне! В любую погоду. Самая ненастная погода никогда не портит мне настроение. Наоборот, она мне особенно нравится, я слушаю её, как могучую печальную музыку… Конечно, не любая сельская местность может быть по душе».

Удивительно светло и тихо от стихов, полных глубокого, мудрого чувства, величественного спокойствия и ясности, осознанного своего прихода на свет. «Но есть резон в том, что ты рождён поэтом, а другой – жнецом рождён». «Я же не виноват, что меня мать родила поэтом, – сокрушённо говорил не почитаемый в литературных кругах Рубцов и не без удовольствия добавлял: – Был бы я скотником на деревне – мне бы цены не было». Характерно признания поэта, что у него «есть своя тема, данная от рождения, деревенская»… «И не лепите ко мне идиллии».

Многие стихи его кажутся элементарно простыми, традиционными, нет крутых современных слов, но в них главное – поэзия, богатство переживаний,

духовная чистота и высокая нравственность, правда народной жизни, общеинтересное. В письме к А. Я Яшину говорит: « Предпочитал использовать слова только духовного, эмоционально-образного содержания, которые звучали до нас сотни лет и столько же будут жить после нас». Он рано повзрослел, но сердце не очерствело, не ожесточилось. Без громких слов и трескотни, застенчиво и скромно, с присущим ему юморком, с доброй душой вошёл в русскую поэзию Николай Рубцов и остался навсегда с незабвенными: «Добрый Филя», «Русский огонёк», «Журавли», «Я буду скакать по холмам задремавшей Отчизны», «Подорожники»…

Самые любимые у него слова – «душа», «тихий», особенно «жёлтый», «чистый», «светлый», «ветер», «листья». В них точность и ясность мысли, добытые постоянным упорным трудом над словом. В себе, в памяти, он носил многие стихи, многое с ним и ушло. Вспоминает Г.Володин алтайское лето с Рубцовым: «А где написанное? Не видел, чтобы ты и ручку-то держал». Коля разулыбался. …Потом постучал перстом по своей лысеющей голове и проговорил: «Здесь вот написанное. Сказать точнее, придуманное. Я ведь на ходу пишу. Привычка такая. Жизнь заставила. Иду и придумываю строки, твержу их про себя. Они у меня навечно в память врезаются».

Милы сердцу поэта естественность, яркость и лаконичность разговорной русской речи, забористый язык земляков, сострадание ко всякой живинке, единое мироощущение с родиной в беде и в радости. Острота и символичность образов, весёлый зачин, некая залихватская удаль и простота, фольклорная основательность органично совмещается в его творчестве с беспредельной широтой русской души, неисчерпаемой тоской по уходящему мгновению.

Его поэзия наполнена «стихией света» (В. Кожинов), удивительным внутренним брезжущим свечением, идущее, видимо, от родного северного неяркого неба. Неуловимые переходы, скольжение звуков, состояние сдержанного восхищения сменой дня и ночи метко замечено В. Дементьевым и обозначено как «предвечернее». Именно в такой песенной душе созрело и вылилось людям знаменитое:

В горнице моей светло.
Это от ночной звезды.

Матушка возьмёт ведро,
Молча принесёт воды…

Куда клонилась муза поэта, видно по утверждённым навсегда строчкам:

Тихая моя родина!
Ива, река, соловьи…

В его «взрывчатой тишине» слышится трепет ветра у пруда, шуршание соломы на дворе, звон снежка в траве оледенелой, скрип сапог: «Сапоги мои – скрип да скрип под берёзою, сапоги мои – скрип да скрип под осиною…» «Нет, не найдёт успокоенья во мне живущий адский дух!»

В трудную годину жизни, во время одиночества, затворничества, в минуты срыва и надлома единственное облегчало его душу и лечило, это – Русь, путь-

дорога, ветер, метель! И нет большего счастья, чем «Россия, дети и природа, и кропотливый сельский труд!»

Привет, Россия – родина моя!
Как под твоей мне радостно листвою!
И пенья нет, но ясно слышу я
Незримых певчих пенье хоровое…

«Странствовать я ещё не отвык. Главное – сдвинуться с места. А мне нравятся только поездки в разные места», – откровенно говорит поэт.

Пусть завтра будет путь морозен,
Пусть буду, может быть, угрюм,
Я не просплю сказанье сосен,
Старинных сосен долгий шум…

В начале мая 1966 года Николай Рубцов на Алтае, от журнала «Октябрь». Приехал в Барнаул, остановился у Матрёны Марковны Ершовой (сестра поэта В. Нечунаева), на другой день встретился с поэтами С. Вторушиным и Л. Мерзликиным, у него переночевал, а через два дня был в Бийске и уехал в районный центр Красногорское.

9 Мая появился на пороге дома Геннадия Володина, секретаря газеты «Восход», с приветом от барнаульских поэтов, почти три месяца впервые имел комнату, творил в уме стихи, на столе были словарь Даля, библия… Плавал на теплоходе по Оби в деревеньку Кислуха, ему стали известны Горно-Алтайск, Эликманар, Чемал, Манжерок, недалеко – Телецкое и Белуха, о которых мечтал. Добрые воспоминания остались от встреч с поэтами и писателями – В. Чичиновым, Б. Укачиным, И. Пантюхиным… (В литературной среде он был не одинок, у него были адреса и телефоны многих – от В. Кожинова, Ст. Куняева до Е. Евтушенко и И. Бродского).

От удивлённого «Ермак, Кучум…», «Сибирь, как будто не Сибирь!» он мысленно переносится в историческое прошлое Горного Алтая, в древнее – скифов и сарматов, образно и вдохновенно говорит об этом чудесном крае. Не стараясь глубоко вникнуть в историю татаро-монгольского нашествия на Алтай (1199 – 1207гг.), поэт подолгу слушает шум и плач Катуни:

Лицом к реке садился я на камень
И всё глядел, задумчив и угрюм,

Как мимо башен, идолов, гробниц
Катунь неслась широкою лавиной,
И кто-то древней клинописью птиц
Записывал напев её былинный…

В горах – сосны, кедры, богатырские лиственницы, и кажется, всё как на родине:

Тележный скрип, грузовики,
Река, цветы и запах скотский,
Ещё бы церковь у реки –
И было б всё по-вологодски.

Красота озера Ая, «бешеной Бии», «свирепой» Катуни, маленькой речки Майма, Чемала, родины алтайского художника Чороса Гуркина, Чуйского тракта покорила Рубцова, и он хотел вернуться сюда, на эти старые древние дороги, готов был переводить поэтов Горного Алтая…

В один из майских вечеров, по воспоминаниям Г. Володина, Рубцов взял гитару и пел свои стихи: «В горнице…», «Рукой раздвинув тёмные кусты»(Над вечным покоем), «Осенняя песня», «Я уеду из этой деревни…»(Прощальная песня)… В них много грусти. А какая поэзия без грусти? В судьбе поэта её хватало до слёз. Мотивы осени, уходящей молодости, сиротского одиночества навеяны самой жизнью и традициями русской лирики. Приметы её мы найдём в обращениях, восклицаниях, заклинаниях. Вечные вопросы добра и зла, жизни и смерти, тьмы и света неразрывно связаны в поэзии с родиной, без которой, где бы ни скитался, Рубцов не мыслит себя на земле…

Около четырёх месяцев жил на Алтае и странствовал, а стихи сложились навечно людям, верным себе остался в стихах сын вологодской земли:

И только когда вспоминаю
Тот край, где родился и рос,
Желаю я этому краю,
Чтоб было побольше берёз…

О народности поэзии, о символике образов поэта говорит много и досконально его исследователь В.Н. Бараков.

Особая тема у Рубцова – Бог. Его поэт касается осторожно, с какой-то боязнью и тревогой. Это – возвышенная, таинственная сила, «сказание библейских страниц», «святая красота», это медленное постижение всевышнего, сомнения на пути познания его. Дар божий даёт всё, в том числе и строку. «О чём писать? На то не наша воля!» Религиозные мотивы не чужды ему, они в сути восприятия окружающего мира русского человека, могущего молиться и быть навеселе. Отрицая религиозность, Ю.Кузнецов высоко ценил творчество Рубцова, особенно его стихотворение «Ветер всхлипывал, словно дитя…», где простота гениальных строчек щемит сердце:«И дыхание близкой зимы Всё слышней с ледяного болота…». Знаменательны признания из письма к А.Яшину (3.11. 1964) о любви к первому льду на озёрах и речках (а кто по нему не ходил?), они рождают известные ассоциации из жизни Иисуса Христа. «Хорошо и жутко ступать по этому первому льду – он настолько прозрачен, что кажется, будто ступаешь прямо по воде, бездонно-тёмной».

Яркий и самобытный талант, истинно народный поэт Николай Михайлович Рубцов, по мнению В. Астафьева, «почти восходит до гениальности» в своём откровении века – «Село стоит на правом берегу…»

Любовь к родине, священное чувство кровной связи с землёй роднит его творчество с великими русскими подвижниками слова:

Я не один во Вселенной.
Со мною книги, и гармонь,
И друг поэзии нетленной –

В печи берёзовый огонь…

При жизни поэта вышло 4 сборника стихотворений. В 2000 году издательство «Терра» выпустило прекрасно оформленное трёхтомное собрание произведений Рубцова, в нём не только ставшие классикой известные стихи, но и ранние юношеские опыты, проза, статьи, письма, во вступлении подробно рассказывается о жизни и творчестве поэта. Об этом он и не мечтал.

Какие ещё прекрасные стихи написал бы Николай Рубцов, если б не когти «любительницы волков…» Жизнь закончилась трагически в 35 лет, его нет с нами, но доброго человека

...всей душой, которую не жаль
Всю потопить в таинственном и милом,
Овладевает светлая печаль,
Как лунный свет овладевает миром…

Поэзия его современна как никогда, в ней слышится не только звон смутных и жестоких лет прошлого, но и тревога за будущее России, душу русского человека, измотанного суетностью бытия, призыв к сохранению земли русской, чтобы вечно горела «звезда моих полей».

Обращаясь к родине, взывая к чувству гражданской ответственности, поэт пророчески предостерегает о новых варварах, нависших чёрной тенью над отчизной. И сегодня, когда продолжаются посягательства на честь и славу России, когда пошлость всепоглощающего быта возводится на пьедестал, слово его зовёт к духовной бдительности, не даёт успокоения душе.

Завещанием нашему современнику и грядущему неистово звучат слова-заклинания Николая Рубцова: «Россия, Русь! Храни себя, храни!»

Растут его зелёные цветы
на Вологодчине, В Москве, в Сибири,
где вечер – в охре, полон тайн эфира,
где ткутся на руках ещё холсты.

Под сосен шум наводятся мосты,
меняются отжившие кумиры,
а люди жнут, залатывают дыры
и современные поют хиты.

Цветы печально могут говорить
и светлым чувством душу – озарить,

как флотскую, сиротскую, шальную,

что настрадалась, рано отошла,
России в дар навечно отнесла
строку простую, добрую, родную.

Горит его звезда, и в новом веке слышится могучая русская речь. Прислушаемся и мы к голосу большого поэта и станем душою чище, светлее:

За всё добро расплатимся добром,

За всю любовь расплатимся любовью…
2001, 2009г.

«Быстролётная песня» Владимира Набокова

Лирика Набокова – одна из малоизученных страниц творчества писателя. Стихи всегда рождаются из глубины души, это «исповедь сердца», где многое пережито и передумано, осели впечатления невзгод и страданий. Какие бы замыслы ни строил в своём творчестве художник, как бы ни скрывал он, откуда его муза – поэзия, эта неумолкающая в груди птица, откроет в песнях тихую речку Выру, печально склонённую над ручьём иву, святое желание окунуться в родной мир, найти в нём отраду, волшебную строку. Старый поэт найдёт себя в коротких проникновенных строчках: «Вот это Батово. Вот это Рождествено» Когда «колыбель качается над бездной», в ней с волнением растёт, восторгается окружающим миром душа поэта, миром, что зажат «двумя идеально чёрными вечностями». Невероятную силу и власть надо иметь ему, чтобы превратить впечатления детства, юности в незабываемые строки, оставить неизгладимый след.

Чем покоряет нас Набоков? Откуда «фосфорные рифмы» у поэта? В раннем творчестве у него псевдоним – Сирин, имя райской птицы с женским лицом и грудью. Но это не всё. Сирин – и сова с оперением ястреба. Зоркий глаз. Его поэт развивал, обострял с детства. Поразительна зрительная память! И в прозе и в стихах.

Набоков находит изумительные по простоте слова, которые создают неповторимое свечение его стихам, вдохновение рождается незаметно, постепенно втягивается в волшебные, светящиеся картины прошлого, смакуется любимое слово, слышится лепет, таинственная ворожба.

Внутренняя энергия стихов находит себя в простых по выразительности, казалось, испокон веку известных каждому человеку словах, но, наполненные удивительными, чарующими слух звуками, они мгновенно притягивают к себе и уже не отпускают никогда.

Есть у Набокова, как и у многих поэтов, любимые слова, на остриях которых, по словам Блока, растянуто всё стихотворение. Эти слова, часто повторяясь, не вызывают чувство досады, не притупляют сознание, а

воспринимаются как нечто родное, тёплое и близкое, словно в детстве дом, речка, овраг… Его родина: белый дом, сад, жасмин, розы, орешник, липа, сирень, мощные дубы, тонкая осока, «а дале – частокол, рябин цветущих ряд…». Как и у другого поэта – «Но если по дороге – куст/ Встаёт, особенно рябина…» Здесь он родился и вырос, играл в футбол, в шахматы, катался на велосипеде, ловил сачком бабочек… Никто не вправе упрекать человека в том, что у него такая родина, где «нет запаха конопли, вкуса парного молока»… Есть другое – мимолётная красота,

её беспредельная изменчивость, утончённость, подобно крыльям стрекозы в лучах солнца.

Таким же в поэзии Набокова является слово – трепет, трепетный, реже – алмазный. Мягкое «т» начинает и заканчивает слово, с лёгкого божьего дуновения начинается в ребёнке жизнь, чуть коснётся ветвей ветерок – и они уже волнуются, дышат… Его можно встретить там, где «душистые листы» парка, «тропинки мшистые», «парча тонкой тины», среди «туманно-гладких туч», «трепета звёздной пыли».

Как лунный блеск,
Он всюду – на траве, на розах, над фонтаном –
бестрепетный, а там, в аллее, вдалеке,
тень чёрная листвы дробится на песке,
и платье девушки, стоящей под каштаном,
белеет, как платок на шахматной доске…

Характерны для поэзии земные увлечения героя: бабочки, шахматы… Автор – сам учёный-энтомолог, открыватель. Мастер шахматной композиции, он неоднократно подчёркивал связь литературного и шахматного творчества. «Для этого сочинительства нужен не только изощрённый технический опыт, но и вдохновение, и вдохновение это принадлежит к какому-то сборному, музыкально-математически-поэтическому типу». «Меня лично пленяли в задачах миражи и обманы, доведённые до дьявольской тонкости…», «…значительная часть ценности задачи зависит от числа и качества «иллюзорных решений», – всяких обманчиво-сильных первых ходов, ложных следов и других подвохов, хитро и любовно приготовленных автором, чтобы поддельной нитью лже-Ариадны опутать вошедшего в лабиринт». Шахматная задача – «поэзия шахмат», композитор должен обладать теми же качествами, что и любая творческая личность – «оригинальностью, выдумкой, краткостью, соразмерностью, сложностью и блистательным притворством».

Шахматная композиция – составление задач и этюдов – самобытная и своеобразная область творчества, в ней есть свои требования, законы, принципы. Важнейшие требования: оригинальность, если напечатанная задача имеет тот же замысел, то она не имеет права на существование; органическое единство, цельность произведения; принцип экономии – достижение максимального эффекта минимальными средствами; принцип чистоты цели; безграничная фантазия, стремление к совершенству; повторение как многовариантность.

В задачах, этюдах, в произведениях слова есть живая борьба фигур, свои мотивы и тактические ходы, связывание и развязывание, иллюзорная игра и ложные следы, тихие ходы и зеркальные маты, сказочность и предельная ясность

темы. Зеркальный мат – вокруг короля чистые поля. «В зеркальную мглу улицы убегал последний трамвай…». Так начинается рассказ «Катастрофа». Соприкасаются два вида творчества, особенно «с писанием тех невероятно сложных по замыслу рассказов, где автор в состоянии ясного ледяного безумия ставит себе единственные в своём роде правила и преграды, преодоление

которых и даёт чудотворный толчок к оживлению всего создания, к переходу его от граней кристалла к живым клеткам».

«Другие берега» Набокова насыщены шахматными символами и сравнениями, идеями ложных ходов возвращения на родину, горькой отравой воспоминаний об игре человеческих судеб на шахматной доске жизни. 1940 год… Многое потеряно, впереди ещё много потерь и скитаний, «… можно было заметить, что отлетел кончик уха у одного из коней и основания у двух-трёх пешек чуть подломаны, как край гриба, ибо много и далеко я их возил, сменив больше пятидесяти квартир за мои европейские годы…» В романе представлена лучшая задача автора – шахматная двухходовка, наполненная трижды ложными следами по превращению пешки в коня, есть три варианта решения и три дополнительных. На доске все фигуры белых. Два белых коня и два чёрных, в центре чёрный король. Конница держит под контролем стратегические точки, но ещё может быть пополнение! Однако ход белого слона даёт блестящее решение, закрыв движение пехоты с третьей линии.

Приходит поневоле аналогия в магическом калейдоскопе событий и лиц: три слога – Ро-сси-я, Пе-тер-бург, ро-ди-на, пи-са-тель…

Иллюзии отбрасываются, судьба определена, мечты остаются, хотя времени катастрофически не хватает, и это называется в шахматах – цугцванг.
Но восхитительным обманом – полётом бабочки, тихими ходами фигур – живёт искусство слова, создаётся прекрасное.

Есть тихий ход за шахматной доской,
найди его,
следи за ним,
он сделан скромно
медленной рукой:
то ход коня или ладьи.

И тихий ход есть
в мыслях и словах,
он некой тайною укрыт,
но в нём душа свободою права:
тот ход всей жизнью мне добыт.

Рядом литература и шахматы, искусство едино. В композиции задач открыты огромные просторы для творчества: разновидность тем перемен – простая, произвольная, тема Рухлиса, тема чередования… Любимые темы Набокова в литературе – тема судьбы, её сложные ходы, темы смерти, родины, рая, славы, пошлости… Двухходовки, трёхходовки, многоходовки (один герой, два или более). Неэстетично – взятие ферзем фигуры, пассивность фигур, пустые ходы… Нужна ли фигура? Нужен ли герой? Вопрос деликатный, решает художественный вкус, чутьё автора.

В литературе также важны замысел, развитие сюжета, общая композиция, темы, концовка, развязка, эндшпиль. Лирическое стихотворение предельно

кратко, но глубоко содержательно, в нём есть сложные смысловые и эмоциональные ходы, скрытые ассоциации, притяжения и отталкивания, метафоричность. Действие стиха разворачивается подспудно, незаметно, загадочно, развёртывается внутренне. «Лирическое стихотворение представляет собой чаще всего сочетание отдельных мотивов, связанных некоторой общей темой» (Б.В.Томашевский). «Художественное произведение всегда результат сложной борьбы различных формирующих элементов – своего рода компромисс. Элементы эти не просто сосуществуют и не просто «соответствуют» друг другу. В зависимости от общего характера стиля тот или иной элемент имеет значение организующей доминанты» (Б.М.Эйхенбаум).

«Дыхание истинного искусства, освобождённого от всего того, что связано с нашей субъективной личностью, с радостной полнотой выражается в творчестве композитора: в его (единолично им созданной) задаче, в его этюде» (А.А.Алехин).

В одном случае, минимум художественных средств, иногда отсутствие тропов, в другом – ощущение простоты слова порождено силой чувства переживания. Развитие сюжета связано с главной темой, происходит переплетение различных мотивов, внутренний процесс стиха насыщается напряжением мысли и чувства, во многом познавателен и уникален. Борьба увлекательна и напряжённа, как и сама жизнь.

Турнир ведёт внимательно судья.
А кони белых зря не точат лясы,
в любую дырку сунутся мордасы:
им по душе манёвры, толчея!

Полна напором бешеным ладья,
умеющая делать выкрутасы
на поле шахматном. Боеприпасы
у всех истощены. Итог: ничья?

Изменит ход лукавая усмешка –
игрок уверенно бросает пешку
ферзю под ноги, словно сала шмат.

Своим слоном давление усилив,
он скоро, хода в два иль три от силы,
поставит королю зеркальный мат.

Содержание лирики, хотя и основано на личном опыте, отрывается от автора и движется к абстракции и обобщению, становится интересным эмоциональным открытием, мыслью героя в связи с определёнными событиями и переживаниями. Концовка обычно имеет новый мотив, отличный от начального. Она может быть эффектна своей пустотой, тем самым прийти к известному

рецепту, что покажет надуманность и никчёмность переживаемого момента, нет открытия, волнения, полной отдачи, драматизма существования мира души.

Похожесть, неприкрытая бездарность, поддельная красота и привлекательность, претензия на остроумие и оригинальность, на глубину мысли, обволакивающая сентиментальность – это пошлость, она никогда не принимается эстетикой поэта, и здесь он главный борец за честное, правдивое и прекрасное в творчестве. Законами красоты, уровнем художественного вкуса измеряется шахматный этюд и лирическое стихотворение, талант поэта. «Движенье рифм и танцовщиц крылатых есть в шахматной задаче», где цветное ощущение подобно расцветке крыльев разных бабочек. «Замри над веткою расцветшей, вдохни, какое разлилось – зажмурься, уменьшись и в вечное пройди украдкою насквозь». Мягкие «б», «п», «л», «з», «с» любимы поэтом, ими он играет, восторгается, вместе с ним и мы в плену русской живописной речи:

Уйдём и этот сад оставим
и дождь, кипящий на тропах
между тяжёлыми цветами,
целующими липкий прах.

Так бабочка не шевелится
пластом на плесени ствола.

благоуханно-блеклых библий…

На выгнутых стволах цветные тени тают…

И люблю я, как льются под осень дожди,
и под пёстрыми клёнами пёструю слякоть.

Россия, звёзды, ночь расстрела
и весь в черёмухе овраг.

Ты любишь змей, тяжёлых злых узлов
лиловый лоск на дне сухой ложбины.
Ты любишь нежный шелест голубиный
вокруг лазурных, влажных куполов.

Владимир Набоков мастерски передаёт глубокую печаль по «любви безнадёжной» – России, по её необъятной, бездонной красоте. Родина, Россия – главный мотив его творчества. Это сон, наваждение, видение, воспоминание, никогда не уходящее из памяти, вечно живое, обновляющееся. Многие стихи озаглавлены этим именем, святым и ненавистным. Образ – клубок противоречий, катящийся из прошлого в настоящее, постоянно не дающий покоя душе, терзая её и любя. Это не вьюга, а «это корчится чёрная Русь», «Ты – в сердце, Россия. Ты – цепь и подножие, ты – в ропоте крови, в смятенье мечты». Душа болящая – Россия – не может жить и вынести всего, когда «на чучеле свободы бессменной пошлости клеймо». Любовь и ненависть ведут поэта сквозь узорный жестокий

мир. «В бою безысходном друга я утратил, и потом и родину мою».
Реальная Русь, известная ему, знакомая и незнакомая – навсегда покинута, но она осталась прекрасной и в нём нашлись великие силы «отчизну чистую любить и понимать». И потому «мечется твой ветер знойный в гудящих впадинах души».

Какую бы ни встретил в стихах «дивную мелочь», «где подкидывают соловьи цветные шарики созвучий», любовь к родному краю, цветущему в видениях раю, не оставляет поэта. Этим он живёт, мучается, дышит. Россия – рай, вот один из всеобъемлющих образов, всплывающий в сновидениях, цепляющий мёртвой хваткой сердце странника, истоки, бесконечно льющиеся чистые струи. Вечна родина, и поэт не отрывает себя, свою несмертную душу и уверяет, что, «как через луг некошеный, дымящий, тебя в своё бессмертье унесу…». Провидец сказал: «тень русской ветки будет колебаться на мраморе моей руки», «да будут злобные, пустынные сердца моими песнями лучистыми согреты…»

Аоническое обаяние гласных всю жизнь не давало покоя поэту. Пронзительны строки, где – гласные звуки о, а, е, удивительное состояние души, тоска по родине, явь настоящего:

И Дух стоокий, Дух могучий
восторг земли благославлял.

И в душу мне дышал бездонный
золотозвонный небосвод.

И в сердце радостном забилось
глубоким колоколом кровь.

Нельзя не восхищаться его словосочетаниями с повторами звуков: «сад звёздный, звенящий», «берёзы грезили», «сумрак серый», «сквозная стрекоза», «в пустыне старинных страниц», «на пылких полках памяти», «волен выть на вершинах о ней», «… и зори, и звёзды, и радуги мая».

«Цветная спираль» поэзии раскручивается сложными эпитетами, созданными поэтом на грани тьмы и света, дня и ночи, полусвета, полупризнака. Определения выражают зрительные, слуховые, отчасти вкусовые ощущения, а также обонятельные и осязательные. Одного цвета качества – недостаточно.

Слова метафорически обозначают едва заметный признак, иллюзию новой краски, запаха. Мотив усиления признака постоянно присутствует в поэзии Набокова, гармонизируя в едином образе разные качества, грани, чувства. Часто встречается в стихах – «алмазный», «янтарный», «трепетный», «алый». В них – чёткость, ясность, мощь русского языка, его неисчерпаемость и глубина. Отсюда рождаются: «огненное око», «розовое небо», «угольная яма», «злая река», «звёздный меч»… А вот и другие оттенки красок: «алмазно-чистые воды»,»просветы пышно-голубые», «нежно-зелёный богомол», «берег женственно-отлогий», «бархатно-чёрная бабочка», «глухо-знойный», «сочно-чёрная весна», «жарко-рдяное вино»…

Набоков продолжает традиции русских поэтов, в частности, Баратынского, когда использует приставки НЕ, ПОЛУ: созвучья нерукотворные, незримая рука,

звёзд непорочных, полупечальных, полугоночный. В стихах нет сложных метафор, многоярусности.

Сравнения своеобразны, необычны, он верен своему стилю, отрицая нарочитое морализаторство, соборность, общее место. И в жизни верен своей судьбе – без родины, без своего дома, в гостинице и в ней номер 64.

А сравнения великолепны: лужи, как фиалки; феина дочь – влюблённый жучок; кипарисы, как монахи; ангелом реет сиреневый дым; душа моя, как птица белая; гость – белый великан; тучка вогнутая, словно мокрый белый лепесток. Почему именно белый? Это – и чистота, незамаранность, незапятноность памяти, сложность. Неповторимы сравнения, наполненные конкретикой быта: месяц – лимона ломтик в чашке чая; месяц, синеватый, как кровоподтёк; как на бархате мука, седеет пыль на кипарисах; так в плащ короткий божественный запахивался гром (о Шекспире). Поэт всегда подчёркивал значение последнего слова, стиха, строки, не ЧТО, а КАК сказано. Он ценил в слове прозрачность, точность, цвет. Ему претит пошлость, повторение чужого опыта, псевдопривлекательность. Мир един, поэтому в эпитетах нет противопоставлений. Стихотворению, считает поэт, необходима фабула. О лирическом переживании, о пустяке надо рассказывать «увлекательно, как о путешествии в Африку». «Стихотворение – занимательно, – вот ему лучшая похвала». Рифма всё-таки создана для слуха, а не для глаза. В стихах всё должно двигаться к неизбежной и гармонической развязке. Где только настроение – такие стихи случайны, недолговечны, как и само настроение. Они должны быть интересны, своя завязка и развязка, «читатель должен с любопытством начать и с волнением закончить». Его любимый размер, как он признавался – анапест. Он за поэтическую певучесть стиха, склонен больше к поэтике, где тема, её мистический центр находится вне первоначального постигания, она как бы за окном, воет в трубе, шумит в деревьях, окружает дом… У того дар, кто увидел необыкновенную подкладку жизни, её волшебство и странность.

Таков Набоков, поэт, «в бою случайном ангелом задетый», его «быстролётная песня». Честь и жизнь, своё творчество, «качели слогов равномерных», он «взвесил на пушкинских весах».

«На пыльных полках памяти» остаются не самые лучшие поэты, не тираны, не лавровые веники общего супа, а «объясненье жизни всей, остановившейся, как поезд в шершавой тишине полей». Мир у него – не борьба классов, не череда хищных случайностей, а «мерцающая радость, благостное волнение, подарок неоценённый нами». Виден твёрдый стиль поэта в последние годы жизни – игра цезурами, музыка анафор, вставки лирики в прозе, строфические переносы, раскатистость слова, медленное, державинское, движение строки-периода, сосредоточенность чувств. Его поэзия – отчаяние, «молния боли жестокой», «смертное чувство любви».

За шестьдесят с лишним лет писательской работы Владимир Владимирович Набоков написал более пятидесяти книг. Наследие его огромно: романы, повести, рассказы, переводы, драмы. Романы – в основном на английском языке, поэзия преимущественно на родном русском. Его творчество принадлежит в первую

очередь двум культурам – русской и американской. Это поэт невстречи, который «Россией всегда окружён».
2005, 2009г.

Новые стихи, заметки

Ворота Данте (монолог Лазаря)

Спиналонга (с ит. Длинный шип) – мощная крепость
на развалинах античного акрополя (Крит),
остров Калидон, за который велась борьба.
С 1903 по 1957год здесь находился лепрозорий,
вход в него назван «Ворота Данте».
Историческая справка

«Был также некоторый нищий, именем Лазарь, который
лежал у ворот его…»
(От Луки, XV1, 20-21)

Часть первая

Забыв о родине своей,
забудь о том, что жил когда-то,
усни от счастья, как Тезей,
иль в бездну загляни, ходатай.

Иди и помни, что начать
не поздно – погружаться в небо,
услышать, может, звон ключа,
мечту взлелеять, чудо-небыль.

Воспрянь потом и навсегда
из сердца вырви возвращенье,
ведь в пропасть брошены года,
как будто за грехи отмщенья.

«Ворота Данте» – пред тобой.
Душа взволнованная вспомнит,
как бился вечностью прибой
о берег солнечный и тёмный.

Часть вторая

1

На берегу, как путник запоздалый,
Стою один, не знаю почему,
Наверно, нервы порванные сдали

Или поверил сердцу своему,
Что верно бог оставил нас навечно
Пороку предаваться и уму.

Но эта пристань, ржавчиной беспечно
Покрытая, уже не ждёт людей.
И видно мне, как время быстротечно.

Промчалось столько лет, ночей и дней,
И стены обросли железной мятой,
И редко с кем здесь видится Эгей.

Ступени каменные помнят свято
Прихода разновозрастной толпы,
А остров этот, демоном проклятый,

Сжигал дотла изъязвленные лбы
И слыл прибоем скорби постоянной,
И роскошью считались в нём гробы.

Принять готова малая поляна
Отвергнутых мирянами больных,
И как в душе не заживает рана,

На теле зло так царствует у них.
Со всей страны, Европы паразитной,
Собрали люд убогих и худых.

Им дан билет единственный, транзитный,
Живьём в могилу складывать года.

Возврата нет. Ворота – для визита.

Толпа на остров вышла навсегда.
Судьба сказала явственно и внятно,
Что есть у греков чёрный календарь…

Бывают и на солнце тоже пятна.

2

Ещё в начале проклятого века,
Когда терзали родину мою
И жизнь была никчёмной человека,

Вдруг заболел и думал, что сгнию.
А меч дамоклов – опустился ниже,
И дрогнул я у бездны на краю.

Проснулся Зверь, и тени стали ближе,
Замкнулись дали – путь назад закрыт.
Огонь ужасный тело жадно лижет.

И потянул меня властитель Крит –
Лечить уединением, молитвой,
Пугая лепрой хоровод харит,

Миносом – новозванную элиту.
И палками, и камнями побит,
Плетусь со всеми к одному корыту…

Средь водной зелени, в морской глуби,
Плывут под нами синие мурены
И милости не просят у судьбы:

Они уже накормлены Еленой.
Печален кормчий – рок ведёт вперёд,
И стоны непонятны для вселенной.

Лишь остров мрачный неустанно трёт
Надежды высланных о камень скорби,
И, может, здесь их успокоит грот

И раньше времени парша не сгорбит.
Ступив на берег (тайной крался ад),
Молчат, увидев крепостные скобы,

Не надо пушек – духом устоят,
Пойдут на крепость зла объединёно,
Не устрашит их отрешений яд –

Они извечно верой наделёны.

3

И, прежде чем мне сделать первый шаг,
Я глянул вверх – на стынущие камни,
Подумал грустно: да, росла душа,

Тянула в лепрозорий окна, ставни,
Надеялась любить ещё не раз,
Как было в прошлом мире стародавнем.

И, забывая хворь, вставляла в паз
Свою любовь, надежду и молитву.
И редкий день, чтоб кто-нибудь от спазм

Не умирал, попав навек в лолитву
Железных пут. Мучителен был вой,
Похожий на проигранную битву.

О детях – задумывался живой.
И свадьбы славны редким одночасьем,
Когда умерших в короб гробовой

Укладывали словно бы для счастья,
Бросали кости бурые в тартар
Иль Минотавру – для игривой страсти.

Цветенье кактуса – для молодости дар,
И день рождался в упоенье скудном.
И этим длились стариков года

В избытке пожеланий безрассудных.
Здесь колокольчик – дивный сувенир –

Давно пылился в лавке средь посуды,

Свергался не один чужой кумир
В пещерах, уготовленных народу.
Плескалось солнце, обжигал надир,

И не подумал человек бы сроду,
Что должен зори видеть, быть с детьми,
А не прощаться с ними после родов.

И молча лечь, как говорят, костьми
Во имя человеческого бога:
Святой Пантелеймон излечит мир

Несчастных, только потерпи немного.
Молись, пока глаза глядят на крест
И занята до кладбища дорога.

Там тени воцаряются окрест
И мутят моря голубого дали,
И у Харона нет свободных мест.

Не жди, чтоб крысы кости обглодали,
Взорвалась твердь, залило б жерло
(Как будто черти, веселясь, бодались!).

Такого не припомнит Вавилон,
Умеющий грехи людей умножить.
Подземным тварям больше повезло:

Поток воды вертеп унять не сможет,
Свинцовое весло не тронет их,
И дух критян змея не потревожит.

Однако же того, кто нем и тих,
Безропотно на дно сведут ступени,
Покорно чтобы погрузиться в Стикс,

В смердящие зловониями тени.
Но радо солнцу чудо-чадо!
Надеюсь, не сгорит, как Старший Плиний,

Оно в огне познанья беспощадном.
Отца и мать забыв на материке,

В страницу жизни будет вновь впечатан,

А прошлое, поверим, вдалеке
И не напомнит бестией проклятой
На – розами играющей – руке…

«Я вас спасу», – сказал Христос распятый…
И то благословение его
Любви равно, и нет иной оплаты.

Так преклонить перед Крестом изволь
Свою гордыню, верен будь до веку.
Наступит кара свыше для того,

Кто не поможет жить больному греку,
Оставит здесь ступени ада грызть
И с ужасом толкать вперёд телегу.

Не ждать, когда порвёт сознанье рысь
Иль нечисть чёртова – чума-волчица,
Название которой есть корысть.

Вот от чего попробуй излечиться!

4

Когда бы знала Афродита тайну
Сих чёрных дней, летящих мимо нас,
Между землёй и небом непрестанно,

Её познал, наверно б, и монах,
Сюда пришедший добровольно славить
Врача Святого и утишить страх.

Позволено ему было расплавить
В душе свинец, гнетущий каждый миг,
Для службы дела мастеров расставить,

Утихомирить жуткий плач и крик.
И для него – в заливе Мирабелло,

Поднимет парус одинокий бриг,

И жить захочется на свете белом,
Молить Исуса, чтоб простил нам грех.
Итак уже достаточно дебилов!

Арес жесток: разделал под орех
То остров Кипр империей османов,

То Крит – как место торга и утех,

Где, кажется, коварством и обманом
Достигнуто желанное в миру,
И, слышите! свистят ветра в кармане,

А то и душу просто отберут.
Во имя жизни и любви великой
Идут больные к лире и к перу,

Работают без отдыха, каникул
И в песнях задыхаются от слёз,
А дети крылья поправляют Нике

И верят в чистоту и силу роз.

5

Игра на лире – ты подобна звону
Созвездий из далёких райских мест,
Где слышатся в струне морские стоны

И тайно плачет от любви Арес.
И грустно от того, что пролетела
Загадкой юность, тёмный диск из Фест,

Никто уже не скажет, что там пелось
И чей во времени оборван бег.
Душа творца не умирать хотела,

Она ушла в божественный побег –
К высотам дней беспамятного лета,
К благословенной, может быть, судьбе.

Туда, где край немеркнущего света
К себе возьмёт убитого мечтой,

Где будет жить по Новому завету

Неведомый унынию Святой.
Уверовав в своё предназначенье,
Не согнутый суетной маетой,

Он вызовет нетленное свеченье
В душе избранника, идущего домой.
Таков итог священного леченья.

Вот ноги чьи, о верящий, омой!
Как будто явь летучего голландца,
Грядущее откроется само,

Хотя не стоит за него цепляться:
«Вратами Данте» скрыто навсегда
Оно, как прошлое венецианца.

Не раз здесь дух противный наседал,
(О стены билась сабля янычара),
И отступал, себе на ус мотал

И думал злобно: «Погоди, сучара…»
И ткал он паутину, как Арахна,
И злоба в бурдюке-душе урчала.

А христианки не успели ахнуть:
Продумали осаду турки снять
Роскошной лестью, чтобы даже плаху

Нельзя было в обмане обвинять.
Врагу поверив, благостно уселись,
Отплыли, так и не смогли понять,

Как месяц остр, прольёт их кровь на мели,
Окрасит твердь в багровые цвета,
И вздрогнут под землёю асфодели.

Любовь богов, вы скажите, не та.
Эрот бессмертен, ненасытный воин,
Стрелой пронзивший многие лета

Влюблённых, поднимающихся в боинг
Лететь бы только вместе – в никуда

И верить в мир, что к радости устроен.

Имеет память критская вода,
Растворена в мозгу она, наверно,
Была у предков и у нас… О да!

Поют и славят Бахуса в тавернах,
В мечтах Колхиду ищут: к ней уплыть
От жизни кратковременной и скверной.

А что иное мог он посулить?
И как подвижники воззрений старых
Могли характер детский закалить?

Надеясь на мечту, пустую тару,
Они прошли, как ты, погибший Крит,
Трагедию подземного удара.

Но, видишь, солнце до сих пор горит,
Лучи ласкают царские развалы,
На фресках веселящихся харит

И Кносский двор (так проще бы назвали),
Утоптанный подошвами зевак.
Они царя, наверное, достали!

А может, это будущего знак,
Чтоб помнили потомки – Минотавра,
И кто такой Оноре де Бальзак

Или Шекспир с обезумевшим мавром.
Проказа сдохнет, дня угаснет око.
Театр закрыт. Умолк и звон литавры…

Дождёмся ль окончательного срока:
Земля сгорит, пустыней станет свет,
И солнце наше, уподобясь року,

Лить будет равнодушье много лет?

6

Не устрашит нас Чернобога взгляд,

Свободы призрак вечно удалённый,
И голос плещущихся волн-наяд,

И ветра вой – неистовый, солёный.
Смотри на эти стены и держись,
Как некогда держался мир палёный,

Себя и душу чисто содержи
И помни, брат, веление Христова,
Накручивая годы-виражи.

От безысходности земля готова
Всех успокоить и грехи простить,
И это главный человеку довод –

С надеждой жить и крест свой донести
К вершине острова, шипа над морем…
Там не достанет непокорный Стикс!

Две сотни душ, испепелённых горем,
Не потеряв рассудок, жажду жить,
Скребли, копали, рыли себе норы.

И кто бы согласился сторожить,
Как Цербер лютый, нищие пожитки
И хлам отбросов язвой ворошить?

Но день за днём, медлительней улитки,
Шла обречённая на смерть толпа
К любви Господней, несмотря на пытки,

Им выпавшим… А кто у врат упал,
Того поглотит медленная Лета,
Глаза закроет полночи опал.

И только юность, понимая это,
Смириться не могла и вознесла
Превыше смерти, горя, смрада гетто

Любовь и Веру, вырвав власть у Зла.

Часть третья

Когда заходишь в сумрак ада

не поднимая головы,
когда нечаянная радость
не больше, чем слушок молвы,

нет ничего на свете ярче
улыбки странного дитя,
рождённому здесь наудачу
на изувеченных путях.

Валы грохочут и хохочут…
Шипучий берег, даль голгоф…
Наверно, берег влажный топчут
лихие всадники богов.

Пройти не жизнь, а половину,
оставит вечность за спиной
и неизвестность, как лавину,
принять и знать, что нет иной

судьбы, молитвы, боли тяжкой,
чем это небо-океан,
где смерть, трёклятая кондрашка,
увековечила свой клан.

Она стянула жилы свету,
легла на свитки древних лет,
а Белый крест Его Завета –
как неизбежный веры след.

В запарке – парки в преисподней,
свирепый бык затих в камнях,
когда сюда под свод Господний
стекалась новая родня.

Она повязана кругами,
одной завязана судьбой –
с отпавшими в пути руками
и отопревшею губой.

Их чёрный парус брошен в море,

и свет – неугасим в груди,
сердца окаменели в горе,
лишь в церкви колокол гудит!

Играй на лире, добрый гений,
последний мученик Орфей,
ты Музе предан, словно Гейне,
оставлен в греческой графе.

Перебирай на струнах лиры
мотив неконченых молитв,
придёт таинственный Валерий,
подымет пыль истлевших плит,

взлетят оплаканные ветром,
слезой омытые – мечты,
и ты услышишь звоны кедра
в спиралях дантовой версты.

И прикоснувшись к хору пришлых,
давно убитых, но живых,
ты, отрок мой, не будешь лишним
у Клио в ранах ножевых.

Тебя ещё иссушит солнце,
невидимый найдёт родон,
пронзит насквозь смертельный стронций,
как душу – остров Калидон.

апрель 2013

«Берестяной рожок» Ксении Некрасовой

На долю Ксении Некрасовой выпала удивительная судьба. Какие бы жизненные мытарства она не перенесла, не было у ней другого призвания, кроме призвания видеть мир глазами ребёнка, быть очарованной с детства огромным небом и земной красотой. Родилась поэтом 18 января 1912 года и такой осталась до последнего вздоха. Жизнь её изучена почти полностью, мы верим и не верим её рассказам о себе, она искренне говорит о своей жизни-мечте, о сказке, в которой мученически жила свои 46 лет. Ксения, Ксенечка, Ксюша…. Стихи опубликовал журнал «Октябрь» № 3. Ей было 25 лет. Не об этом ли она писала «Крупской Надежде Константиновне» в 1937 году: «А я рождена в октябре».

Её стихи поражали современников, удивляли своей необычностью, отсутствием в них традиционного просодического стихосложения. Строчки вырубались из общего потока поэзии угловатостью графического исполнения, каким-то неземным существованием. Ксения Некрасова питалась духом кружащихся вокруг неё земными ангелами, видениями постоянного праздника жизни. Всматриваясь в окружающий мир, она удивлялась, как всё неживое могло быть одушевлённым, говорить, петь, любить, по-человечески быть одержимым в познании красоты

В детстве после болезни, когда сняли повязку с глаз, она увидела небо, «Так я впервые познакомилась с первым предметом на земле – НЕБОМ», и навсегда осталась в нём летать своей неуёмной тоскующей душой. При втором рождении, оно было «более позднее – в четыре, в пять лет», «голубое пространство, тёплое и мягкое, прикоснулось ко мне», и «вот я дышу и ощущаю его горячее (приятное) прикосновение». Открылось ее поэтическое зрение.
«Я полоскала небо в речке / и на новой лыковой веревке / развесила небо сушиться». «Из детства» – телега вобрала одного, другого, а героиня сидела « в деревянной сказке». Воздух густой и спелый, «как сливки», и колёса вертелись, «как петушьи очи»… И это чудопленение переносит всех из реальности в «тележьи щели», в мир первородства.

Небо, «как великий немой, без единого звука», пронизывает поэзию, скрепляет стихи, доминирует среди других любимых слов: снег, синий, листва, солнце, камень, сердце, улица, лицо… «Синее небо», «мглисто в серых небесах», «как небо, бог», «небо синее, как папиросная бумага, натянутая на обруч горизонта», «в синем небе гасла заря», «головою прикасалась к небу», «на небе тишь, а под небом ночь…». «И убелённые снегами художники», «снег синий молнией возник», «шел белый снег на белые поляны…», животное «водило ушами на фоне огромного синего неба…». Синее – всегда ассоциировалось с небесным-светлым, а не с минорным-тёмным, и карандашом она писала любимым синим цветом. Вдали от родины, «где день кончается без тени», тоскует душа по северу, «по большим снегам – хоть горсточку бы русского снежку с московских

улиц вьюга принесла». В стихотворении «Русский день» заклинанием звучат строки: «Храните родину мою! Ее берез не забывайте, ее снегов не покидайте».
«О, сердце у людей, живущих здесь,
должно оно любезным быть

от этих зим.
Прозрачным быть оно должно
и совесть белую, как снег,
нести в себе».
От русской скромной природы – «и плакать можно, и писать стихи». Родина, Русь, «отчизна принесла жемчужницы в подоле – дыхание мира и свободы обширно хлынуло в стихи».
В «Русской осени» «всякий раз / я вижу эти травы, / ели эти / и стволы берез./ Почему смотреть не устаешь миг, / и час, / и жизнь / одно и то же?»

И уже в следующих строчках, после обычного занятия (ходили за картошкой к бабушке), поднимается величественный голос русского человека об исцелении души, её бессмертии от близости с родными полянами:
«ты примешь меч за них, / и примешь смерть, / и вновь восстанешь, /
чтоб запечатлеть / тропинки эти, / и леса, / и наше небо».

Подруги лирической героини полны солнечного света и счастья жить:
«А лицо у Аннушки в веснушках.
И косица как фасольный ус,
и глаза у ней, как синие синицы,
округляясь, разглядывают мир».
«А моя современница Люба
рисовала цветы на фарфоре»,
«сердцем листья
травяного цвета
на золотистых стеблях»,
и, может, где-то на чужбине посланник наш или матрос уронит взгляд на травы русские на чайнике
«и вот прихлынет к сердцу странника
родины прекрасное лицо».

Обладая чистой разговорной речью, поэт ведёт нас к возвышенному простым и непритязательным ни на что стихом, но в нём сгусток образов, гипербол, выразительных эпитетов, семантических ассонансов, зоркий взгляд «третьего глаза», «он ловит то, / что прячется за свет / и в тайниках живет, / не названное словом…». «Не надо слов. / Имей большое сердце, / и ты поймешь величие полей, / величие земли».

Многие стихи Некрасовой озаглавлены по главному предмету изображения, они конкретны, просты и, казалось бы, утилитарны (Моя комната, Платье, Улица, Чаша в сквере, Анка, Люба, Наш двор, Чеснок, Лопата и другие), но развитие

чувства и мысли оканчивается глубокими обобщениями, которые дороги сердцу человека.

Содержание расширяется по мере нарастания душевного волнения, исчезает созерцательность бытовых элементов, спокойствие ведущего разговор становится зыбким. Обращения, восклицательная интонация, призыв только усиливает впечатление от переживаемого момента, а глагольные рифмы, анафоры, повторы, тоническое сложение ритма мощно скрепляют стих, составляют единое целое.

Поэт в детском наитии воспроизводит «пейзажи души», красоту ярмарки жизни. Свободный, нерифмованный стих (верлибр) многих советских поэтов и читателей приводил в недоумение (мягко говоря), хотя в поэзии он был не нов.

Классический пример сложной полиметрии и свободного стиха – наш древний памятник «Слово о полку Игореве». Верлибр появился в России в связи с

переводами поэтов Запада, хотя еще в 1981 году в своем предисловии Маргарита Алигер (знающая Ксению и ее стихи) к сборнику современных французских поэтов (23 поэта, все мужчины) недвусмысленно писала: «Иные стихи трудно даже назвать стихами, это, право же, нечто совсем иное, какие-то крики души, нимало не заботящиеся о благозвучии и сладкогласии, какие-то сгустки мысли, сгустки чувства». Однако и ей пришлось с трудом признать, что «Это – поэзия, и она доходит до сердец человеческих, несмотря или вопреки отсутствию знаков препинания или заглавных букв».

Для Некрасовой дух народной речи, язык улицы и русского фольклора был естественен и органичен. «Барчуки-соцреалисты» отвергали ее поэзию, называли «кискиным бредом», но она упорно и твердо отстаивала свои художественные принципы. Еще наш гений Пушкин писал о таком стихосложении: «Думаю, что со временем мы обратимся к белому стиху» («Путешествие из Москвы в Петербург»).

Николай Асеев восторгался её мироощущением («И хаты утками сидят / среди оранжевых садов»), Анна Ахматова ставила рядом Цветаеву и Ксению. «Поэт в чистом виде», – говорил о ней Сергей Наровчатов. Свои стихи Некрасова читала всем в упоении земной красотой, это было наваждение, огромная радость жить и дарить добро людям, петь мелодию любви к свету без привычных рифм (она хорошо знала устное народное творчество, «Слово о полку Игореве»).

Они были внутри, звенели и плакали вместе с душой поэта. Это её сфера: песни, сказы, плачи, причитания, заплачки… Не случайно Асеев отмахивался от неё, как от привидения. В жизни была похожа на «идиотку», словно именно ей говорил Батюшков: «Живи, как пишешь и пиши, как живёшь». Стихи – её жизнь, «только форма разная». Она – поэт неба, русской землицы, училась у фактов, «меняется факт – меняются мысли», и не многие поэты ее времени могли бы так пророчески сказать: «Мятежность дум проходит от берёзовых листов, / что потеряли почку в середине мая».

Некрасова ощущала себя призванной богом-Саваофом, чтобы писать стихи, дарить добро, что было одно и то же.

«А я ведь поэт
и отгадчик вселенной,
сподобленная проникать
в зрачки
и вынимать спрятанное
в уголках души».

«Имею ль право / я совет держать – / сама лишь лепечу / несложными словами, / о клены истин / разбивая лоб. / Но мы должны / указывать пути сердцам – / поэты мы / и время с веком / обвенчало нас». Ей в малом, бытовом, открывалось великое, сказочное. Конкретное возводилось до высоких нот, дышало фантастикой. Зная, что «быт и мелочь едят человека», она силы искала в себе, скиталась по свету, или то гнал её свободный ум возводить «грядки великих книг из редисок, цветов и тыкв».

Вот начало одного стихотворения, экспозиция: «Стоит на печи горшок», идет развитие простого: «тает воск…». Неожиданно в мирной обстановке – «А у

печи сидит солдат…». Позыв героя не случаен, весной пришел солдат с войны. Нарастает напряжение стиха, действие развивается активно, идет поиск цели, рифмы точные и неточные связывают парные строчки (столе – ведре, пучки – помазки) первой строфы. Опечаленный судьбой (вторая строфа), раненый,

«Солдат встает
и, дверь раскрыв,
садится на порог».

Перед ним разворачивается величавое пространство родины. Третья строфа характерна для поэта былинным троекратным повтором, развертыванием картины свежевспаханной земли. Мужские рифмы в конце строфы утверждают возвышенный тон. В кульминации сюжета природа (трава, ветки берез, сучки, шелест вершин…) торжествует: «Пришел здоров!», « Врага изгнал!», « Он мир принес!» Звучит гимн красоте, Победе! Окончание стихотворения, кажется, буднично, но своей простой естественностью, кольцом охватывает содержание и закрепляет жизнеутверждающее, доброе в душе: « И, с воском взяв горшок, пошел залечивать он раны…».

Многие стихи написаны дочерью Урала в южной стороне: «Горный февраль», «Весна в Ташкенте», «Мальчик», «Чеснок», «Да просохнет язык к гортани…». Здесь мужал голос поэта, рос талант, оттачивалось своеобразное мастерство. Но с ней всегда был снег России, камни Урала, улицы Москвы… Многие особенности творчества Некрасовой видны в известном стихотворении «Урал», которое она переделывала в течение десяти лет. Здесь ее очарование в перекличке согласных (КРыльцо, КРыло, УРал), в пронизывающих строки гласных е, о, а, («бЕРЕзы трЕПЕтали», «Ели, как жЕЛЕзныЕ», «шЕл чЕловЕк по бЕРЕгу – из лЕса»), в музыке сочетаний ере – епе — еле, ос – ис –ст (лОСкут

ОСени – лИСа вИСит…, простовоЛОсая, цеЛОвал, казаЛОся), (лиСТами, СТояли, электроСТанции, хруСТалей), (лежАл УрАл нА лАпАх зОлОтых)…
Фонетические переклички находим во многих стихах: «Русская осень» (лиСТ оСенний - раСТений - чисСТый, вСТал - ВСякий, СТволы - не уСТаешь…), «Анка» (гусИНый - чИННый – чИННо – длИННо - хворостИНой…), «День»(От дОлгОгО стОяния в наклОн, тишИНа – снежИНок, слышЕН – НЕумелой, рябИНы – холстИНовые – ИНей..). Поэт постоянно создает созвучия (рифмы) в начале строки: «и белые цветы / на узловатых сгибах. /и всюду тишина, / и синева, / и воздуха стеклянные отливы…(«О художнике»), в середине или в конце строки, создавая семантический ассонанс, музыку сонорных звуков , своеобразный поэтический параллелизм (и все идущие / навстречу мНЕ / НЕсли на обновлЕННых лицах / светИНку радости моей… («Платье»).
Стихотворение «И ели недвижны…» своеобразный двухударник, 8 строк, но они наполнены волшебством зимней сказки. В аллитерации мягких шипящих (ж, с), в повторении (и, е), во внутренней рифме (не) создается удивительное ощущение льющихся с высот хрустального шелеста снежинок, мягко падающих к подножию елей. В этих стихах находим её любимые слова (небо, снег), в первых трех зачинах повторы (анафоры) гласного «и», который соединяет в со-

противопостановлении две строфы, первая из них статично открывает панораму зимнего пейзажа, а во второй в глубоких звуковых сближениях «и, о, е» происходит нарастание активного действия в сюжете. Из целого первой строфы («и» в значении «но») лирическим субъектом вырисовывается «змеение» нового элемента (образа) в общей структуре стихов – воздуха. С характерным метафорическим эпитетом «заснеженный». Здесь ощутим параллелизм звуков и лексем, опускающихся в напряжении «с высот» к фонетической коде. Равное количество гласных (шесть) в стихах, увеличение, развертывание строк к окончанию (первая строка – 1стих, вторая строка – 1 стих, третья-четвертая строка – 1 стих, пятая по восьмую строку – в одном стихе) создают медленное «сцепление» и текучесть всех элементов в едином ритме стихотворения. Ударные «о» рифмуют «воздух – подножье», легко обрушивая ход поэтической мысли. Окончание наполнено женским ударением (клаузулой), гармонией двух доминирующих звуков (ж, е). В музыке звуков рождаются самопроизвольно рифмы, открывается красота и богатство русской речи.
Стихотворение «На сосновом табурете…» состоит из семи строк, трёх лаконичных высказываний с опорой на три сильных слова (трехударник) с пиррихием после второго акцента. Содержание сжато, астрофично, концентрация невероятная, ощущается «теснота стихового ряда», но характерная для лирического стиха поэта. В экспозиции сюжета конкретный предмет из определенной породы: «нА сОснОвОм…» Явление бытовое, когда хозяйка «я» ставит на табурет тазик с водой, готовит что-то мыть или стирать. Строка начинается с ритмического двумерного запева, внутренне предсказывая какое-то действо, и оно открывается во второй строчке образом того, что увидится в перспективе. Расширяется понятие «блюдце чайное» до бесконечного

пространства, и только в третьей строке происходит понижение возвышенного тонуса, где «вода» с постоянным эпитетом завязана сюжетно с «морем» и неподвижна в состоянии покоя. Размер хорея закономерно продолжается при ассоциативности понятия «море» и легкого чувства – походить по морю, а может, самой героине в образе «синицы», что подспудно и мнится. Здесь наступает кульминация внутреннего переживания, «синица» становится «основной точкой отсчета», главным звеном, которое связывает три верхние и три нижние строки стиха.

Своеобразие сказывается поэта в характеристики синицы (контраст цвета, особый взгляд сбоку, движение без времени). Из всех строк пятая строка насыщена согласными больше всех. Далее идет перелом внутреннего состояния, ниспадение (каденция) действия до обычного наблюдения о снеге, идущего туда не знаю куда, пространство суживается до окошка, что становится причиной резкого противопоставления субъектов стиха, или рождения грусти «я», ограниченного стенами комнаты, или невозможности выхода из материального

мира. Может быть, перенесет птица холод снега, не тронет он душу птичью, и она еще погуляет, «зажжет море», а пока «в комнате живет».

Стихи заканчиваются мужской глагольной рифмой, инструментовкой звуков (не – де, те – ет). Они дают яркое представление о художественном мышлении автора. Это стихотворение раскрывает глубину переживаемого момента, мотивированно скрытыми ассоциациями, суггестивностью образов, многозначными размышлениями о смысле жизни. Здесь настоящая лирика, соответствующая принципу: «Как можно короче и как можно полнее».

Соединяя одно с другим повторяющимися союзами, предлогами, местоимениями (и, а, как, да, из, я, само…), сочетаниями слов, Некрасова насыщает стихи традициями народного творчества, затягивает колдовской силой, лепетом листьев, рождением человека «из весны, из травы, из небес…». Начальные (а, и) «А я недавно молоко пила…», «А я встала нынче…», «А ночью ветер в брёвна дул…», ударный третий слог выводят из небытия лирического героя, из неизвестного, окутанного каким-то далеким прошлым и связывают с былыми зачинами русских песен («А мы просо сеяли…», «А неделя за неделей, как трава растет…». Стихосложение пронизано анафорой гласных звуков, ритмом идущего человека. Многие стихи начинаются с одного - двух слов, выделены интонационно и графически значимостью предмета, явления, события («На земле…», «Луна…», «Мой умный друг...», «К моим дверям…»).

Широко используются поэтом сравнения с подсобными словами «как», «словно», с приложением, существительными в родительном или в другом падеже («Дома как стадо окуней в зеленом иле вязких дней», «… большие руки на коленях, словно думы, в тишине лежат», шмель – «цветочный паломник», «небеса в глазах голубым мотком», печка русская – «медведицей», снега лежат «намятыми плодами»), постоянные эпитеты, характерные для народной поэзии.

Можно увидеть популярную стилистическую фигуру (антиклимакс): «и ложатся под ноги ей тени облачками… львами… с гривами цветов…». Некрасова в новых своих словообразованиях находила оттенки метафор, меткий признак: древнеалый язык, тучегонный ветер, проголосные стихи, продольные дожди, горностаевый вечер, листовидная голова, сердитоглазые официанки, черноокий осёл, пушистый звук серебряных снегов, тыквеннолунная чалма, зелено-пепельная листва.

Кстати, имя и фамилия – КсЕНия НЕкрасова – даёт основание думать о врожденном, неслучайном, благозвучии речи, и это несомненно чувствовала и знала она. Фамилия давалась на Руси не от того, что ребенок родился некрасивым, а чтобы уберечь от недоброго глаза чужого, любопытного человека.
При родах муж заливался плачем и слезами под крыльцом, а после рождения дитя уносили в лес, откуда с жалобами и причитаниями о некрасивости – его приносили домой. Кому охота смотреть «некрасивого»?

Она жила народной поэзией, чутко улавливала в жизни ритм песни, былины, частушки. Из своего «великолепного» детства несла людям сказку, чудо, вымысел. «Недаром вещи и в сказках говорят / на человечьих языках», отсюда «Разговор со столом» и «Сказка о коте и о еже», «Сказка о воде».

Преобразовывала мир пословиц и поговорок, искала новые обороты, образы, ощущения, оттенки смысла: «Я сидела ниже травы, тише листвы» (На закате), «Слышишь, аисты крыльями бьют на семи голубых холмах?» (Что ты ищешь, мой стих…), «Ходит по морю синица…»(На сосновом табурете…). А то и верно: «Ходила синица море зажигать: море не зажгла, а славы много наделала».

Лирическая героиня любит ходить по улицам «собирать поэзию», изучать лица людей, делиться с ними радостью, добром, своими стихами. Она живет вместе с людьми, но видит своего современника нежным, здоровым, богатым, щедрым, красивым душой. Ей приятен рабочий человек, солдат, мастер, художник, народ-творец новой жизни, его славит и признается ему в своих чувствах. Мало в жизни красоты – и она умело ткет новую ткань любви. Безобразия много, но не в этом суть ее творчества. «И вероятнее всего, что сами мы – еще не выросшие боги». Слагаются стихи об истоках слова, «Как мне писать мои стихи?», возникают обращения к Ахматовой, Рублеву, Джамбулу. Поэтесса постоянно была в поиске, о том говорят ее записи. В своих дневниках (на библиотечных карточках) Ксения Некрасова предостерегала людей о новой опасности, как никогда актуальной и сегодня: «Поднимается новая сила – жадно поедающая и мороженое, и белый хлеб и всякую дорогую и дешевую пищу с одинаковым усердием. Хватающая шелк, ситец, панбархат, корыта, кровати, зеркала, тубаретки, душегрейки, резиновые сапоги, с энергией, мощь которой непроверенна, неизмерена, набрасывается эта сила на леса, реки, горы и озера».

«Разве правда заключается для людей в том, чтобы показать им их тяготы жизни? Их черное настроение – от этих тягот? По-моему, правда – в понимании русского народа». «Правда – в добре, а добро присуще русскому народу (а не царям)». «… следует понятие прекрасного извлекать из людей, которые овладели машинами и пространствами, и на этом строить современную эстетику».

Таковы некоторые особенности творчества Ксении Александровны Некрасовой, поэта XX века, матери трудной судьбы, которая, поднимаясь по лестнице вверх, упала последний раз перед открытой дверью неба 17 февраля 1958 года.

«Я долго жить должна –
Я часть Руси».

Об этом поёт и будет вечно петь её сердце «в берестяной рожок о свершённой любви».

28. 12. 2013г.

Несколько обыкновенных слов о «Необыкновенном вояже» Станислава Коврижкина

Удивительное – рядом, всего на расстоянии пожатия руки, на расстоянии двух близких душ, которые разнятся между собой внутренним космосом, необыкновенным пространством, оком, другим не видимым, вобравший в себя огромный телесный мир. Душа человеческая способна вбирать всё в себя : неведомые галактики, треск цикад, подземный гул ревущего сонного Тартара…

«Случайно на ноже карманном/ Найди пылинку дальних стран – / И мир опять предстанет странным,/ Закутанным в цветной туман!» (А. Блок). И это жизнь, время движения света, звука, биение сердца. Мир огромен, чего там говорить кому-то, и мы все разные, в этом убеждаешься, когда читаешь трилогию «Необыкновенный вояж» журналиста, путешественника, члена Союза писателей России, действительного члена Национального географического общества С. В. Коврижкина.

Перед глазами проходят, как в связке верблюды по пустыне, гигантские творения безымянных людей, уникальные создания ума и сердца одного человека, воплощённые в камне, в металле, в звуках… «Необыкновенный вояж» С. Коврижкина захватывает полностью тебя своей страстностью, неустанным поиском увидеть окружающий свет своими глазами, удивиться ему и счастливо осмотреть свой скудельный мир и сказать: «А хорошо-то как жить на Земле!» Богата она чудесами, и главное чудо на ней – Человек! Рождается в голове пращура или нашего современника некая мысль, её неожиданный поворот, что-то пришедшее случайно, но вбирающее в себя всю сущность живущего, и уже ничто не может остановить его в пути к цели – познать этот мир, который никто, кажется, не знал, самому прикоснуться к нему опалённой душой, продлить тернистый путь идущего к истине и красоте.

Не обмани и не обманись сам, и правду – яркую, редкую – раскрой в личном соучастии жизни. Автор много видел, пережил и осмыслил, убедился, я

уверен, в том, что надо быть духом великим, пронзить душу необыкновенностью существования разных людей на одной планете, чувствовать свою ответственность перед каждой тварью (мы были когда-то такими же!), пусть будет это раффлезия Арнольди или пирамида Хеопса, мудрый старец или дитя. «…ощутил себя робким пришельцем» в незнакомом мире, «я подавлен, растерян, потерян, беспомощно, нерешительно топчусь на одном месте, стал разворачиваться в сторону, откуда пришёл, и вдруг почувствовал прилив энергии. Ощущаю тихое дыхание. Оно исходит от Святой Софии». Изложение своего мироощущения предельно кратко, лаконично. Не Хемингуэй его любимый, но близко. Диалог ведётся с реальным человеком-попутчиком. Часто с возникшим в сознании собеседником (Мысль, Душа, Дьявол, Океан, Шаман, Питоныч). Это и образ, и символ, и аллегория. Разговор прост, не развёрнут, так как нет времени и возможности распространяться автору, только о главном, порой вместо слов знаки-эмоции восклицания, удивления, сожаления – !!!, ???, что весьма выразительно. Характерны междометия-размышления: во-оо, ээ-х, вот оно-о, а-а-ам…

Литературные тропы, стилистические фигуры (эпитеты, олицетворения, метафоры, сравнения, умолчания и др.) мастерски использует автор. Излюбленный приём, пожалуй, у Коврижкина – олицетворение (прозопопея). При описании неодушевлённых предметах или животных он наделяет их человеческими чувствами, мыслями и даже речью. Ярко и захватывающе для русского читателя описание красок пустыни, стихии движущегося песка, зноя гиганта-солнца… Песок (« ржаво-коричневый», «невидимый», «матово-серый», «застывший», «упругий», «ненавистный»…) «набухал», «облегченно вздохнул,

выплеснув нетерпимый жар», «под подошвой сандалий жалобно попискивал», «задышал теплом», «величием, свободой, ни с чем не сравнимой горделивостью».

А вот и другое ощущение: «И, конечно же, вновь присутствие сладковато-прелого запаха подожжённого сахара».

Внутренние монологи, лирические и научные отступления, ссылки в историю и литературу перемеживаются с буднями в пути. Просторечье скрашивает сухой язык хроник и цитат. Я проверил факты: город Пуло, надгробия прошлого и 1Х песнь Данте из «Ада» (в ней Поло – прежнее название)… Да, так и есть. Верно. Мягкая ирония, подтрунивание героя над собой спасает его в жизни. В Хорватии автор старается «отыскать среди чужих яхт свою, которой у меня никогда не было…», да и Сахару он чуть-чуть не преодолел.

Содержание книги насыщено фактами истории, легендами, предсказаниями мудрецов, геофизиков, уфологов и шаманов. Каждая страна (автор посетил четвёртую часть планеты!) дышит обаянием самого путешественника, личностным восприятием человека, который с благоговением относится к окружающему миру. «Ты вот всё ездишь… Рай видел?» «Видел, и не один раз», – отвечает твердо Станислав Васильевич. Эль Греко, рай тропиков, ущелья

Тибета, зной Сахары… Собственные наблюдения и откровения о стране начинаются с прекрасных фотографий, свободным стихом (например, о Сибелиусе), одной страницей текста, а то просто одно-два предложения (о Монголии, Тибете). Макс Волошин, Анатоль Франс откроют новую страницу.

Интерес постоянно поддерживается легендами и мифами, хрониками историков, размышлениями наших современников – Казначеева, Загребальского, гида Сорокина, сотрудников журнала «НЛО»… У писателя-очеркиста свои особенности – компетентность и правда изложения, только факты, личный взгляд на всё, значимые советы, яркие сопоставления, поэтика совмещается с документалистикой, нет (особенно в первой части трилогии) политических пристрастий, свободная разговорная речь и точность языка учёного.

Нет вранья, мистических фантазий и домыслов, как можно встретить у некоторых «исследователей» пещер. С. Коврижкин не может мириться с ложью, и, чтобы доказать истину, смело, без оглядки идёт на опасные дороги поиска, тем самым развенчивает лжеучёных, их бред и спекуляции. И сам находит новые открытия.

Он проверяет не только себя, свой характер, свои жизненные принципы, но не может быть равнодушным, когда подсовывают вместо научной правды туфту, пишут книги, делают на невежестве бизнес. Это честный человек.

Он – дотошный исследователь и энциклопедист, любопытный, но дисциплинированный турист и авантюрист (юркнет в какой-нибудь закоулок в Константинополе, заночует втихушку в пирамиде), серьёзный знаток истории и мальчишка, которому общаться «с питонами – смелее», чем, конечно, с тигром. Рассказчик напоминает мне иногда Филалета из сказки К.Батюшкова

«Странствователь и домосед», который может неожиданно куда-нибудь умчаться, улететь…

Все события, факты, мысли простых и великих людей держатся на одном стержне – на центральном герое, который открывает, воодушевляет, предостерегает, живо рассказывает. Герой очерков гармонически (пытается и это ему удаётся) связует разнообразные свои впечатления и мнения других в единое пространство. Если в первой части трилогии – это действительно гид-учёный, проводник, ведущий из одной страны в другую, то во второй и в третьей – уже художественный образ, литературный.

«Этот неугомонный авантюрист при многих, казалось бы, безрассудных устремлениях – несомненно уникальная личность. Более того, он Герой, причём герой НАШЕГО времени, а не сегодняшнего дня», – так отзывается о своём бывшем спутнике на Белуху художник, член Союза журналистов России Л. А. Калмина.

С. Коврижкин умеет совмещать историю и современность, не только увидеть, но и поделиться своим пониманием проблем телепатии (передачи мыслей на расстоянии), талассотерапии (лечение водой, климатом), левитации (парение в воздухе). «Побывав дважды в Сахаре, я убедился в том, что

пребывание в ней даёт уникальное переживание близости к божественному замыслу о существовании мира и людей и высвобождает заблокированную «энергию».

Чувство высшего своего предназначения на земле даёт откровение автора: «Когда же начинаешь осознавать закономерность происходящих событий, встреч, появляется ощущение Пути и движения к познанию истины». В этом весь наш путешественник!

Интересны сны в очерках, они свойственны почерку Коврижкина. Это воплощение мечты, перехода желательного в реальное. Отдельные эпизоды литературно развёрнуты (ночёвка путника в пирамиде Хеопса), детально перенасыщены, говорят о сюрреалистических всплесках в сознании героя, ибо он сталкивается с тайнами ещё непознанного, ждущего своего ответа. Образ-страх не страшен, сны не пугают, они спасают от впадения в суету обыкновенной жизни. Автора «Старец с бородой – спасал!» Это был Рерих.

Или вот Карфаген, бухта. «Из её воды, выплыв и, заслонив шар-солнце, на меня смотрит человек-исполин огромной силы и воли – Ганнибал». Вот оно видение! Гипербола! Здорово, замечательно как! Откуда же этот призрак? Человек этим болеет, живёт, дышит, ждёт исполнения мечты!

Краткость, аналитика, статистика только для читающего, не дай бог перегрузить! Писатель обладает этой мерой, тем самым создаётся увлекательная динамика повествования. Свободная форма композиции материала, аргументированная полемичность, доверительный стиль, живость речи и богатство словаря, склонность увлечь парадоксом «всё наоборот!», нет сленга, жеманства и снобизма в знаниях – всё это говорит о высоких профессиональных качествах пишущего. И главное, что подчёркивает сам автор, честность изложения, волнение своей души.

Живём-то в Сибири, не в Италии или на острове Бали, и вот, сознаётся эссеист, «вдруг стал явственно ощущать в себе шевеление жабы – острой болью заклокотала обида за своих земляков, за родную державу… Живут же здесь люди(!), не то, что у нас…»

Ну что ж, у каждого кулика своё болото, свистит и радуется свету божьему. Ни за какие коврижки не сменит он свои кочки-палестины! Так и автор с умиротворённой улыбкой, умудрёно, по-соломоновски заканчивает свои сетования: «Всё проходит со временем – притихла моя жаба. Постепенно успокоился».

Трилогия Станислава Коврижкина, думаю, не авантюрный роман, тем более не постмодернистский или исторический. Конечно, «прошлое, даже отступая, не исчезает бесследно». Это особая, на мой взгляд, эпическая форма изложения странствия автора, правдолюбца-искателя, историка, поэта по рождению, учёного и зоркого фотографа, популизатора мировой культуры. В ней сочетаются и можно найти традиции путевого очерка(от Новикова и Радищева), поэтического (Паустовский), проблемного(В. Песков, Ф.Абрамов) и литературного. В жанре имеется научно-документальное осмысление жизни и

эстетическое освоение мира. Автор «Необыкновенного вояжа» посвящает пафос исследователя любителям путешествий, которые могли бы погрузиться не только в песок Аравийского полуострова, но и, что предпочтительнее, в историю и культуру народа, заранее знать выбранную для посещения страну. Много было очерков от спецкорреспондентов, послов из разных стран, но, как правило, шли они через политические издательства. Во времена ТАСС наши выезжали за границу в путешествие, в поездку, зарубежные гости к нам – совершали вояж. Сегодня шутливо-иронический оттенок в слове вояж почти исчез. В нашем видении материала явно огромную роль играет сам автор, его выбор мира, точка зрения. Она достойна, уважительна.

Поэтому я склоняюсь определить особенность изображённого С. В. Коврижкиным как культурологического очерка времени (прошлого – настоящего – будущего). Он не старается «обнять необъятное» и цели такой не ставит, но многомерность мира интересного впечатляет. Это история народов, трагедии государств, взлёты и падения тиранов, победы и поражения полководцев, бескрайность искусства живописи, музыки, скульптуры, кино, декоративно-прикладного искусства, татуировки… Всего не перечислишь.

Каждая книга трилогии своеобразна. Первая – типичное традиционное изложение пути. Структура её чёткая, ясная, хорошо продумана. Вторая часть усилена психологическими мучениями главного персонажа. «Шаман» – начальный этап перехода к новому типу очерка. Потери и страдания, поиск выхода из тупика, обретение новой цели, возрождение личности – характерны для художественного очерка. Чувствуется склонность автора к писательскому пристрастию – выразить свою душу в герое. Стихи-размышления о жизни, любви усиливают литературную сторону изображения, порою переходят в суггестивную лирику. Это другая задача, более сложная и, конечно, трудная. Тяга к ней Станислава Коврижкина, мне кажется, закономерна. Повесть «Виртуальная реальность» состоит из одной части. Главный персонаж находится на грани добра и зла, живёт двойной сутью. Спешно идёт развитие действия, сюжета. Высокая цель спасает душу от гибели.

Третья книга показывает суровую реальность и жестокую правду жизни, «бег» героя по банановому раю. Он видит прочность обычаев людей, далёких, казалось бы, от цивилизации, неравнодушен к своей родине. Отсюда горечь размышлений, призыв к людям русским: «Поможем России!» Обличительная речь нашего современника раскрывает пороки общества. Публицист зовёт к очищению. «Не живите, как аборигены, вызывая жалость и брезгливость, ибо каждый день невыносимо будет мстить за тихую покорность». Спорно, но в части покорности я полностью согласен.

17.10.2013г.

Послесловие

Зачем люди пишут стихи, поэмы, повести? Оставить кому-то свой взгляд на мир? Передать собственные мысли? Или освободить душу? Эти вопросы до сих пор мучают пишущих. А есть ли что сказать, когда лепечут что-то волны озера, мерно лаская чёрно-сизий бережок огорода, баюкая вечернюю тишь под свист

куличка и трубные глухие стоны выпи? Жёлтые стрелы камыша, далёкий плёс в алмазах, а то – небо, плачущее не один день, жар покосов, скрип полозьев по сухому снегу, гривы да колочки… Деревенька моя – Казанцево, мать Клавдия Игнатьевна (Елистратовы из Смоленской губернии), отец Николай Андрианович (его деды – шесть братьев побочников-сибиряков), из семи детей – я, заскрёбыш.

Помню из детства: рыбачил на озере, любимый перочинный ножик выпал за борт лодки, бульк – и нету! Как в Лету. Чувство мечты, потери – во мне до сих пор и, слава богу, сохранилось. Из детства не выйти, как и не оторваться от родной земли. Она питает душу, здесь корни вырастания и открытий. Отец как-то открыл мне чудо: поплевал на свою ладонь, положил зёрнышко овсяное, оно двинулось, зашевелилось… Так и живу с ним. Пытаюсь удержать.

Вбирая в себя весь мир, малую былинку, страдания и радость, болезни и уродства, гибель и подвиг сердец, разочарования, любовь – пытаешься переплавить всё в строчки, картины, рассказы. Так возникает «длинная фанатическая мысль» – книжка. И не одна. Мой мир никого не интересует, интересен большой мир, в котором живу. Вот первые мои встречи на дороге: В. Коржев, А. Плитченко, Л. Ершов, М. Юдалевич, М. Соболь…

Определений поэзии много, «в незнаемое» идут не все, но многие хотят быстро и с блеском. Но чтобы сказать что-то, надо время, надо быть самим собой, быть убедительным мыслью, чувством. Дело, конечно, не в работе (я провёл в педагогике 45 лет) и возрасте, а в той пружине, которая туго скручена, скрыта внутри и действует до смертного часа. Художник слова творит, чтобы освободить свою душу, и это – ничем не остановить. Быть самим собой – комель творческого человека. И поэту трудно быть таким, ему невозможно уйти в сторону от судьбы, он пишет потому, что не может иначе. Этому отдаётся вся жизнь.

Стихи принимаются всем сердцем только тогда, когда сам переживёшь горе или радость другого, когда чужая боль становится твоей по силе и духу. Когда рана болит, ноет и не даёт покоя. Сделанные крепко стихи тверды, они блестят, «рождённые мерцают». Мне ближе вторые. Если не тронет слово, не пронзит сердце летящее копьё, то ты и твои стихи никому не нужны. «Мотыльково-чижиковой поэзии» и так предостаточно.

А мир вокруг? Он рядом со всеми проблемами и банальностями, чем и питается поэт. Кто-то всегда сидит внутри, не отпускает ни за что, стучит молоточком, месит весёлкой опару и не даёт душе зачерстветь. Не жди вдохновения, оно может и не придёт никогда. Хотя – «Ни дня без строчки».

Видимо, и настроение, и вдохновение, и многое несказанное держится в узде стихотворцем, и это длится годами. То, что «для себя», на деле – «для всех».

Гигантский материал прошлого вбирает он в себя, постоянно переваривает. Но главное – надо выйти из него и остаться самим собой, верным своей душе. Узду, может, набросить критик, мол, не ново, уже было, сказано. Но мысль бьётся, рыщет, и слово ищется. Поиск этот неудержим, какая-то тяга. Не зря сказано, что творчество радиоактивно, заразительно, особенно от того, кто близок к тебе. Это может быть произведение великого писателя или мало известного.

Подражание не беспредельно, простое воспроизведение ничего не даёт. Нужен душевный сдвиг. Художник полностью свободен духом. Выбор только за ним и божьей волей. Свободы в других профессиях не найти. Свобода нами еще не обретена. Она трудна, и путь тернист. Времяпровождение пишущего таково, что многие называют его пустым, а для него нет ничего ценнее одиночества, сосредоточенности, внимания к внутреннему миру, погружения в трагическое существование человека. Долг его – «себе служить и угождать». Не думать о том, где твоё место среди других, как тебя воспримет государь, публика, аудитория. «Бог с ними». Всё на веки веков сказано в «Из Пиндемонти».

«Что ж не спит по ночам коростель?» (Рубцов), «Кого же ищет ветр?» (Рильке), «О чем ты воешь, ветр ночной?» (Тютчев), «Скажи, о чем твой вздох глухой?» (Кузнецов), «Зачем так долго ты во мне» (Прасолов)… Вопросы вечны, они зовут ответить меня и, может, тебя.

Автор

СОДЕРЖАНИЕ

Из сборника «Взгляни в глаза грозе», 1992г.

«Вот когда отцвету…»…….3
«Имейте мужество…»…….3
«Мы к свету осокой пробились…»…….....4
Метрополия духа……..5
Дед…….....6
«Сирень цвела…»……6
«Не волны Чанов…»……6
Два конца…….....7
Русское поле…….....8
«Разбуди меня, утро погожее…»……9
«Прости, мой край…»……....9
«Когда грохочут грязные колёса…»……10
«Не высказать, как вынесла одна…»…….....10
Прачки……..11
Рысь ……11
Гори, зелёный огонь!……....12
«Родина – это бездонные дали…»……12
Январь……..13
«Крепкий морозец, мой спутник лихой…»……..13
«О зимний вензель утра!..»……13
Добрый бог зимы…….....14
Печка…….....15
Черёмуха пишет стихи……16
«Подари мне камешек с Алтая…»……....17
Золотое озеро……..17
«Я в молочном тумане…»……18
«Алеют вечерние тёплые зори…»…….....18
«Ласточка моя…»……..19
«Пандоры ящик страшен в темноте…»……..19
Поэзия всему оплата ……20
Берегиня……21
«Моё имя в вечерней заре не забудь…»……21
«Вот и к нам подошли холода…»……...21
«Уйдёшь – и одиноко в сердце…»…….....22
«Тебя узнать…»……..…..22
«Подмигни, улыбнись…»……...22
«Нет, никогда…»……23
Дожди полевые……....23
«Без осин и берез…»……24
Земной бог. Венок сонетов……..24
«Мне не надо креста…»……..3232
В дороге с тобой……..25
Чуклайда……..27
Кровохлёбка……....27
Всадник……28
Кучум. Венок сонетов……29

Из сборника «Чингисхан, или Заря над степью», 1997г.

«Голубыми сугробами…»…….....37
Деревце……37
«Перед божьей коровкой…»…….....38
«Под окном черёмуха колышется…»……39
«Среди берёз я вырос тихо…»……...40
«О чём ты плачешь, коростель…»……....41
«Найти заветные слова…»……42
«Пронзит внезапно боль в боку…»……..42
«Бросать слова на ветер…»……...43
«Я дожди никогда не ругаю…»……....43
«Видишь, за околицей…»…….....44
«В кепке рыжей…»……....44
«В углу незаметном…»……45
На берегу Оби……..…..45
«Я опрокинусь в тишину…»……46
«Я не заметил, когда выросла…»……47
«Может, статься, тобой заболею…»……47
«И мне бы жить…»……....48
«Кто выбрал в мучениях долю…»……48
«Если б меня любили…»……..49
«У бледных стен рассвета…»……...49
Переводы из польской поэзии
З. Ручинский……..50
У.Козел……..51
Я.Лукасевич……...51
Чингисхан ……52

Из сборника «Анютины глазки», 1998г.

«Сибирь…»……60
«Высоко над Обью…»……..60
«Не ты ли, моя снежница…»……61
«Не глаза твои, а малахит…»……61
«То взлёт бровей…»……..62
Зелёный рассвет……62
«Я пришёл к тебе…»……63
«Моих поэм – дождись…»……63
«Когда ты, я не знаю о чём говорить…»……63
«В зелёной истоме Катунь неуёмно бежит…»……64

Телецкое. Гора Лысая……64
«Тишина. И сгущаются вечера краски…»……..65
Луна. Венок сонетов……65
«Я – из старого покроя…»……73
«Молодым – я не умер…»……74
В музее-квартире Блока…»……..74
Из цикла «Заметы»
1. Анна Ахматова……..75
2. Зинаида Гиппиус……..75
3. Елизавета Стюарт……76
4. Марина Цветаева («Звенят натужно провода…»)……76

Золотая баба. Венок сонетов……77

Из сборника «Ностальгия», 2004г.

«Бросаю семена чернильные фасоли…»……..85
«Павлином визжат тормоза электричек зелёных…»……85
«Не думать о тебе, о той поре…»……..85
«Читать стихи и падать навзничь…»……86
«Есть душа, что вбирает…»……86
«Поговори со мной во сне…»……86
«Вяло день настаёт…»……87
«За всё люблю…»……87
«По любому случайному поводу…»……..88
«Я думала, что век с тобою буду…»……..88
«Я позвонить тебе хочу…»……..89
«Любить – до изможденья, без ума…»……89
«Мой предок, зверь в медвежьей шкуре…»……90
«Когда о юге вспомнят птицы…»……90
«Сердцу хочется поплакать…»……91
Чаны……92
«Снега идут по НСО…»……95
«Нами правит не судьба, а блат…»……..95
«Околки редки и прозрачны…»……96
«Отчего на Земле мы бываем однажды…»……..96
«В степи повстречаешь разливы полыни…»……97
«Помолись за меня, моя добрая мать…»……..97
Мои позывные……98
Из цикла «Заметы»
Павел Васильев……..99
Георгий Вяткин……..99
Геннадий Карпунин……100
Казимир Лисовский……100
Леонид Мартынов……101
Анатолий Марченко……101
Дмитрий Олерон……..102
Александр Плитченко……102
Николай Рерих……103
Леонид Решетников……103
Александр Смердов……104
Георгий Суворов……..104
Василий Фёдоров……105

Варлам Шаламов……105

Из сборника «Солонец», 2009г.

1. **Из цикла « Окольность лет»**

«Смиренна ты, о плоская равнина…»……106
«На родине – озёр не сосчитать…» ……106
«Среди озябших трав и зелени пшеницы…»……107
«Под снегом тяжких лет как выдержать бы мне…»…. ……107
Дни Барабы. Венок сонетов..…… 108

«Лишь ночь сойдёт, затеплится восток…»……..……..115
«Ещё туман и зорька в молоке…»…….....116
«Палящий зной. И небо в жёлтой мути… »……...116
«Жара сошла, и легче под лучами…»……....117
«Неистов бег коней в степи молчащей…»……....117
«Домой с зарёю – и таков закон!..»……....118
«Заря плеснула крыльями в окно…»…….....118
« На заводь пал всемилостивый луч…»……..119
«По глади озера плывёт лениво лодка…»…….....119
«В глубинах озера развёрнутое знамя…»……120
«Над лёгкой рябью вод проносится кулик…»……..120
«Ты помнишь тот погожий вечерок…»……121
«Когда закат мне успокоит страсти…»……121
«Боготворю равнинные просторы…»……122
«Долина стихла, песней отзвенела…»……..122
«Оставив в одиночестве кота…»……..123
«Где Чан великий немощен и сух…»……..……123
«Не всем литовкой травушку косить…»……..124
«Благодарю, покорная трава…»……..124
«Подняв огромный столп воздушного потока…»……..125
«День уходит во тьму. Только ты неизменна…»……..125
«Белья закончив стирку, спину разогнув…»……126
«Банально: отцветают розы…»……..126
«Со мною не грусти. Не ожидай признаний… »……..……127
«Тяжёлый взгляд, таинственный и быстрый…»……..127
«В озёрах глаз твоих мне утонуть дано…»……128
«Такое озеро – не высыхает…»……..128
«В ложбину рук твоих упасть, забыться …»……129
«Откроешься, и томный ток волос …» ……..129
«За то, что снишься в сумраке ночном …» ……....130
«Останется со мной твоя улыбка …» ……130
«В степи ночуют вечера минуты …» ……....131
«Дороги нет назад, как нет возврата…»……....131
«Родное озеро, душа большая…»……132
«Гигант – в закате, мякотью светящий…»……132
«Не дай душе, мой мальчик, огрубеть…»……133
«Колодец жизни, чистой, родниковой…»……..133
«Найди меня, ангел, на грустной земле…»……...134
«Достались нам суровые места…»……..134
«Учусь Россию новую любить…»…… 135
«Я вышел из осенней тишины…»……..135
«О как вы злобны, жадные минуты!..»……..……136

«На небосводе – и зимой, и летом – …»……136

2. Из цикла «Заметы»

Даниил Андреев……137
Константин Бальмонт...…….. ……..137
Валерий Брюсов…….. ……138
Шарль Бодлер
1.«Из чаши жизни яд познанья пил…»……138
2.«Раздвиньте занавес – и вам открыта…»……....139
3.«Когда на камни векового замка…»……..139
Иван Бунин ……140

Максимилиан Волошин…….. ……..140
Александр Грин ……..……141
Леонид Губанов……. ……141

Вячеслав Иванов…….……..142
Николай Клюев
1.«Узнать его на Невском мудрено…» ……...142
2.«Не всем рубаху чёрную носить…»……..143
Владимир Набоков ...…….……143
Циприан Норвид ...…….144
Борис Поплавский …….144
Александр Пушкин
1.«Бессмертно солнце! И душа нетленна…» ……..145
2. «Дымится всё – тот пистолет в снегах...»……145
3. «О Муза, ты сдержаться не могла…» ……146
Артюр Рембо ....……146
Николай Рубцов ....……147
Игорь Северянин 1.«Испив сирени буйствующей пунш…) ..……..147
2. «Нашел не то, о чем мечтал всю жизнь…»……..148
Владислав Ходасевич ……148
Вадим Шершеневич……149
Марина Цветаева («Что может быть привычнее, когда…)……..149

Из сборника «Околок жизни», 2013г.

1. Из цикла «Моё гнездо»
«Стихи придут к тебе…»……..150
«Моё гнездо – в равнине плоской…»…….....150
«Нам всем пора лечиться первым снегом…»…….....151
2. Пушкинские эпиграфы ……152
3. Цветаевские эпиграфы ……158
4. Из цикла «Над солонцами Барабы»
«Отпусти меня…»…….…162
«Высохла лодчонка…»…….....163
«Ветрено…»……...163
«Посинели в холоде березки…»……..164
«Май развесил сладко уши…»…….....165
Мне клубок размотай……..166
«Меж каменных дворов, где хилые деревья…»……...168
Метро……169
«Всё время – в далёких разъездах…»……170
«Несёт ученик бережно…»……..……...171
«По желанью сердца…»……171
«Обновляют церквушки…»……171
«Во спасение – осенний…»……172
«Надежду питает далёкая синь…»……173
«В долине замерли столбы…»……..173
«Уберите с востока…»…….....174
Полнолуние……..174
«Я помру на закате…»……177
«Чибис над лодкою вьётся…»……177
5. Из алтайской тетради (Памяти В.М.Шукшина)……178
6. Из цикла «Длинные гудки»

«Снегами лет не остуди меня…»……....183
«За то, что снишься в сумраке ночном…»……183
«Если дождь начнётся и зарядит…»…….....184
«В колодец тёмного молчанья…»……185
«А в глазах – непонятно откуда?..»……185
«Надень своё лучшее платье…»……186
«Мой путь к тебе…»……186
«Есть прелесть тайная в руке…» ……187
«Ты откровенна, как убийца…»……..187
«Забываешь, что и говорила…»……..187
«Отвергнут мир. Иль нам война роднее...»……188
«Испить до дна бокал вина…» ……...188
«Потеряешь друга, не найдешь…»……189
«Случайно, у окна свистящего…» ……189
«С тобою быть – не надо неба…»……..190
«Прощай, сирень…»……190
«Блесной золотою забросишь меня в перекаты…»……192
«Я виноват перед тобою…»……192
«Здравствуй, ласточка моя, щебетунья…»……..192
«Незаметное, тайное, нежное…»……193
«Лялю с лейкой я лелею…» ……194
7. Из цикла «Нить синевы»
«Октябрь – настойка из рябиновой крови…»……195
«Клён – большое поле …»……195
«Под дождями плачут сиротливо гнёзда…»……195
«Зорьки вечерней тяга…»……196
«Выйдешь в ночь иногда…»……195
Нить синевы……197
«Мы жить ещё не начинали…»……198
«Будет жажда и мне…»……..……...198
«Где овраг тот…»……..……199
«Есть за что поэту гибнуть…»……..……199
«Как все, наверное, и я…»……200
«В цветной туман закутаться не прочь…»……..200
«Не стоит обольщаться, люди…»……201
«Нисколько не щади себя…»……201
«Клин журавлиный отравлен печалью…»……...202
На переходном мосту станции Инская……202
«Снежинок белое добро…»……..203
«В предбаннике – начало колдовское…»……204
«На базаре веников – навалом…»…….....204
«Кошку били беспощадно…»…….....205
«То там, то здесь заложены фугасы…»……205
«Уже Эйнштейн рекламе служит…»……..206
«Нет, не закончилась война…»……207
«Прощайте, фронтовые поэты…»……207
«Как проходят года…»……..208
8. Из цикла «Заметы»
Борис Богатков……209
Николай Гоголь……209
Николай Гумилёв ……210
Анатолий Мариенгоф……..210
Эдгар Алан По……211
Михаил Пришвин……211

9. Из цикла «Лети, мой свет…»
«Бродягам и скитальцам – мой привет!..»……212
«Желтеет поодаль сурепка…»……212
«Его убийца знал: за что…»……213
«Ничего бы не знать, кроме строчки весёлой…»……214
«И по сей день хожу и славлю…»……214
Лада. Венок сонетов……215
«Есть души, которые…»……222
«Нараспашку и врастяжку…»……223
«В дороге человеку одиноко…»……223
«Остаться бы в этом лесу…»……224
«Я верю вам, зелёные подруги…»……225
«Разлились по родине озёра…»……225
Соборы Руси. Венок сонетов ……226
10. Из цикла «Статьи, заметки»
Гори, сияй, звезда полей. (О Николае Рубцове)……233
«Быстролётная песня» Владимира Набокова……239

Новые стихи, заметки

Ворота Данте (монолог Лазаря)……..246
«Берестяной рожок» Ксении Некрасовой……257
Несколько обыкновенных слов о «Необыкновенном вояже»
Станислава Коврижкина ……264
Фрагменты послесловия ……

Анатолий Побаченко родился 14 октября (Покров день) 1944 года в деревне Казанцево Барабинского района Новосибирской области в крестьянской семье. После средней школы (село Зюзя) учился в Новосибирске в машиностроительном техникуме. В Бийске окончил филологический факультет пединститута (АГАО имени В. М. Шукшина).
Живёт и работает в Новосибирске.